

Гусейнов Чингиз Доктор N

Чингиз Гусейнов
Доктор N

Ненаписанные страницы романа, существующего в воображении, вроде орнамента ковра, который невидим: соткать, держа намеченную линию и в надежде избыть незатихающую тревогу, влекомый тщетой постичь себя.

Ощущенье некоей тайны, которой владеет, когда, казалось бы, тайн никаких не осталось. Что это? Недосказанность великого ума? Молчание скрытой глупости?

ПРОЭПИЛОГ, или НАЧАЛО КОНЦА

в метельном январе с обильными снегопадами и путаными снами - небо рухнуло, земля содрогнулась, утратив привычную твердь, надвое раскололась жизнь: по ту сторону его прожитые годы, пятьдесят пять, они казались незыблемыми в своей значимости, по эту - дни, их тоже пятьдесят пять, озаренные смертью.

Но провалы памяти, утрачена нить - забыто восточное напутствие и не осталось в мире никого, кто бы следовал завету: не облакайте истину ложью, чтоб скрыть истину, когда вы ее знаете, но упрямитесь. Да кто о чем знает, и знает ли кто о чем?

Так что же: прожить долгую жизнь, чтоб сокрушаться на закате дней, что иной не дано? Казалось, кто его жизнь - в назидание другим, собирал, хранил всякие свои бумаги, чтоб когда-нибудь, отрешившись от суеты, осмыслить пережитое. Крепкая витая бечевка, еще с царских времен, крест-накрест, давно не развязывал, на обложке скорая буква Н,- лично относящееся к нему. Бойтся, как в сказке, выпустить джинна, потом не вгонишь обратно, и отвлекут от текущих дел прожитые годы, всякого рода были и небыли... Нет, еще рано, не развяжет.

Год, как нет Ленина. Мнилось: новые пророки, а Ильич - их Бог, так, что ли? А тут слабоумие. Красивая, восторгаясь некогда, аббревиатура ЗСФСР, Закавказская федерация, скоро исчезнет, раздираемая изнутри: споры и ссоры, как продолжение старых распрей. Мы вам - нефть, вы нам... - помнит, будучи в Баку властью, просил: самолеты позарез нужны, а в Тифлисе их накопилось множество, еще с империалистической войны, нельзя ли поделить с Азербайджаном? Рухнет вскоре федерация, а пока Нариман представляет ее в Центре: и РСФСР тут в лице Калинина, и Украина с харьковчанином Петровским, и юный белорус, в отцы ему Нариман годится, - Червяков, дежурят попеременно в равноправном качестве Председателя ЦИК СССР, на их уровне, хоть они Центральный Исполнительный Комитет, верховная власть, ничего не решается.

Как?!

Есть фигуры посильней.

Коба?

- Опять? - нетерпеливый голос жены. - Угомонись! - Напомнит Гюльсум Нариману, какой атаке подвергся: свои же земляки забросали его камнями, прогнав. Выше его сил признать, что их участь - быть просителями, надеясь на долевы отчисления от собственной нефти, обосновать потребности: климатические условия в изменностях убийственны, трахома, солончаки, отравленная нефтью земля Апшерона! Точно просьбы пишутся гусиным пером, и то не очиненным, оставляет кляксы. Смесь самомнения и высокомерия, науськаны теми, кто наверху, и Коба среди них. А ещё Серго, он вездесущ и с правдой на сей миг.

- Вчера ты говорил другое.

- То - вчера!

И Микоян, в чью искренность никогда не верил! Киров! Мироныч?! Полный, усмехнулся, интернационал, только какой? Плюс, может, в первую голову, собственные турки-земляки, чьи речи острее меча - вонзают прямо в сердце!

Нариман надеялся, что Ильич поддержит, а он выключен из жизни, врачу-практику с дипломом ясно: припадки почти полной афазии, бессвязная речь, выкрики: Конференция! идите-идите! аля-ля!.. Гнев сменяется смехом: хохочет, хохочет, что с него возьмешь, слабоумного, явная психическая неполноценность. Думаете, лучшие дипломаты в Гааге? Нет, в Москве - врачи! И Семашко, выступая в цирке, именно там, утаил правду, трюк такой, кульбит: Ленин легко взбегаёт по лестнице, совершенно свободно говорит, шутит, трунит по своему обыкновению над всеми, рвется к работе.

- Один ты прав, все не правы! - снова Гюльсум, а он не знает, какие доводы привести, что молчать неумогу? Не выдержала б, если Наримана вот так, наотмашь: антипартийный и антисоветский элемент, - это Коба о татарине Султан-Галиеве: вздумал спорить об особых правах республик, объявленных независимыми, - сняли со всех постов, тут же на заседании партколлегии арестовали, препроводив в тюрьму. Вся свора тогда набросилась. Нет, не страх, не малодушие: Нариман два года уже воюет воткрытую с Кобой.

Коба и ужесточает формулировки против Султан-Галиева, и он же, Коба, наружную мягкость выказывает:

Сталин: Тут говорили, что его нужно расстрелять, судить и прочее. А я утверждаю, что его надо освободить. Человек признался во всех своих грехах и раскаялся, для чего же держать его в тюрьме?

Голос (чей?): Что он будет делать?

Сталин: Его можно использовать на другой работе.

Голос: Он теперь не свой.

Сталин: Да, чужак, но, согрешив, раскаялся, зачем судить?

Голос: Нет, освобождать нельзя.

Сталин: Таково мое мнение, а вы решайте.

Голос (будто сам Коба, но голос - не его): С ним надо говорить языком ревтрибунала!

Увы, все слова выговорены, пустышки, исчезло ощущение, ради чего живешь, сузилась цель - не мир, не страна, даже не край родной, а сын: вырастить, сыграть свадьбу пусть продолжит род Наримановых.

Свет погас, это часто теперь. От снега, он обильно выпал вчера, свежий,- светло. Керосину мало, надо экономить. Могут неожиданно дать свет, и тогда хоть какая, но радость. Есть свечи, зажечь одну. Втроем молча глядят на язычок пламени, изгибается, потом часто-часто выбрасывается вверх, вдруг зашипит, затрещит, но черный фитилек, кончик которого красный, держит, как стержень, свет, то уплотняется, а то вытянется в струнку, самый верх белый, середина желтая, а низ черноватый, проступает цвет фитилька.

Жизнь, в сущности, прожита, а с некоторых пор время бежит стремительно, вчера еще, казалось, набирала силу весна, а вот уже и лето прошло, и осень сменилась зимой, и уже зрима грань, за которой новая весна. Думалось: вот мерзкое прошлое, полное угнетения, фальши, глумления над человеком, а за некой вехой - царство справедливости. И созданный Союз - новый решительный шаг на пути к объединению человечества в новом качестве, тут все слова с большой буквы, образущие модное женское имя на французский манер, полное энергии движенья, - Миссоре, или Мировая Социалистическая Советская Республика, а то и Дазмир: Да здравствует мировая революция, из новых имён ещё - Марлен, или Маркс + Ленин, а также Лентрош: Ленин + Троцкий + Шаумян. Что еще? А еще - вечера живых картин, и в вихре танца с непревзойденным мастерством воплотились лозунги коммунизма,

ЛОЗУНГИ НАДЕЖДЫ.

Ликующие массы в алых нарядах вдохновенно танцуют идею Красного знамени: так и видится кумачовое полотнище, а на нем выведено белой краской на двух языках, тюркском и русском, напутствие Наримана: Счастье Азербайджана в его союзе с Россией, - так?

Долгие были проводы Наримана в апреле двадцатого года из Москвы в Азербайджан, устремился в Баку за частями Красной Армии, город нефти захватившей, - лишь так срабатывал ультиматум, предъявленный большевиками национальному правительству: да, согласны уступить власть коммунистам, коль скоро им удалось обманными маневрами вторгнуться в пределы независимой республики, только что признанной европейскими государствами de jure, и приставлен к горлу нож. Коба, провожая его, заметил: Штыком тебе прокладываем путь!

Театральное было в затее с якобы восставшим в Азербайджане народом, и он зовет Россию на помощь, и включен в это захватывающее действие даже Ильич, он и придумал! Модное слово - штык: прощупать штыком!.. Только архипросьба: записывать меньше, это не должно попадать в печать. Да, взять Баку: стратегическая интуиция по захвату города с суши, войти в морской порт, благо в порту наш человек, Чингиз Ильдрым, такое невероятное имя, Ильич переспросил даже, думая, что партийная кличка: Ворваться и овладеть, срочные меры к скорейшему вывозу! Нефть+ бензин! Взорвать изнутри, точь-в-точь, как некогда Шаумяну: Передайте, это по прямому проводу, товарищам, что мы не намерены ни теперь, ни впредь терять бакинскую нефть. Это гибель революции. Это крах социализма.

Он, Нариман, еще в Москве, только собирается в дорогу, а власть в Баку будто бы уже вручена лично ему.

Ликует Серго и Микоян: свершилось!..

Ну а теперь последует освобождение, смеются глаза у Серго, на голове волосы дыбятся, Грузии и Армении!

Сначала Армении, то ли просьба Микояна, то ли наказ, тон перевертышный.

А если всего лишь новый яркий наряд, наспех накинутый на плечи старой империи? Нет тогда счастья ни Азербайджану, ни России, и тонет, идя ко дну... - так и тянет в жару в море! огромный он, идущий ко дну корабль-держава, и гигантские волны катятся, чтоб влиться в океан, захлестывая Европу, втягивая - договорить в уме мысль, ищущую округления,- в зловещие водовороты Азию и через носик или клюв Апшерона - в Каспий, дыры бездонные, пустоты слоев, где прежде нефть залежала, выкачанная без остатка.

... Январские холода, валенки жмут, никак не разносить их, скользко ступать по паркету, сохранившему блеск царских времен.

Утром подписывать всякого рода обращения, как недавнее: К народностям Востока - столько веков империи, объемлющей азиатские земли, а Восток знаем плохо; с машинки передовицу для Известий об образовании в Средней Азии новых республик вычитал, были автономные, стали союзными; вечером прием: переговоры с турками за чашкой кофе (привезли, зная, что голод, - пайки), гадай не гадай, а сны подмога, чтоб разгадывать в течение дня. Там у себя турки рады, что рухнула империя, не скупятся на резкие отзывы о членах османской династии, султаны-халифы, а тут, когда речь о России, их заботит ее целостность, тем более, что именно Россия помогла им, и вам тоже, не так ли, господин Нариманов, или Нариман-эфенди? Потом, дабы польстить, посланник Мустафы Кемалея назовет рангом повыше: не эфенди, а паша: не так ли, Нариман-паша? Ах вы доктор? Да еще литератор?! Что-то о единстве интересов, помыслов, судьбы, естественно, языка и веры.

Нынче вечера живых картин, вожди довольны монументальной этой пропагандой, вовлечен театральный люд, лучшие режиссеры и актеры, даже известная балерина Айседора Дункан, - танцуются лозунги коммунизма. Прелесть, как поворачиваться стала работа!

ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ,

когда и свои, обращенные в прожитую жизнь, как чужие. Мак Делл? Едет в Баку? Сколько прошло со времени последней встречи с тогдашним английским вице-консулом в Баку? Лет семь?

- Ловко он, - это Чичерин о Мак Делле,- ускользнул в свое время из сетей Бакинской коммуны! - Чичерин успел перелистать досье.

- Не опасно ли в таком случае показаться Мак Деллу в Баку?

Словоохотливым собеседником стал, прежде молчаливый: не у дел, очевидно, и оттого разговорчив.

- Вы ни за что не угадаете личные мотивы встречи с вами, господин Нариманов. А точнее - в вашем доме. Здесь, где вы поселились, на Поварской, некогда жили мои родичи, и я провел здесь дивные отроческие годы. За высокой стеной размещалось посольство, и я перелезал туда.

- Там и сегодня посольство.

- Да, мало что изменилось в мире. Впрочем, здесь теперь живете вы, нас вытеснили отовсюду, - пошутил. И всерьез: - Спрашиваете, почему я против революции? Охотно отвечу. Если бы русский император удержал свой трон, а вы, подражая русской революции, не совершили переворот у себя, то я бы мог сохранить мои потенциальные нефтеносные земли, мой дом с прекрасной коллекцией ковров, серебра, латуни и фарфора.

- Раз такая откровенность, награбленные на Кавказе, добавьте.

- Отчего же? Что-то подарено, что-то куплено, не скрою, за бесценок. Я даже лишился такой дорогой моему сердцу мелочи, как белые перчатки моей жены... Не знаю, были ли вы в Баку, когда туда приезжал император?

- Был.- Нариман вспомнил, как сестра миллионера Кардашбека Сона, в которую был влюблен и неудачно сватался, подарила императрице перламутровый поднос.

- Его Императорскому Величеству были представлены жены иностранных консулов, и моя в том числе, и им были даны весьма точные инструкции относительно темных платьев, черных шляп и белых перчаток. Когда жена вернулась, я взял ее правую перчатку, вложил в конверт и надписал: Перчатка, которая пожимала руку императора. Позже, когда моё имущество национализировали, большевики устроили выставку конфискованных ужасов, среди прочих экспонатов была и эта перчатка, а под нею красными чернилами: Перчатка, которую хватала рука убийцы наших товарищей. Что ж, новые времена - новые господа. Где ж мы познакомились? Ах да: на промыслах, запах сырой нефти со сладковатым привкусом, но это еще терпимо: с приближением к очистительному заводу к запаху сырой нефти примешивался едкий запах серной кислоты.

- Вы изумлялись (а разве сам Нариман нет?) лесу вышек.

- Будто выжженные деревья. Черные от копоти, оглушающий шум двигателей и бурильных машин, огромные нефтяные озера. Наши тела покрывала грязь, когда возвращался после работы, мог пальцем написать своё имя на любой части тела. - И резкий поворот темы: О, имперские замашки! Я знаю по нашей Британской империи. У кого только их не было? Даже у Грузии, когда на всё побережье Черного моря вплоть до Константинополя распространялось её влияние. Не говоря об империях Оттоманской или Персидской. У армян тоже, не успокоятся никак, пока не создадут некое подобие былой Великой Армении, наивность на грани фанатизма. Когда-нибудь рухнет и Российская империя.

- Она уже рухнула.

- Вы так полагаете? Закавказье во всяком случае не может быть названо Россией: оно такое же русское, как Индия английская. - И о грузинах одическое словословье.

- Что темпераментны,- усмехнулся Нариман,- согласен. Но грузин грузину рознь, именитых перевидал много (на вершине пирамиды Коба). А что именно они внедрят на

Кавказе идеи демократизма, это наивно. Может, разве что достойно встретить гостя, увы, щедрые грузинские застолья не в духе нынешних времен, когда я не могу даже угостить вас, предложив нечто более существенное, чем стакан чаю. (Гюльсум только что купила на базаре несколько мерзлых картофелин.) Чья-то рифма запомнилась: в полном голоде, в адском холоде, и никак не соединить слова во фразу - руки трясутся.

- Да, - заметил Мак Делл, - мне сказали, что десяток яиц стоит у вас двести, а фунт белого хлеба четырнадцать, там и здесь миллионы.

- Увы, страна наводнена ассигнациями, еще недавно червонец стоил миллиарды. Надеемся, что новая денежная реформа укрепит рубль. К тому же наш червонец и ваш фунт сравнялись по золотому паритету!

Не говорить же Мак Деллу, какая у них нищета: превратить в шубу легкое пальтишко Гюльсум (пришила с изнанки шерстяную шаль).

- Каждый ищет опору: ваши тюрки надеялись на Турцию, грузины уповали на немцев, армяне на нас, о чем, кстати, популярно пишет генерал Денстервиль, чьи занятные мемуары у нас уже изданы.

- Выпускаем и мы.

- Да? После всего, что вы о нём наговорили? Английский хищник, кровавые злодеяния, алчные устремления, империалистический шакал... И не опасаетесь его правды о вас, высказываний о большевизме? Дух большевизма... - им заражены все: и те, кто за, и кто против. Но как долго продлится в Закавказье междуплеменная и религиозная рознь? Убивать друг друга, пока не наступит изнеможение?

- Но не вы ли, англичане, предложили свою помощь турецкому армянину Дро, и он напал на Азербайджан, мстя за депортацию армян? То же и с Турцией: как только там созрела революционная ситуация, англичане выступили в защиту султана, и это потрясло даже Армению - ведь именно султанская Турция депортировала армян! А вообще-то планы держав по части Османской империи, точнее, в свете ее краха, были ясны: оккупировать Стамбул под видом защиты султана и растащить Блистательную Порту по кускам: французы с армянами осели в Урфе и Адане, греки - в Смирне, англичане - в Карсе, Ардагане и Батуме с целью отрезать большевиков от революционной Турции. Отсюда проистекает признание англичанами независимости Азербайджана, Армении и Грузии, а также правительства Северного Кавказа - в надежде побудить их к борьбе как с Россией большевиков, так и с революционной Турцией, анатолийцами-кемалистами, и на эту уловку англичан поддались авантюристы в дашнакской Армении: напали на турецкие части, и это им стоило бессмысленных жертв и позорных унижений: почти в одно время родились параллельные соглашения, расколовшие и без того обессиленную Армению, - договоры между Россией и только что рожденной революционной Арменией, а также между Турцией и дашнакской Арменией - Александропольский, или Гюмринский, по которому Армения согласилась на турецкий протекторат Нахичевани, признав, что эта территория имеет неоспоримую историческую, этническую и юридическую связь с Турцией, предоставила ей право производить военные операции на своей территории, согласилась, что ее, Армении, территория включает только район Эривани и озеро Гокча, или Севан, и еще дюжина обязательств: отозвать из Европы и Америки свои делегации, которые политический центр Антанты сделали орудием антитурецких происков, устранить от государственного управления, дабы доказать искренность желаний жить в мире с Турцией, всех лиц, провоцирующих народ на антитурецкие выступления, обеспечить права мусульман на территории Армении в целях культурного развития и так далее, - прочесть и зачеркнуть как лишнее, но читаемое.

- Решили в форме исповеди прояснить ситуацию для собственных воспоминаний?

Станный Мак Делл, который прибыл в качестве профсоюзного босса в Баку,- опять же

тянет его туда, на пепелища (как и Наримана - к прожитым годам). Но что он дает, этот перечень дат, дел, имен, переездов, должностей, встреч, увлечений?.. нет, увлечений не было; но тут же осекся: были. Мимолетные романы. В юности - первая любовь, Сона. Какая?? Да, две Соны. И обеих любил? Сона-армянка и сестра Кардашбека Сона. А потом, много лет спустя, любовь новая (и женитьба).

Мак Делл еще здесь, не ушел.

- ...А что касается вынесенного мне смертного приговора, то он, как дом на песке, тронешь - развалится. Я был в Энзели, вдруг вбегает с вестью дежурный телеграфист, что из Баку передается сообщение на русском языке, в котором часто повторяется мое имя. Заспешил на телеграф, примерно в полумиле, было странно чувствовать себя приговоренным к смерти. Но в тот же вечер чуть меня не лишили жизни, совпадение такое: решил сократить путь, пошел напрямик через степь. Но, не пройдя нескольких ярдов, почувствовал вдруг что-то влажное, что как губка коснулось моей ноги, я был в шортах и услышал пофыркивание. Осмотрелся - медведь, идущий следом! В полутьме показался мне огромным. Я соображал не совсем нормально, вспомнил, где-то читал, что дикие животные не нападают на человека, пока тот не испугается. Как одеревеневший продолжал идти и вдруг услышал звон цепи,- это был дрессированный медведь, он стоял на задних лапах и махал мне на прощанье... Мистика, не более: услышать приговор и пасть разодранным медведем. Жуткое возвращение через темнеющую степь, неясные тени окружали меня, и шакалы завывали вдали, но - возвращение к жизни.

... Нариман в свитере, на ногах валенки, слегка чихает, это от волнения (чего волноваться?), будто глядит на себя нынешнего, людей, его окружающих, из будущего, куда прежде был устремлен, и жизнь давно прожита, а это его настоящее - уже давно прошлое. Но кому надо копаться в прожитом, не будучи в силах хоть что-то изменить?

У Наримана много всякого собралось - коротких и пространных записей, дневниковых фраз, арабская вязь и русский текст, отстуканный на машинке. Ощущение, что важно не то, что сказано, а что невыговорено и осталось в памяти. Встал, подошел к кровати сына. Холодно, печь еле теплится. Надо экономить дрова.

Московская зима угнетала Наримана лютыми морозами, скорым наступлением темноты, резкими перепадами от холодов до оттепелей, когда дышать трудно, а потом вдруг подмораживало и ходить по скользким ледяным комьям, торчащим из земли, становилось неважно, и он, как только перевалило через самую длинную ночь в году (недавно узнал, новые веяния: день рождения Кобы!), чувствовал облегчение. Ему доставляло удовольствие, отрывая листок календаря, видеть, как изо дня в день отодвигается время заката и растет долгота дня.

Спасается порой от неуютя и холода песней, народная мелодия бережет и согревает, будто печь. Слово источало, казалось, жар. Когда один в доме, тихо напевал, тревожа глубины души, и даже слезы полнили глаза. Вот бы глянул кто на степенного, седого старика: и голоса никакого, а поет. Часто одну строку напевал, а мелодия лилась, растягиваясь.

Однажды Гюльсум услышала. Насторожилась.

Нет, не смогла ты стать любимой мне...

- Кто не смогла? Я?

- Может, и ты, - пошутил.

Обиделась: - При мне ее больше не пой.

И он тут же спел другую: О моя сероглазая, душа моя...

Хрипло прозвучало. По заказу, увы, не получается. А в другой раз спел, якобы ее нет дома,- для нее: Ты моя красавица, свес моих очей...

Гюльсум затаилась: слышала, но не вышла, думая, что Нариман не знает, дома ли она. И в раю не сыщешь такой, как ты, гурии-красавицы... - мелодия щемящая, тоска чуть отступает,

уходит, вовсе исчезает.

От снега светло, глянул на спящего сына, будто удостовериться хотел: дышит!.. Тревожные ночи, когда сын болеет, задыхаясь в кашле.

Хлопья закрыли собой небосвод, нескончаемо их кружение, не успев пасть на землю, тут же тают, превращаясь в грязные лужи, шумно стекает с крыш вода, не поймешь, льет ли с неба дождь или снег, липнет на ресницы, холодит щеки, ноги проваливаются в серую слякоть, скользят.

ГИПНОЗ ЛЕГЕНДАРНОГО АСКЕТИЗМА,

и риск запечатлеть сокровенное, осторожность выработалась со времен конспирации, но до обыска, как было в прежние годы, не дойдет, хотя ручаться... - додуматься до такого: обыск на квартире председателя Центрального (с большой буквы) Исполнительного Комитета огромной страны, имя которой С. С. С. Р., и все эти точки, как и в Ц. И. К., Нариман отчетливо и не спеша проставляет под решениями государственной важности, закрепляемыми его подписью, здесь, в Москве.

Замахнулся, как это теперь ему открылось, на мстительных, которые не простят критику, представят как нитье и маловерие, вылазку контры. Успеть предупредить сына. Рассказать ему, пока жив. В любой миг... - да, он врач и понимает, что в одночасье может умереть. Уже созрело в душе, но еще не высказал: именно сегодня, когда резко кольнуло в сердце, почти разрыв с Кобой, родилась фраза, непременно запишет для сына в назидание: эти дрязги властолюбцев, безотчетное диктаторство и надменность. Вождей наплодилось видимо-невидимо, частенько и его, Наримана, величают не иначе как вождь. Ваше имя в сознании трудящихся Востока,- встать, остановить оратора, запретить, но фраза уже произнесена,- идет следом за именем Ленина, и аплодисменты не перекричать. Но удивительнее всего, что Нариман начинает к этому привыкать, даже нравится. Тщеславие? Нет, не допустит, чтоб дух был отравлен. Может, когда сын подрастет, и большевизма не будет? Да, именно так, не забыть эту фразу: и большевизма, может, не будет! Вдруг остановился, схватившись за сердце, но видения не покидали.

железный ты, Юсиф (Иосиф?), но и оно ржавеет, кичишься, властолюбец, что стальной.

никогда не позволишь себе слабость, чтоб даже жена не почувяла, чудо-красавица, хрупкое создание, единственное светлое в твоём аскетическом быту, железная кровать, застеленная жёстким одеялом, да серая длиннополая шинель, но стол непременно, чтоб засесть в поисках неотразимого слова, заклеить презренного врага и обнажить гнилое нутро двурушника, и кружка для кипятка - пить, обжигаясь.

будущий тесть прятал тебя в подвале, и будущая жена, девочка еще, носила тебе еду, твой вид страшил ее, оброс щетиной многодневной, однажды, жара была, сидел в майке, густые волосы на твоих плечах вспугнули ее, словно зверь какой в берлоге, но манил твой облик, имя обрастало легендой: как неделю шел сквозь лес, и чуть ли не тигр уссурийский встал на пути, - тигр был сыт или признал в тебе сатанинскую волю.

и о той, первой, о сыне-первенце, к которому спешил.

горестный твой рассказ о том, как осиротели ты и сын, потеряв ее, - это существо смягчало мое каменное сердце,- сказал,- с ее смертью умерли последние теплые чувства к людям.

но взгляд! твой взгляд! тяжелый карающий меч, это не театр, чтоб на картон нанести краску, и не всякий его подымет.

доходчивые призывы, дешевые подачки, которыми находил дорогу к рабам.

и твои клятвы короткие, и в скорбном облике чудился фатальный знак, в голосе хрипота, словно только что прикоснулся губами теплого еще лба, горе невыразимое.

эти твои братья, вены на тонкой шее, их легко охватить железными пальцами и сжать, вздуваются, синеют на белой и нежно-розовой коже, когда чуть расстегнется гимнастерка, приоткрывая ключицы, и проступает четкая линия, видимая издали, между черным открытым и белым сокрытым.

да, твои братья, и тот, с козлиной бородкой и бегающими острыми глазками, другой в пенсне и френче, русая с золотым отливом шевелюра, третий с его заученными жестами и хлесткой речью, три брата-богатыря, твоя любимая картинка, вырезал из старого красочного журнала и кнопками прикрепил над головой, светлое пятнышко на серой стене, и в этом тоже вызов миру, которому уготована гибель.

и в пику жене-интеллигентке, чью брезгливость к твоему аскетизму ты чувствуешь пролетарским нюхом, с ее невинно глядящими голубыми глазами, которые чуть что - и уже полнятся слезой, в надежде, как та, первая, смягчить твое каменное сердце.

братья намечены тобой в жертву, почти созрело, нужны юные, скорые на расправу и крепкие, верные до конца, чтоб понимали с полуслова, а этим надо доказывать, инерция и ржа, ждешь удобного случая и надежных исполнителей.

на бескрайних степях, где пыль да чертополох, каменные без рук и ног истуканы, плоские лица, в трещинах земля, раздолье для ящериц, питающих ядом змей, глубоко вросли в землю истуканы, торчат, требуя жертв, но однажды, не ты первый, не ты последний, свалят тебя, зароят, предав забвению.

ПИСЬМО К СЫНУ

вывел на плотном листке бумаги, отливающим шелком. Проставил в правом углу: Москва, 28 января 1925 г. В какой-то мере юбилейная дата. С этого и начать? В 1895 году 15 января (а это по новому стилю 28 января) в Баку в Тагиевском театре... - но почему первое имя Тагиев, всесильный Гаджи? Умер недавно миллионер-меценат. Нет, задерживаться не будет, - в первый раз поставлена была моя пьеса.

Так ли важно насчет юбилея? Нет, переписывать не будет, начало есть. Как родник, чей глазок был забит илом, щепки засорили, очистить, чтоб, когда муть отстоится, пошла прозрачная вода,- вскипает будто, упруго выбивается, течет и течет. Конечно, если строго судить, ведь так! то можно сказать, что почти не сделано ничего. Быть может, ты прочтешь эти строки, когда и большевизма не будет. Отложил перо.

Сын спит. Поправил на нем одеяло, оно шерстяное, стеганое, верх шелковый, прохладный, привезли из Баку. Такое слабое, беззащитное, бесконечно дорогое существо - сын. Хватит ли времени вырастить? Поздно женился... Мать часто вздыхала:

- Неужели умру, так и не увидав внука?

Так и не дождалась. А тут настояли.

- Сорок мне, какая уж женитьба?

Нашли невесту друзья-шемахинцы. Мне в моем возрасте, - сказал им, нужна единомышленница. Помощница. Чтоб понимала меня с полуслова. Дикарка мне не нужна.

Жене двадцать пять. Мягкое, теплое имя Гюльсум. Привел в дом, снял чадру, велел не носить, пусть обыватели судачат.

- Я боялась тебя,- призналась,- думала, такой степенный.

- И бойся,- пошутил.

С женьбой пришел поздравить и миллионер Кардашбек, родной брат Соны, выказывая особую радость. Может, окончательно отгадет боль, вызванная неудачным сватовством? Дерзок же был тогда Нариман, вздумавший жениться на его сестре!

Скакать по годам, а где перевести дух и задуматься.

Нет, подаст заявление, уйдет от всех постов, фразы кружатся в голове, цепляются, выстраиваются, как ему кажется, в логическую стройность. И непробиваемые стены бывшего царского особняка, где его просторный кабинет, не помогут.

Вот и пойми теперь, усмехнулся Нариман, с чего началось и чем завершилось. Физически ощутима боль, прошли суровую школу борьбы, словопрений, козней, еще чего?! Зудят руки - били линейкой, когда неровно выводил в Тифлисской духовной школе, преподавание по-русски шло, буквы кириллицы: учитель подкрадывался незаметно, Нариман задумается, и вдруг бац по пальцам! Потом для Наримана был Гори, где в знаменитой на Кавказе семинарии открылось татарское отделение, готовят туземных учителей для мусульманских школ, не государственных: по циркуляру министерства народного образования учитель-мусульманин на коронной службе состоять не может. Привычное слово татары, легче запомнить по месту обитания: кавказские, астраханские, крымские, тобольские, казанские... - всякие иные.

Учили так, чтоб быть готовым ко всему, и садоводству тоже:

- Я бы пришел к вам садовником, - сказал Соне, с которой не состоялось сватовство. А она ему:

- Сады наши за городом, где я редко бываю, есть лишь одно тутовое дерево в крошечном дворе нашего дома, и его посадили, когда я родилась, оно точь-в-точь отражает мое настроение: если печалюсь, ягоды сморщиваются и делаются горькими.

- С чего вам печалиться? Вы юны, вас не тяготит нужда... - о нужде заговорил зря, не поддержала разговора.

- А еще чему вас учили?

- Проводить метеорологические наблюдения.

- Может, вы звездочет? И предскажете мою судьбу?

- Звезды вам благоволят.

Их разговор Нариман вставит, слово в слово, в маленький роман Бахадур и Соны, но живая речь, обретя книжную оболочку, потускнеет:

- Разве вы не знаете, что наша нация отстала от других?

И Соны после недолгого размышления заметила:

- Это сложный вопрос. Действительно, в чем причина, что мусульманские нации и государства так сильно отстали? Религия? Ислам?.. Нет, не вера, как думают некоторые, тому причиной. Если бы, сказал один из мусульманских философов, пророк Мухаммед взглянул теперь на своих последователей, он не узнал бы той веры, которую основал когда-то,- и философ прав: ислам по своей природе вовсе не противостоит науке и прогрессу.

О том еще, что нам надо учиться у армян.

- Чему? - спросила Соны.

- Сплоченности и единству.

Настолько Нариман увлекся повествованием, что забыл, реальная ли Соны сказала, вымышленная ли? Ему ли или герою его - Бахадур?

Но именно Нариман, придя к ним в гости и завидев Соны на балконе, почувствует, что у него радостно ёкнуло сердце, онемееет от восхищения.

Да, молодой нефтепромышленник Кардашбек, опекающий образованных интеллигентов из мусульман.

Переплелось, запуталось, даже не верится, что это было, такая

ДАЛЕКАЯ ГЛАВА, или ЧАСТНАЯ СУДЬБА:

знакомство с Кардашбеком, неожиданное его признание, что именно предок Кардашбека Ибрагимбек выстрелом наповал сразил покорителя Тифлиса, Гянджи, Шемахи царского генерала Цицианова (только что стояли у его бюста), а у стен Баку нашел свою гибель.

Прогуливались с Кардашбеком по Персидской, ровной линией тянущейся, а точнее, как сабля, от Николаевской, и неведомо где обрывается, то покатая, то низинная. Нариман провожал Кардашбека до его дома, пересекая Каменистую, Чадровую, - жили в тупике, потом стал застраиваться новый дом ближе к центру, и Кардашбек с Нариманом подолгу стояли, глядя, как кипит на стройке работа: рытье котлована для фундамента, кладка стен подвальных, полуподвальных и двух этажей.

И встреча в тупике с сестрой Кардашбека Соной. Почудилось на миг... о, наивная самоуверенность мусульманина-мужчины, что коль скоро ему приглянулась девушка, то и она, естественно, потянется к нему.

Но исключено, чтоб Кардашбек благословил их союз, думает Нариман, ну а вдруг? Иллюзия братства ровесников? Сколько б можно было сделать полезного для нации на миллионеровы деньги!

Кардашбек понял, что Нариман влюбился,- кто устоит, не влюбится? Честь брата, который призван оберегать сестру от постороннего взгляда, казалось, побуждала Кардашбека выразить неудовольствие: сестра открылась чужому взору.

- Это моя сестра.

- Извини, что так вышло... Вы очень похожи, видно сразу.- Здесь невидимая грань, отделяющая честь от бесчестья, еще одно слова и окажется за чертой. Нариман не сдержался: - Красивая очень.

Надо осадить: Как смеешь? Нашлось спасительное: и дать знать, что Нариман допустил оплошность, но и простить:

- Тебя спасает твое тифлисское происхождение, привычен к открытым лицам.

- Хорошо это или плохо?

- Думаю, что плохо. Надо дорожить традициями.

- А по-моему...

- Ох, эти тифлисцы,- перебил Кардашбек. - Невозможно у нас, чтоб при брате чужой мужчина хвалил его сестру!

Потом встреча в театре, вернее - после спектакля (Ревизор в переводе Наримана). Сона сидела в ложе, закрытой ширмой от посторонних взглядов. После представления Нариман провожал Кардашбека и Сону, фаэтон ждал их, и Нариман, заметив, что Сона чем-то опечалена, осмелился спросить:

- Вам не понравился спектакль?

Услыхав голос Наримана, Сона поняла, что это он играл городничего. Это ее рассмешило: - Вы, оказывается, искусный актер.

- Каждый играет отведенную ему судьбою роль.

- Вы писатель и вы актер. Чем вы еще знамениты?

- Дружбой с Кардашбековыми,- ответил Нариман, довольный находчивостью.

- Ну вот, - заговорил Кардашбек, - ты обрел поклонницу своего таланта в лице Соны.

А еще встречу Кардашбек устроил, дразня сидящего в нем двойника: пригласил Сону, когда Нариман был у него, попросил, чтоб угостила чаем, подала недавно сваренное ею тутовое варенье, потом, глянув на часы, встрепенулся: - Я обещал! - И так сокрушенно: -

Извини, Нариман, вы тут побеседуйте, я мигом! Скоро буду!- И выскочил, оставив их вдвоём.

Неожиданно вдруг русская речь в устах Соны: - Вы по-французски говорите? - Нариман усмехнулся. - Чему вы улыбаетесь?

- Два тюрка говорят по-русски о французском языке!

- Это, признаюсь, от растерянности.

-Что брат покинул, оставив одну с чужим мужчиной?

Засмеялась: - Вы догадливый, хотя я вовсе не придерживаюсь старых традиций... Мне стыдно, но вам признаюсь, что мне легче говорить по-французски или по-русски, нежели на нашем. У меня были две воспитательницы, француженка и русская... Нет-нет, я люблю наш язык!

- И неплохо, - вставил, - говорите на нем.

- Между моим понятным языком и вычурным литературным такой разрыв, вы не находите? И это в то время, когда каждая нация стремится упростить язык. Наши пишут нарочито усложненно, читать невмоготу!

Сказать о себе? Не сочтет ли хвастовством?

- Я пишу специально для вас,- полусерьёз-полувшутку.- Маленький роман об одной печальной любви.

- Сами пережили?

- Кто нынче счастлив? - ответил уклончиво.- Одних влюбленных разделяет религия, других - сословные предрассудки, третьих... А вот и Кардашбек явился! (И тотчас увел к себе Наримана.)

Сона потом устроила брату скандал: как он посмел?!

- А чего ты так взволновалась? Уж не...- осекся: это слишком!

- Договаривай!

- Если велишь, спрошу: уж не покорил ли тифлисец твое сердце?

- Если даже и покорил,- с вызовом,- что с того?

- Надеюсь, не читал тебе газелей?

- Почему бы и нет? Могу,- придумала с ходу,- повторить: Я в западне, словно птица, а ты - мой охотник, или убей, или выпусти на волю, чтоб с розой соединилась. Устраивает моего брата такая газель?.. Тут же отступила: - Шучу, конечно.

- Вольность хороша в меру.

- Я была б не прочь,- ох, эта свобода, привитая европейской литературой,- если мой будущий спутник будет похож на Нариман-бека.

... На фотокарточке юное чистое личико, а сегодня... - есть стройность, но дряблая, те же глаза, когда взгляд был скор, ярок, быстр, лукав, но усталость в них, морщины на шее, заострился нос, волосы поредели. Её ли любил Нариман? К ней ли засылал сватов?.. Кардашбек, зная, не отсоветовал, а поощрил своим молчанием, - когда выпроводили сватов, отец Кардашбека Ашур, не успели те сойти со ступенек, расхохотался, сказал что-то непочтительное о Наримане,- каков, а?!, но Кардашбек заявил, что дружбу с Нариманом будет продолжать. Сделали вид, что ничего не произошло.

К тому времени постройка дома Кардашбековых завершилась на Почтовой угол Персидской, двухэтажный, каменный, с высокими потолками, расписаны масляной краской, печами и каминами, покрыты белыми, розовыми, ярко-коричневыми изразцовыми плитами.

Спешили здесь встретить новый век, устроив светский прием, пригласить на раут знать, всех вместе - и русских, может, даже градоначальника, что ни год - новый, и нефтепромышленников из армян, чтоб показать: недавняя резня дело рук отребья, подлинные интересы армян и тюрок о процветании края совпадают, и, конечно же, своих во главе с благодетелем мусульман почтенным Гаджи.

Суждено будет в этом доме встретить царицу, у которой в дни пребывания здесь

императора была расписана по минутам программа. И короткая встреча со светскими дамами... - но уже забыта роскошь восточного приема, утомительные туземные дикости: Сона вся в белом шелку преподнесла царице перламутровый поднос. Думали отвлечь Сону от недавнего горя: жених привёз невесту с драгоценностями в шкатулке в арендованный накануне дом, чтобы затем, как договаривались, повезти в Бухару, где якобы жили родичи жениха, приближенные Бухарского эмира, и - сбежал, похитив шкатулку. Шумный был позор, рассудок помутился, порой застывала у окна, подолгу глядела в одну точку, потом вдруг вздрогнет, головой качнет, побежит по коридору, спустится вниз, выйдет постоять с непокрытой головой на улице. Цепенела, если кто-то, проходя мимо ее окна, невзначай запевал народную песню: Сона-ханум, выйди на балкон, посмотри на этого красавца парня.

А потом, многие годы спустя, закрепилось за нею неведомо кем произнесенное Дэли, оттенки здесь разные: Дурочка, Глупышка, Спятившая, дети, не ведающие жалости и жестокие, дразнили ее, увы, и я в их числе, напевая старинную песню на новый лад: Дэли Сона, выйди на балкон, погляди на этого красавца парня!

Сона сердито отмахивалась, уже постаревшая, но все такая же шустрая, стройная и быстрая, уходила, чтобы кому погадать на сиюминутные и дальние везения. Много лет галерея походила на ботанический сад, в широких кадках росли пальмы, потом стало некому следить за ними, в уплотненный дом вселился люд многоголосый, речи зазвучали разные.

Из КОРАНА: НА ВСЯКОЕ ВРЕМЯ СВОЯ СВЯЩЕННАЯ КНИГА

Труп Мир Сеида, доброго товарища и Наримана, и Кардашбека, обнаружили на глухой улице: заседала боевая тройка бакинской партийной организации, действующей по поручению Кавказского союзного комитета, приговорили к казни за провокаторство и приговор в исполнение (Володя Маленький и привёл). Нариману кажется, что будь тогда в Баку, не посмели б обвинить Мир Сеида. Спорил впоследствии с каждым, кто бросал тень на Мир Сеида, хотя сам Кардашбек поклялся, что видел донос, собственноручно написанный Мир Сеидом, - донос на их с Нариманом национальную организацию, вроде Дашнакцутюна, подражают соседям.

- Не забывайте, - напомнил ему однажды Коба, - что в те далекие годы защищали явного провокатора!

- Для вас он провокатор, для меня первый тюркский пролетарский писатель! - звучит как знак, символ.

Да, первая политическая группа мусульман - Гуммет, или Энергия, учрежденная в Баку, доме на Старой Почтовой - угол Персидской, неподалеку от Караульного переулка, и собрал единомышленников Кардашбек. Идея объединения возникла в пору армяно-тюркской резни, то затухающей, то вспыхивающей с начала века и во все последующие годы.

- Дабы организовать для новой резни?! - допрашивал Кардашбека (попалась крупная добыча, сын знаменитого нефтепромышленника) ротмистр Орлик, заведующий охранным пунктом.

- Никак нет, - ответил, - Мы не намерены накалять страсти.

- Но любое национальное объединение, думаю, и ваш Гуммет, носит в итоге политический характер, обращается против правительства.

- Почему может быть создан Бакинский армянский культурный союз, а при нем стрелковые общества, мечтающий о Великой Армении, а мы не можем на своей земле защитить собственные права?

- Но разве двадцать миллионов российских магометан лишены начал духовного развития? По Крыму и западным губерниям есть Таврическое духовное управление, есть Оренбургский муфтиат по местностям Европейской и Азиатской России, шиитское и суннитское правления в Закавказском краю во главе с шейх-уль-исламом и муфтием, не довольно ли для духовного просвещения мусульман?

- Я имею в виду просвещение светское, политическое.
- Вы народ смиренный, богобоязненный... - и долго-долго, убаюкивая.

Собирались в кабинете Кардашбека на первом этаже - просторной комнате, куда вела дверь от длинного застекленного коридора. Нариман предложил издавать и газету под тем же названием, что и организация,- Гуммет, слово казалось простым, легким для запоминания. Прежде уже пытались, и каждый раз запрет Петербурга, Главного управления по печати: Для чего татарам газета? Интеллигенты читают по-русски, простые татары пасут свои... - сказать бы отары, к рифмам охоч, но не расположен шутить, - стада.

Был теплый осенний вечер на исходе сентября, собрались в кабинете Кардашбека Нариман (с ним явился Мир Сеид), Мешадибек Азизбеков (студент Петербургского технологического института, будущий бакинский комиссар, прибыл на каникулы и застрял, в связи с русско-японской войной занятия ещё не возобновились), Ахмед-бек, создать свою газету и его давняя мечта, ему тридцать пять, старше их всех, многое перевидал в жизни, поездил по миру, учился в Сорбонне, далее Лондон, Стамбул... меж собой земляки прозвали его Французом, Ахмед-Француз. Недавно в газету Каспий пригласили, в помощь к редактору Топчибашеву (будущему главе Азербайджанского парламента), выходит по-русски, с типографией приобрел миллионер Гаджи. Ахмед-Француз прав: газета - трибуна, но что пользы говорить с земляками не на родном языке? Кто, к примеру, узнает, что Ахмед-бек выступил недавно в Каспии в защиту популярного русского литератора Максима Горького, который, обладая особым пророческим даром, верно уловил дух ислама, за что, кстати, и был подвергнут своими атакам. Вдохновенно прочел статью Ахмед-бек: вот кому, мнилось тогда Нариману, стать во главе нации - на фарси готов толковать, на арабском, силен в турецком, русском, да еще европейские языки - французский и английский...- самородок!

А как господин Горький понял ислам - это лучше всего видно из его пьесы На дне. Вот слова, которые он вложил в уста татарина Асана: Магомет дал закон, сказал: вот закон. Делай, как написано тут! Потом придет время, Корана будет мало... время даст свой закон.

Да, как говорится в Коране: На всякое время своя священная книга. Увы, мы привыкли связывать с исламом дух религиозной нетерпимости, хотя непосредственное знакомство с текстом Корана приводит к иному пониманию взаимоотношения разных религий, настоящих и будущих.

Нариман только что закончил трагедию Надир-шах, специально ездил к тифлисскому цензору Кишмишеву, такая занятная фамилия, который питает благорасположение к Нариману, чтоб разрешили постановку,- отказал!

- Причина? - удивился наивности Наримана.- В трагедии свергается царская особа, и на ее место избирается простолюдин. Чем не иллюстрация коммунистических идей?!

- Но это историческая правда.

- Не всякую правду можно обнаружить! (в Петербурге пьеса прочитана, ответ столичного цензора: отказать в постановке, ибо может повлиять на разгоряченные умы). Еще год прошел, прежде чем разрешат, но - лишь издать, и Надир-шах выйдет на средства Гаджи в Баку.

Деньги от продажи трагедии ушли на оплату долгов, впрочем, и заработок от постановки Ревизора в театре Гаджи тоже, а Нариман вздумал еще учиться: только что открыт в Одессе Новороссийский (императорский) университет. Но на какие деньги?

- Что ж,- сказал Гаджи,- дело стоящее. Чем в мутной воде рыбу ловить выучишься на доктора, недуги лечить будешь. Так вот, моя контора на время учебы будет каждый месяц выдавать тебе полсотню рублей, деньги не очень большие, но вполне приличные, долг вернешь потом, когда разбогатеешь.

Нариман поехал учиться не один: в одном вагоне с ним - Насиббек Усуббеков, юноша-романтик, возмечтавший стать юристом, будущий премьер Азербайджанской республики, но

кто мог знать, что станут по обе стороны баррикады?

Так близко живет Исмаил-бек Гаспринский: человек-легенда! издатель! просветитель! аксакал! К нему в Симферополь на зимние каникулы едет Нариман, а с ним и вся группа кавказских тюрок из Одессы, которых опекает Исмаил-бек, и в своей газете Тарджуман он помещает заметку Кавказцы в Крыму.

Поедут и в Бахчисарай, побывают в местечке Овчукой, или Село охотников, где родился Исмаил-бек. Вот и дочь его Айнуль-Хаят, вышла к ним мамой (Моя жена Зухра-ханум из знатного рода тюркского просветителя Акчура, дочь его). Эмансипированные мусульманки, Айнуль-Хаят редактирует журнал для мусульманок на крымско-татарском, понятен им всем (как оживленно говорит с нею Насиббек, щеки пылают, в глазах восторг, уж не влюбился ли?).

Все здесь первое: и первая в России ежедневная газета на тюркском, и первая светская тюркская школа... Исмаил-бек поехал по России, в Париже учился, обуреваем идеей собрать мусульман-тюрок всего мира.

А летом увлекла-завлекла Наримана битва с университетским начальством включил в листовку грозное требование свободы мысли, из вольнолюбивых идей отрочества. Студенты прозвали Наримана стариком, ему уже за тридцать.

В бумагах его затерялись фразы листовки, вроде живого луча в кромешной тьме (?), была революционная сходка, из-за которой лишился стипендии. Этот презренный металл - презирает и теперь, а ведь недавно подпись Нариманова была впечатана в деньги новой Азербайджанской социалистической республики, ни одной купюры не осталось на память.

Был жаркий август девятьсот четвертого, урядник Прокопенко, кому дано знать о нахождении у Мир Сеида, вероисповедания магометанского, татарина-адербейджанца, подданства русского, за границу не был, к дознаниям раньше не привлекался, преступного характера печатных изданий, явился на фабрику, произвел обыск и обнаружил в столе и на шкафу противоправительственные издания, принесенные на фабрику причинным лицом, приложены к дознанию (а основание привлечения к дознанию - показание свидетеля, фамилию не указывать).

По выходе из тюрьмы Мир Сеид дал Нариману прочесть свой рассказ Чак-чук, несколько страниц, аккуратно исписанных арабской вязью: у ворот караул из легзин, в руках у них дубинки, за поясом кинжал. Меж идущих на фабрику рабочих снуют есаулы, прислушиваясь, о чем говорят. Урядник, как черный петух. Тонкие, словно грушевый черенок, шеи желтолицых рабочих. Ткацкие станки, с грохотом издающие монотонные тревожные звуки: чак-чук, чак-чук... - две тысячи станков. С шести утра до часу и с двух до семи вращенье колес, круженье ремней. Мастер избил рабочего: надо бастовать! И героя как зачинщика арестовали. Тюрьма и камера - все точь-в-точь: два русских, армянин, два еврея, немец, грузин и мусульманин. Двое, армянин и немец, постоянно играли в шахматы, фигурки вылеплены из хлебных мякишей, а остальные с утра и до позднего вечера спорили.

Эскиз романа, это ново, хотя произведение. Люди Наримана и он сам, зараженные российским духом, непременно хотят, а в последнее время тайно, привязать их детище, к рабочей партии, и не выговоришь, эРэСДзеРПе, какой-то в названии холод, стужей сибирской пахнет, а ведь цель, чтоб... - вымарано, лишь кавычки читаемого слова гуммет торчат, как рожки, да гарь в воздухе после недавнего пожара на Биби-Эйбатском нефтяном промысле братьев Нобелей: загорелась огромная нефтяная струя, пожар перекинулся на другие скважины, и вскоре пылало шесть фонтанов, и огромные столбы огня вырывались из-под земли с прерывистым ревом, крупные брызги горячей нефти падали вокруг, пылающие доски выбрасывались поднимающимся жаром и грохались в открытые амбары с нефтью, и дым скрыл солнце... Лечебница Наримана была переполнена обожженными. Полыхало несколько недель, приезжали из Лондона и Парижа, чтобы зрелище такое увидеть. Моряки утверждали,

что ночью за много километров от берега можно было свободно читать при свете пожара, и невиданные доселе диковинные птицы, привлеченные этим кажущимся солнечным заревом, прилетали из дальних лесов и сгорали в огне, то ли закатывается, о чем бредили многие, и Нариман в их числе,

ВЛАСТЬ КАПИТАЛА,

и каждый, кто испытывает её удары, вовлекается в ряды борцов, так повелось издавна: восстание рабов, Спартак, прочие, хотя случается... - вот они, втроем вышли к народу на этой выжженной земле, почерневшей от нефти, масел и мазута, кругом лязг и гарь: доктор, нефтепромышленник Кардашбек и рабочий Мир Сеид, душа которого горит огнем мщенья. Вот и вчера - на промыслах Кардашбековых несчастный случай: двое погибли, и Кардашбек держит траур по ним.

Нариман одобряет поступок Кардашбека, который задумал широкую программу помощи рабочим своих промыслов, а Мир Сеид сомневается в искренности Кардашбека:

- Иллюзия национального мира и согласия? Мы с вами были в благотворительном мусульманском обществе, чествовали праздник Новруз, вы видели вереницу мужских и женских фигур в жалких лохмотьях, они обивали пороги здания в ожидании скудных подачек!

Как будто вчера было: он в гостях у Гаджи, удостоился чести, хотя меж днём, когда ступил на бакинскую землю, и днём, когда переступил порог дома Гаджи (книжку чтоб о нём написал), пролегло немало времени.

- ... Да, за шесть копеек в день в свои детские годы,- говорил Гаджи, я, сын башмачника, перетаскал на голове немало кадок с раствором, пока не стал каменщиком, а потом мелким подрядчиком, - Гаджи усмехнулся, - как обо мне не совсем точно писал... теперь он большой русский ученый, Менделеев его фамилия, некогда гостил у меня в Баку, вот, можешь взять с полки энциклопедию Брокгауза, еще одно имя, забыл, и прочесть, недавно получил и мне перевели, сороковой том.- Гаджи не поленился, снял с полки и принес, вручил Нариману.- Не ищи, страница девятьсот сорок первая с продолжением на сорок второй,- и, видя изумление Наримана, заметил: - Да, у меня неплохая память и на хорошее, и на дурное, но зла на душе не держу, уповаю на Аллаха, каждому он воздаст, а страницу запомнил, скромничать не стану, за высокую оценку моих трудов: одно дело, когда свой хвалит, а другое - чужой, к тому же ученый человек... - Пока Гаджи говорил, Нариман пробежал глазами столбец - задело про похвалу своего. - Ты не спеши, я повременю, читай внимательно!

Весьма важным местным двигателем бакинского нефтяного дела...

- Что же ты не читаешь? - спросил Гаджи.

- Что вы, я читаю.

- Ты вслух читай! - велел Гаджи.

.. должно также считать хаджи Тагиева, который с большой настойчивостью, приобретя местность Биби-Эйбат, вблизи моря и Баку, начал бурение, провел много буровых скважин, которые почти все били фонтанами, устроил обширный завод прямо около добычи, завел свою русскую и заграничную торговлю и все дело все время вел с такою осторожностью, что спокойно выдерживал многие кризисы, бывшие в Баку, не переставая служить явным примером того, как при ничтожных средствах (в 1863 году я знал г. Тагиева как мелкого подрядчика), но при разумном отношении ко всем операциям, нефтяное дело могло служить к быстрому накоплению средств.

- Подряды эти,- прервал он Наримана,- и дали мне возможность подкопить денег и рискнуть, арендовать земли в Биби-Эйбате с двумя компаньонами. Я всегда верил в удачу, ну и начали бурить скважину. Бурим, бурим, а нефти нет. Не стерпели, ушли мои компаньоны, я им их доли вернул, но не отчаялся и думаю: Неужели все впустую? Мастер тоже, добрый малый, уста Мурад, царствие ему небесное, жалел меня: Может, бросим, а? Нет, говорю,

наша земля прячет свое золото, испытывает нас на долготерпение. И вот из скважины забил фонтан. А я заготовил, веря в удачу, баки для нефти, договорился с аробщиками, решил на первые вырученные деньги дорогу от своего промысла до шоссе проложить. Ну, и другие буровые тоже дали нефть, я удлинил дорогу до мечети в Биби-Эйбате, чтобы Аллаха не забывали. Многие годы спустя построил этот дом, в котором с тобой беседуем. Бог даст, приглашу и на дачу, в свой дворец в Мардакьянах... Но ты не дочитал, я прервал тебя.

...возможность честным трудом скромному деятелю, подобно хаджи Тагиеву, быстро богатеть под защитой русских законов, наверное, дает прямые политические плоды, я..." - запнулся, а потом понял, что опечатка: надо не "я", а "и".

- Что ж ты умолк?

- Тут ошибка, Гаджи.

- Ошибка? - не поверил.

- Не я помогает, а и помогает, и далее, как здесь написано: "обаянию России в Азии, потому что при порядках..."

- Ты подожди читать, дай-ка я посмотрю!.. - надел очки.

- Просто опечатка.

- Ты мне это место аккуратно отметь карандашом! Перепроверить меня хочет,- подумал Нариман, а тот действительно перепроверит, как признается потом, это в характере Гаджи - сказать без утайки, убедится в правоте Наримана, и это повысит его в глазах Гаджи, которому непременно захочется чем-то еще помочь молодому тифлисту, чью пьесу (трагедию Надиршах) он разрешит поставить на сцене своего театра, да еще издаст на свои средства повесть, - благое дело помочь земляку, у которого, как Гаджи слышал, большая семья на руках и нужда косит его.

- Что там насчет Азии?

... и помогает обаянию России в Азии, потому что при порядках, ранее русских господствовавших в тех местах,- ничто подобное немислимо.

Гаджи стоял, и на лице его была торжественность, словно позировал художнику, точь-в-точь как на собственном портрете - занимает всю стену от высокого потолка и до самого пола. Открыл сейф и с трудом выдвинул на себя массивную дверь:

- Подойди сюда,- позвал Наримана.- Видишь? - и держит в руке мастерок.Что это?

- Мастерок... Нас этому учили в Горийской семинарии.

- Похвально! Каждый раз, когда я открываю сейф и вижу свой мастерок, я даже следы извести не стер, вот, потрогай,- дал подержать Нариману,- я говорю себе: - Не зазнавайся, Зейналабдин, помни, что ты сын бедного сапожника, маляр и штукатур, никогда не забывай, кем ты был, иначе судьба отвратит от тебя свой лик! - Добавил: - Скоро ровно полвека, как я, двенадцатилетний мальчик, познал труд. Шутка ли сказать - пятьдесят лет! Дважды твои года, Нариман! - Вдруг вспомнив о чем-то: - Поедешь со мной, Нариману.

По набережной к губернаторскому саду, и фэтон остановился у духана. Выскочил хозяин и - к Гаджи, а он, не выходя:

- Сколько за гостей уплатить должен? - спрашивает.

Хозяин мнется: - Пока не знаю.

- Как не: знаешь? - удивился Гаджи.

- Они еще пьют-с.

- Пьют?!

- Велели их кормить и поить, вот они и... - Гаджи перебил:

- Со вчерашнего дня?

-Да-с. - Сошел и в духан (Нариман - следом):

А гость - Шаляпин, тюркские актеры гостя русского угощают за счет Гаджи. Тот вдруг встал, головой потолка касается - такой голос!.. Чуть стены духана не разнёс, всех на

набережную не выдул.

- Да,- сказал Гаджи,- велик русский народ!

- А мы? - кто-то из патриотов.

- Мы? Такого громового голоса у нас не было и не будет!

Извечное его состояние, кажется, с отроческих лет, вырвалось наружу и не дает покоя,

ОДЕРЖИМОСТЬ,

и ею наполнены, переливаются через край, устные речи, газетные заметки, репортажи и фельетоны,- сколько их было у Наримана, некогда собрать, сложить вместе, выстроив годы, цепочку встреч. И постоянные его заботы о близких: смерть матери, смерть старшего брата, новые сироты, за судьбу которых Нариман в ответе, больше некому.

Да: революция, царский Манифест, ограничение цензуры, либерализация слова. Перо стало быстрым, легким, целые страницы исписывались за вечер, и ничего в них не надо было менять,- пошлет по почте или принесет в редакцию,набирают и тут же в номер.

Ахмед-бек не советует подписывать своим именем, осторожность прежде всего, ни к чему дразнить хозяев: - Навредишь себе.

И Нариман взял первый слог своего имени: Нар.

- Что ж, Нар - это мужественный, оправдаем твой псевдоним.

Отдельные фразы Наримана не нравились Гаджи, который газету субсидировал, особенно насчет трех партий у нас в стране: бюрократов во главе с Дурново и Витте, она мастерски отрезала Манифесту хвост и голову, оговорив циркулярами каждое его положение, конституционалистов, то есть прогрессивных, и равнодушных - почти все взрослое население страны.

Мои заметки, но кому они нужны сегодня? Придумывал всяческие ухищрения о цензуре, которая, дав нам глаза, лишила их зрения.

- Ты пишешь: Под шумок перебранок кое-кто из наших толстосумов нещадно грабит обездоленных. Может, назвать этих миллионеров? - осторожность осторожностью, но Ахмед-бек привык к французской откровенности и британской точности за годы учебы в Париже и частых поездок в Лондон. О том же, не стовариваясь, ему и Мир Сеид, который, выполняя поручение боевого крыла Гуммета, а точнее - Бакинской организации социал-демократии, ведет агитацию среди рабочих на промыслах, призывая к борьбе.

- Хатисов, Монташев...- Имена были дописаны в кабинете Ахмед-бека, и арабская вязь запечатлела на бумаге.

- Ставь точку,- сказал Ахмед-бек, обретя благоразумие.

- Выходит, притесняют только чужие богачи? Для объективности я бы назвал и кое-кого из наших мусульман.

- Кого? Может,- с недоверием,- Кардашбековых?

- Почему бы и нет?

- Да, но...

- Более того, - перебил, - перечисление я б замкнул именем Гаджи!

- В его газете?

- А что?

- Лишиться денежной помощи?

- Существует официальное соглашение, заверенное нотариусом, долг я верну.

- Но есть неписанные правила.

- Безнравственно не возвращать долг и менять убеждения.

- В тебе говорит отчаяние, ты рвешься в бой, чтобы не отстать от юнцов вроде Мир Сеида.

- Разве наша цель не борьба за лучшую долю мусульман?

- Но на основе национального единства! Знаю, тебе не терпится возразить: дескать,

какое возможно соглашение между босяком Мир Сеидом и миллионером Кардашбеком? Между мной, тобой и Гаджи. Но убежден: идея классовая борьба, может, для кого-то и приемлема, для нас - губительна. Мы слишком малы перед лицом грозных держав, готовых поглотить и подчинить нас. Впрочем, мы с тобой говорим заученными книжными фразами, слишком легкие доводы и контрдоводы, поспорим, разоидемя, а жизнь идет своим чередом. Кто прав, кто не прав?

Может, назвать этих миллионеров? - завершал свои заметки Нариман, и эти его слова были выделены в газете.- Вот они: Хатисов, Манташев, Кардашбеков, Гаджи... - то ли в тот день Гаджи и Кардашбек были заняты и не заметили номера газеты с упоминанием их в ряду притеснителей народа, то ли решили не связываться, но ни Ахмед-бек не получил никаких упреков, ни Нариману не было высказано неудовольствие, и он продолжал будоражить публику:

Не помешало бы прибить, как подкову, слово совесть на дверях кабинетов Треповых, над кассами богачей, у входа в редакции газет, сеющих вражду между народами,- Аршалуйс, Мшак, Арач, еще одна есть, Якорь называется, умело поливает грязью инородцев. Вышить совесть на шапках лихих казаков, чьи шашки остры... Где еще - пусть читатель присылает предложения.

Не ведаем нашей истории, отнят у нас язык, чуть ли не молиться скоро будем по-русски. А что мы, мусульмане? Что ни велят - со всем соглашаемся: не нужны школы на родном языке - согласны; общества для защиты национальных прав не нужны - согласны; ваш враг, шепчут на ухо, армяне, режьте их согласны... Остальное додумайте сами до следующей нашей пятничной беседы.

Договорились созвать съезд мусульманских учителей Кавказа - вот и расскажи об этом съезде: наконец-то нашелся смельчак, бросивший вызов всеильному Гаджи!..

Август, можно даже назвать точнее: 15-е число, когда, по народным приметам, переламывается хребет жары, в ранний утренний час на Шемахинке, в зале городской школы открылся съезд - первый в истории мусульман России, в Баку прибыли учителя немногих тюркских школ, разрешенных правительством под натиском либерализации жизни.

Уже многожды разливались соловьем: дать новое движение просвещению, а впрочем, и такое приходилось слышать Нариману - не нам, мол, науку двигать, пусть займутся этим другие народы - франки, англичане, немцы, не говоря об американцах. Наш удел - кейфовать в свое удовольствие. Русские?.. Они больше озабочены тем, как сохранить империю, первые в мире воюя, нет им равных в драке.

И все же: просить власти или требовать, чтоб просвещение мусульман сдвинулось с мертвой точки, и национальный язык занял достойное место в преподавании? Вспыхнул спор между горячими головами, а среди них Нариман, он открывал съезд,- познавшими в молодости судьбу гонимого учителя и умеренными: довольствоваться тем, что едть, и благодарить власти.

Наримана некогда шокировал приказ инспектора просвещения, Левицкий его фамилия: Не вздумайте говорить на уроках по-татарски! Услышу хоть слово выгоню!

А как объяснить тюркским детям,- эта шутка могла дорого стоить Нариману,- смысл слов, которые я произнесу по-русски? При слове собака лаять, а при слове кошка мяукать?

Не один Нариман сражался с Левицким, и гянджинец Рафибейли: Пока нет национальных школ, не будет и национального воспитания. А Левицкий то ли чтоб поиздеваться, то ли по глупости, мол, нельзя ли, чтоб ваши дети учили русский перевод Корана, замечательный есть перевод, Саблуковым выполнен, в русских школах, а затем работали у вас ахундом, муллою и эфенди? Рафибейли ему резко: Нельзя ли так, чтобы ваши русские дети получали образование и воспитание на еврейском языке, выучив перевод Евангелия, замечательные есть переводы, затем проповедовали его в ваших церквях?

- Не просить, а требовать! - бросил в зал Нариман. По рядам прокатился шум, кто-то захлопал.- Да, указать четко: съезд требует! Требуется, а не просит! Свободное развитие национального языка и обучение на родном языке, уравнивание учителей-тюрков в правах с учителями других национальностей, открытие учительского семинария наряду с Гори, что в Грузии, и на территории Азербайджана, в Баку или Гяндже, для подготовки собственных учителей.

- Можно, конечно, и потребовать,- заметил почтенный Зардаби (он болен, еле говорит, почти не слышно), - но не думаю, что это пойдет нам на пользу и понравится наместнику. Мы здесь с одним Левицким справиться не можем, пристало ли тягаться с наместником и его свитой?

Зал зашумел.

- Что ж, давайте голосовать поправку Наримана,- предложил Зардаби, убежденный, что она не пройдет.- Кто за?

Разом вскинулись руки, а тут еще кто-то выкрикнул из зала:

- Прав не тот, кто старше, а тот, кто мудрее!

Утром на съезд явился Гаджи, встали с мест, приветствуют его, и он, опираясь на палку, направился к трибуне:

- Мне передали, что вы тут вчера изрядно расшумелись, а решение, которое вы приняли, указывает, что съездом руководят... - поискал глазами Наримана, показал на него своей палкой, - недалёковидные люди, вроде Наримана Наджаф-оглы. Вы что же, не знаете, кто такой Нариманов?! Он в кармане не имеет ни одной копейки, учится на мой счет, а здесь, при всем народе,- и обвел глазами президиум и зал,- смеет сеять анархию, произносит революционные, антиправительственные речи, вводит вас в заблуждение! Прошу образумиться, нет, не прошу, я требую отменить вчерашнее решение! Неужели не понимаете, что оно бросает тень на всю нашу нацию перед правительством, которое так много делает для процветания края? Не требовать у него мы должны, а просить! И не забывайте, что мы живем в русском государстве, да, да, господа, в русском государстве! - и, сойдя с трибуны, направился к выходу.

- Гаджи, стойте, выслушайте меня!

Гаджи недоуменно оглянулся, остановился на миг, не зная, идти или нет, но тут к нему услужливо подошли из партера и пригласили сесть.

Нариман стоял на трибуне:

- Господа! Наш уважаемый Гаджи прав: в числе его стипендиатов нахожусь и я и, к слову сказать, благодарен за его помощь! Но я не знал,- и тут Нариман повернул лицо к залу, избегая взгляда Гаджи,- что господин Тагиев помогает бедным учителям для того, чтобы не имели своего мнения. Если до сих пор господин Тагиев помогал студентам для того, чтобы жить только мнением господина Тагиева,- Нариман волновался,- то я не могу из-за своего прошлого омрачать позором и настоящее: молчать там, где нужно кричать. Никому я не давал права и не позволю за презренный металл заставить меня молчать, когда в это же самое время не только открыто говорят, но и проливают кровь за освобождение угнетенных народов от оков самодержавия! Перед всем съездом я с радостью отказываюсь от стипендии господина Тагиева, чтобы жить свободным от тиранов нашего времени и чтобы впредь потомки наши не продавали себя за презренное золото!

По рядам прокатился гул, в дальнем углу раздались аплодисменты. Гаджи встал и молча покинул заседание.

И этим будет хвастать: "Не просить, а требовать!""? Тут была важна решимость! Идея превыше. Превыше чего? Тогда он из прошлого глядел в будущее с великой надеждой, ныне - из будущего в прошлое, и смена знаков. Дни закрыли годы.

Гаджи велел конторщику поехать к Нариману домой на Кладбищенскую и дать ему

знать, что выпады против себя оставляет на совести Наримана, договор нарушать не намерен. Передали также каллиграфическим почерком написанную копию договора, пусть Нариман не забывает,- помнит наизусть это долговое обязательство:

Я, нижеподписавшийся, коллежский секретарь Нариман Нариманов, даю это обязательство потомственному почетному гражданину Гаджи Зейнал Абдин Тагиеву в том, что так как он, Тагиев, неуклюжий оборот, выдаёт мне на дальнейшее образование в высшем учебном заведении в течение пяти лет. И так далее, целое состояние, обязываюсь возместить ему эту сумму полностью, в чем и подписываюсь - когда возместит?

А тут (Нариман в Одессе, возобновились занятия) письмо из Баку: убит, как провокатор, Мир Сеид. Чак-чук, Медный рудник и провокатор?! Нариман в Баку - из Одессы не дознаешься. Впрочем, не дознается никто ни тогда, ни теперь, одни лишь версии, наполняющие душу тревогой.

БЕЗЫМЯННАЯ ГЛАВА, или ВОЛОДЯ МАЛЕНЬКИЙ

Кто распутает, с чего началось? Может, с печати, которая Гуммету потребовалась, чтоб обезопаситься от провокаций, а когда изготовили (резиновый кружочек прикладывали к бумаге), Кардашбек спрятал её по совету якобы Мир Сеида в телефонной трубке? А тут обыск: все тот же урядник Прокопенко, как только вошел, - к телефонному аппарату, отвинтил крышку мембраны и достал, как важную улику, печать. О хитростях с телефонной трубкой жандармерия давно знала, были случаи, когда приказчики при миллионерах прятали так крупные купюры. И в те же дни пришло в Бакинское охранное отделение предписание из канцелярии наместника царя на Кавказе, что у них под боком всюю орудуют мусульмане, которые с недавних пор включились в противоправительственные движения,- при этом в письме назывались, со ссылкой на собственную агентуру, имена особо опасных, кои подозреваются, в том числе Кардашбек и Мир Сеид.

В ответ на обвинения в бездействии ротмистр Орлик решил оправдаться: дескать, сеть в наших руках,- сидеть в Баку, не зная о том, что творится под боком? но что реализованное указаний задерживается крайнею конспиративностью участников организации. Далее Орлик указывал, что Кардашбек года четыре назад состоял в качестве секретного сотрудника Бакинского губернского жандармского управления, затем оставил это занятие, всецело посвятив себя революционной деятельности... - вот тут у тифлисского полковника Душкина возникли сомнения в логичности размышлений ротмистра Орлика: какая к черту конспиративность, если в движении участвует бывший секретный сотрудник управления? А во-вторых, как же управление проморгало уход Кардашбека? Орлик назвал в качестве своего агента еще и Мир Сеида, воспринятое Душкиным с сомнением, что не мешало ему и этот пассаж о членах организации Гуммет в точности повторить в депеше за своей подписью в Санкт-Петербург; указать, что Гуммет насчитывает незначительное число членов, из коих известны жандармерии по агентурным сведениям и выясненные путем наружного наблюдения Ахмед-бек Агаев, один из организаторов мусульманской группы Дфаи, поставившей задачей своей деятельности вести путем террора борьбу с администрацией, если таковая будет принимать меры против тюрок на почве национальных столкновений с армянами; Кардашбек, ближайший сподвижник и правая рука Агаева, субсидирующий ряд изданий; Мир Сеид, числящийся в ряду экспроприаторов; Нариманов, наблюдение за которым затруднено из-за частой смены местожительства, ныне студент Новороссийского университета, активный газетчик, материалы коего служат возмущению общественного мнения среди мусульман.

При обыске у Кардашбека обнаружены: листовки и прокламации на тюркском и армянском языках, одна из них - Для чего нужна народу конституция? всякого рода гектографированные воззвания Комитета народной обороны соединенной мусульманской интеллигенции, а также писанный рукой переводчика Бакинского жандармского управления

Алиева перевод устава боевой дружины партии Дашнакцутюн.

Кардашбек заявил, что да, состоял более трех лет негласным сотрудником управления, вел агентуру на свои средства, давал настолько ценные сведения, что по представлении департаменту полиции был награжден орденом Святого Станислава III степени; но его провалили, жизни грозила серьезная опасность, вынужден был уехать в Тифлис; никогда ни к какой партии не принадлежал, а что касается воззваний, то они оставлены у него накануне обыска Мир Сеидом, личностью крайне темной, бомбистом.

Орлик, дабы показать беспочвенность обвинений в бездеятельности, когда прежде дремавшая мусульманская масса создает свою политическую организацию, называет своими агентами двух из числа создателей Гуммета: Кардашбека и Мир Сеида; информация невзначай просачивается наружу, и тут главная ставка делается на Кардашбека: дать ему знать, что не он один служит, и его сведения можно перепроверить; а также подвигнуть к решительным действиям: коль скоро узнал, что Мир Сеид агент, есть вероятность, что может узнать о нём и Мир Сеид; а узнав, сболтнуть, ослепленный завистью к богатым.

Бунтовщики быстры на расправу с агентами охранки, и Кардашбек, опасаясь быть выданным, непременно опередит Мир Сеида, и тогда, как свершится казнь, косвенно подтвердится достоверность орликовских сведений насчет агента. А если главный агент, на которого жандармерия возлагала надежды, убит, то затрудняется немедленная нейтрализация политической деятельности мусульман, требуется время, чтоб жандармерия смогла восстановить свои ряды, - верим тому, чего нет, и не верим тому, что есть. Впрочем, Орлик убежден, что мусульманские партии - забава, в департаменте от страха в глазах двоится, мусульмане, как ему доверительно признался один из издателей-мусульман, народ тихий, доверчивый, реальной угрозы для властей не представляет, можно не особенно беспокоиться насчет верноподданности татар-адербейджанцев.

- На чем основываются ваши доводы? - спросил Орлик у издателя, прежде польстив ему (к каждому найти ключик!): - Вы, кажется, Шекспиром увлекаетесь? - Издатель закивал, радуясь. - Отелло, сказывают, перевели? Даже сыграл заглавную роль! Впервые... - итд (Шекспир заговорил по-нашему), и Орлик выудил признание:

- ...Охотно отвечу на сомнения относительно верноподданности моих земляков. Политическое положение России настолько незыблемо, мусульмане, живущие внутри России, настолько верны и преданны словам Корана: Атиуллага, ва Атиу-Расул, ва Уллу Амри Минкум, то есть покоряйтесь Богу, его Пророку и своим Царям, что никому в голову не придёт проповедовать против Корана (Орлик оформил беседу как протокол допроса). А что Кардашбек?

- кто мог подумать, Юсиф (Иосиф?), что в мечети нашел прибежище бандит, ах да, не бандит, а экс, к тому же не мусульманин, после ограбления почты и казны.

- не грабеж, а экспроприация! допустимы боевые выступления для захвата денежных средств!

- впрочем, ты притворился глухонемым, никто не заговаривал с тобой, потом жил в небольшой комнате, никого не впускал; и если кто незванный постучит к тебе, долго вслушивался, затем резко отодвигал засов и отскакивал; что ж, конспирация, и однажды к тебе явился Кардашбек, визит был особенный.

- А, это ты,- Коба не ждал Кардашбека. Прибавил фитиль в лампе, в комнате сразу стало светлей. Ясно оттенялись глубокие оспины. - Керосин экономить надо.

- Велю, чтоб обеспечили.

- Ну да,- усмехнулся,- миллионер-нефтепромышленник!.. - а потом серьезно: - Нет, не надо. - Весь съежился, худой, будто сто лет не ел.

- Вот, принёс тебе любимое, - в узелке долма, голубцы из листьев виноградных, мацони в медном кувшинчике, луженый, весь в резьбе.

Коба в синей косоворотке, чередует с черной русской блузой, облегающей тщедушное тело, в тесном коротком изношенном пиджачке, как с чужого плеча.

Ел, озираясь, но прежде вынудил Кардашбека отведать с ним.

- Боишься, что отравлю? - пошутил Кардашбек.

- Кто вас знает, азиатов! - Глаза так и сверлят: - Шучу, за компанию веселей есть.

- С чего феску турецкую на голову напялил?

- Понять хочу, как в феске голова варит.

- И как?

- Забавно, а силу дает. И росту тоже... Ерунду спрашиваешь. С чем пожаловал? - поел, вытер полотенцем рот, глаза чуть потеплели.

- Разговор есть.

- Провокатора выявили?

- Кто тебе сказал?

- Володя Маленький... Это потом. Надо нам прокламацию отпечатать, протянул тетрадный листок, аккуратно, буква к букве, написанный. Зачтутся твои заслуги перед революцией.

- А как с провокатором?

- Соберемся и решим... Как его, имя забыл? - Тут же вспомнил: - Мир Сеид... Я его часто с Нариманом вместе вижу.

- Нариман ни при чем.

- Сам по себе стал провокатором?

- С жизнью играет, бомбист.

- Володю Маленького послушать надо. Там и решим.- В глазах неясный огонь: бросить сеть, кто попадет, какая рыбка.

Проводил, прежде убавив фитиль, до двери, а потом, резко её открыв, выпустил гостя.

Собрал тройку Коба (Володя Маленький и еще двое): в Гуммет пробрался провокатор, факт неоспоримый, избобличают прямые и косвенные доказательства. Помочь партии очиститься, гнилую ветку вон.

Решение было передано в группу устранения, и там - жеребьевка, нужный билет вытянул Николай, чье имя потом кем-то было исправлено на Алексей: на эН изобразили арку, удлинили правую линию И, из К вышло Е, итд, тройное сокрытие подлинного исполнителя приказа: ни Николай, ни тем более никому неведомый Алексей, а Володя Маленький.

Договорились, что когда Мир Сеид зайдет к Кардашбеку, то при выходе, нет, план нереальный: вряд ли пойдет к Кардашбеку.

Володя Маленький встал чуть свет, прождал Мир Сеида на углу его вытянувшегося на весь квартал дома на Нижне-Приютской, в конце спуска. Майский день обещал быть жарким, но в тени каменного дома было прохладно.

Ему - задание, вроде бы выпал жребий. Третье поручение, и ни одной осечки. На сей раз избрал нож, накануне заострил, потренировался в ударах: снизу, в бок, под лопатку, где сердце. Задание и есть дело, ради которого готов рисковать. Не убьешь одного - подведешь многих.

А вот и он, вышел из калитки, в своей постоянной, изрядно помятой кепке серо-синего цвета. Пошел навстречу.

Заманить в ловушку.

Давно не виделись - вспомнил, это вмиг промелькнуло, как однажды удачно выполнили с ним поручение только что созданного штаба: были на подхвате при нападении на банковского чиновника, выручка оказалась небольшой, агент дал неточную информацию, а

может, чиновнику, который вез деньги, не выдали положенную сумму... Такая же, как и тогда, стремительная походка, куда-то спешит.

- Володя? Рад тебя видеть! - Особенно как узнаешь... вернее, уже знать не будешь.
- А ты весь светишься! Удача выпала?
- Догадался. - Кого еще предал?
- Может, влюбился?
- Заметно?
- И кто твоя избранница?
- Секрет!
- Дочь градоначальника? - с чего-то вдруг.
- А ты ее видел?
- Очень красивая.
- Так бы сразу и сказал, что сам влюбился.
- Увы! Разве ее отдадут за меня?
- Можем похитить, помогу.
- Если б только Володя, а то еще и Маленький!
- Давно хотел спросить, да все некогда: почему тебя так прозвали? Рост что надо.
- Дело не в росте. За мелкую душу, очевидно,- и смотрит, чтоб проверить, как

среагирует.

- Ладно, брось на себя клеветать.- Убью когда, поймешь, клевету или нет. Станный разговор.- Не спросил, а что ты в наших окраинах делаешь?

- К тебе шел.
- Задание какое?
- Да.
- Хоть бы предупредил. - Чтоб успел донести?
- Спешешь?
- Да вот,- вытащил тетрадь из кармана,- рассказ тут написал, набрать надо, в типографии ждут.

- Балуетесь? - Очередной донос? Интересно, на кого?
- Это серьезно. - Ну да, дальше некуда!
- Потом отдашь, типография не убежит.
- Наборщик ждёт. А что за дело? - А вот узнаешь!

Шли под окнами невысокого дома, промолчал. Потом, когда завернули к глухой стене дома, сказал, что в потайном месте оставлен ящик с патронами, надо взять.

- Осилит вдвоем? - Позовешь на помощь жандармов!
- Там еще люди будут.

Выбрал два места, не получится с одним, поведет к другому, пустырь за полуразрушенным домом, участок куплен нобелевским чиновником, скоро начнутся работы, снесут и возведут новый, в два этажа.

Вызвать злость в душе, чтоб рука была твердая и удар точный. Решил, что нанесет удар сзади, под левую лопатку.

Было неременное условие - объявить, за что казнят. Но Коба при этом неизменно добавлял: Нам важен результат, что провокатора вывели на чистую воду и ликвидировали как нежелательный элемент. Объявим приговор или нет, вслух или про себя, желательно, конечно, успеть, но мы не мистики, мы практики, нам свойственна беззаботность насчет теологических вопросов, в загробную жизнь не верим, держать ответ пред Богом не намерены, не ровен час, пока объявишь приговор, дело провалишь, короче, придерживаться инструкции формально и действовать сообразно обстановке.

Некоторое время шли молча, и Мир Сеид с чего-то вдруг сказал о Кардашбеке, Володя

Маленький даже растерялся:

- Не он ли достал патроны? Недавно купил винтовки, а теперь и патроны? -
Определенно служит!

- Мое дело: сказано - выполнить, а кто и что, ненужное любопытство, я так понимаю.

Вскоре были там, где и свершится казнь. И так быстро.

Еще мгновение назад - жил и мыслил, теперь - труп. Падаль. Вслух произнес-таки:
Предателю собачья смерть!

Из кармана торчала тетрадь. Вытащил и быстро исчез.

Ничего в записях не понял. Показать кому? Сжег в печке.

КАРТОТЕКА АГЕНТОВ ОХРАНКИ (каждый второй)

Мир Сеида в картотеке нет, надо внести, проверят и окажется, что не учтён, и Кардашбек без клички, беспорядок! - Ротмистр Орлик думал перебрать картотеку, но тут явился агент, легок на помине, Тимур, работающий по партии Гуммет, оплаченный пятьюдесятью рублями в январе (и сотней в декабре!), с какой-то пустяковой информацией о Нариманове: дескать, решил, оставив Одессу, перевестись в Казань (с чего такая перемена?), но отказался от этой идеи, ибо досдача экзаменов требует уплаты гонорара профессорам, иначе потеря года; впрочем, информация, как вскоре выяснилось, устаревшая.

Но Орлик, отвлекшись, так и не осуществил задумку. А потом и вовсе отошел от дел, ничто не вечно под луной, к тому же осталось нереализованным в папке недоуменное предписание департамента полиции Бакинскому губернскому жандармскому управлению провести тщательное расследование для выяснения лиц, выдавших сотрудника, а также принимавших участие в убийстве, коль скоро Мир Сеид был агентом. И на сие предписание случайно наткнулся ротмистр Куличин, сменивший Орлика. И Куличину, желавшему, помимо всего прочего, обновить списки агентов, хотелось узнать о судьбе тех, кто за ревностную службу заплатил жизнью, и он вышел на Кардашбека, который сказал, что слышал, как по поводу гибели товарища по партии сокрушался Юсуф Меликов, вредный малый, приказчик мануфактурного склада Саввы Морозова. В доме Меликова на Чадровой был произведен обыск, обнаружена нелегальная литература. Тот с легкостью, на которую Куличин не рассчитывал, выложил все, что знал по делу об убийстве Мир Сеида, и никакой он не товарищ мне по партии. Что Мир Сеид в свои семнадцать лет, по молодости, а также под влиянием политических страстей вступил в местную организацию Иттифак, что означает Союз, - удивился, что не ведает Куличин об этой их на шумевшей в свое время организации, знает, но притворяется. Членами ее были еще книготорговцы Гулам Мирза Шарифов и Аббас Кули Кязымов, тоже недавно подвергся аресту, Кардашбек, у которого собственный дом по Персидской, и Мир Сеид. Организация явилась ответом на злонамеренные козни армян против нас.

- Ближе к делу,- перебил Куличин,- историю эту знаем.

- Мне известно, что Мир Сеида начали подозревать в отношениях с жандармами.

- Откуда? - перебил его Куличин.

- Сейчас сказать трудно, но помню, что об этом говорили.

- Кто?

- Ну... - задумался на минуту, а потом назвал Кардашбека.

Понимая бесплодность затеи, ибо Мир Сеида не было ни в каких секретных списках, Куличин закрыл дело, отметив, что выяснить лиц, выдавших... итд не представляется возможным, а заодно перебрал картотеку платных агентов, коим с выдумкою найдены клички: Шиит, дворянин Эриванской губернии Мамед Багир Таиров; Суннит, житель Дагестанской области; Фигус - обслуживает местную организацию социал-демократов, вхож к главарям, из коих самый надежный для него источник - Коба, чья информация помогла некогда провалить важную явку, и в лапы охранки попала крупная добыча - Шаумян: он

доверил Кобе местонахождение явочной квартиры, а Коба, единственный, кто знал, сказал Фикусу, такая вот цепочка, зафиксированная в досье. И возник разлад между главными, и Коба у нас на крючке. Ценнейшее донесение поступило недавно от Фикуса, требует обработки, - вчера заседал Бакинский комитет эсдеков, на нем присутствовали прибывшие из центра Джугашвили-Коба, а также член комитета Кузьма, он же Шаумян. И далее: Члены предъявили Джугашвили обвинение, что является провокатором, агентом охраны, похитил партийные деньги. На это Джугашвили ответил им взаимными обвинениями.

Фикус - он и есть фикус, зацепится и висит, а вот Дорогой, также по части местной социал-демократии, это уже фигура, притом наиважнейшая, имеет тесные связи среди армянских революционных работников, к эсдекам примкнул, среди которых пользуется доверием; дабы укрепить его позиции, обыскивался неоднократно и арестовывался; сведения его отличаются правдивостью и обстоятельностью; содержание в сорок пять рублей в месяц вполне соответствует его услугам, почему, ввиду его усиленной просьбы, представилось возможным прибавить еще пятерку, доведя таковое до полсотни рублей в месяц,- Куличин понимал, что есть некая незримая цепочка злоупотреблений, которая связывает их всех, всю жандармскую сеть, и пресечь казнокрадство, которое было, есть и будет, покуда раскол, хаос и неразбериха, вне его сил, но разве признается в этом даже самому себе?

Стоном стонущая, полная хвастливо-трескучих фраз, криком кричащая КАВКАЗСКАЯ ЛОГИКА.

Ворох бумаг: Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам заседания Думы. Электротпечатня Хачатурова в Тифлисе, на Саперной улице. Важнейшая опечатка, без нее, увы, никакую книгу не издашь: набрано Тьму аркань - поди, попробуй заарканить - следует читать Тьмутаракань. Ругань и споры, ораторов не перекричишь, Думские дебаты по кавказскому вопросу. И Союз русского народа здесь, и эсдеки, и мусульманская фракция, и еще, и еще.

- Господа,- звонок председателя,- покорнейше прошу без вопросов!

Чтобы та тьма, которая царит на Кавказе, весь тот ужас и та кровь, которая там льется, были осмыслены Центром. Народы, дескать, экспансивны, сангвиничны и дики, оттого все беды (Пуришкевич?): ни унять их, ни приструнить, ни обуздать, ни заарканить.

Но кавказец кавказцу рознь: братья-грузины, недруги-армяне и послушные татары, они же мусульмане, или тюрки,- наиболее ээ... э консервативный элемент, и потому наименее преданный возмущениям и смуте. В общежитии правдив, в дружбе верен, слово держит (а на суде солжет).

Вот вам и разумное обрусение края, а если что не так - в тюрьму, которые должны быть расширены: и потийская, и батумская, и сухумская, а также александропольская, эриванская, шушинская, карсская, ну и, естественно, древняя Метехская в Тифлисе и знаменитая Баиловская в Баку, вмещают они триста, а впихивают шестьсот: кто только в них не томился, прославив их своим пребыванием, и выбито на мемориальной доске собственное имя: Коба, комиссары врозь и вместе, Нариман... - нет, Нариман в Метехскую заточен был до комиссарской поры.

Нет-с, никому с армянами не сравниться!.. Всегда выражали сепаратистские устремления, воспитывали в этом духе молодежь, пели сепаратистские песни с зейтунским маршем, - кулуарные беседы в перерывах, распространяли карту Великой Армении, до каких пределов, думаете вы? И что нам останется?

Уже на трибуне: Если вы этих карт не видели, почту за честь представить их. (Смех слева, рукоплескания справа). Полный развал на почве сепаратизма, лихоимства, мздоимства, безобразий. Не слышали разве (все тот же Пуришкевич), есть армянин разумный, а есть - армянствующий, и все бунты-волнения от них! (Рукоплескания справа).

А что Центр? (Это Чхеидзе, чьими выступлениями зачитывались.) Какая созидательная

работа может быть в обществе, где устоем жизни стала виселица, а основанием благосостояния народного взяточничество? Никак не успокоятся, что на Кавказе не все деревни, не все города разрушены до основания, что еще есть на Кавказе кое-какие признаки жизни, что Кавказ - жемчужина, чудный уголок, воспетый Пушкиным и Лермонтовым, облюбованный всеми лучшими русскими людьми,- еще не обращен в одну могилу, на которой могли бы беспрепятственно совершать черносотенную тризну (Рукоплекания - слева, шиканье - справа). По всей России гуляет разгул и насилие. Ветер дует не потому, что качаются деревья, как мне казалось в детстве, и дождь пошел не потому, что люди открыли зонтики. (Смех слева.)

Впрочем, есть и дельные реформы: законопроект о том, чтобы кроме лошадей привлечь к отбыванию повинности и быков, и буйволов. Это шаг вперед, потому что уравнивание в правах произошло и у животных. (Смех и рукоплекания слева). Так что ворон вороне глаз не выклюет! (Голос справа: О, туземцы! Ворон ворону, а не вороне!)

Воронцов-Дашков созвал примирительный съезд армян и мусульман и фамилии у враждующих совпадали, выбрали с умыслом, корни-то почти одни, тюркские, персидские или арабские: Арзуманов - Арзуманян, арзу - мечта, Балазаде Балаян, бала - дитя, Асланов - Асланян, аслан - лев... Только что, как козлятки молодые, бодались Бадалов и Бадалян, а теперь, польщенные приглашением, тезки-делегаты возликовали, объясняясь друг другу в вечной дружбе. Но в армянской пороховнице пуды пороху, не то что у тюрок-мусульман: лишь на выстрел, на залп и хватило, весь порох вышел, и гарь улетучилась. Еще из тезок: Демирчизаде и Демирчян, и приставка Тер как знак святости, у тюрок Мир, тоже святой, прямой потомок пророка Мухаммеда, да будет над ним мир, и отменные кондитеры постарались.

А толку - никакого.

...Говорят, что на Кавказе грабежи и убийства, террор. Но, спрашивается, где, в каких частях империи не наблюдаются те же самые явления? Газеты полны известиями о разгуле страстей. Сенаторская ревизия открыла невероятный факт, что в первопрестольной Москве грабежи и убийства совершались при содействии агентов той самой власти, на которую возложена обязанность бороться с преступными явлениями (Гегечкори?). И армяно-татарская резня на Кавказе - продукт правительственной провокации! А расстрел в Тифлисе безоружной толпы, запертой на площади как в клетке? В течение получаса грохотали выстрелы - пачками, залпами. Потом люди метались, разгоняемые казаками.

Ад крошечный!.. Перелистываю работу комиссии и всюду встречаю: ограбили, изнасиловали, избили - гнусные издевательства! Вот показания потерпевших:

Дом наш на краю селения, мужа моего не было дома. Отряд прибыл в наше селение в вербную субботу и остался до понедельника. Многие женщины и девицы бежали в горы и леса. Я не могла, потому что мой мальчик лежал больной. На следующий день ночью казаки ограбили дом, взяли переметную сумку, палас, шестеро ушло, а один стал приставать ко мне; я не отдавалась; началась борьба, казак бил меня, каблуком ударил в грудь: я повалилась, и тогда он изнасиловал меня. (Возгласы справа: Ложь! Из каких трудов это?) Из трудов комиссии д. с. с. Вейденбаума. Потерпевшая... (Шум справа)... Будут еще случаи изнасилования-старух. (Возгласы: Довольно! Зачем же всякий вздор читать?). (Шум. Крики. Звонок председательствующего.)

Председательствующий:

Покорнейше прошу соблюдать тишину. До меня доносятся такие крики, что если еще один такой возглас, я уйду, и заседание прекратится.

(Голос справа: О карте Великой Армении!)

(Возглас слева: Пуганая ворона. Смех).

- ... С границами от Ливана до Куры, даже переваливая за Северный Кавказ. (Голос

справа: А Воронеж? Шум.

Кто-то рвется на трибуну: Проповедь Армении до Воронежа вовсе не такая белиберда, над которой можно смеяться. (Смех слева. Возглас слева: О батюшки, как страшно!)

- ...Да-с, успокоение Армении, может, и наступило, но не ранее, как их вырезали татары в Баку. Когда они наткнулись на другой сепаратизм татарский, когда попали на татарский нож - успокоились, увидели, что если русская государственная власть не будет оберегать их, то их вырежут. Кстати, я об азербайджанских турках, которых неправильно называют татарами. Так вот, татарский нож! И армяне тогда перестали увлекаться мыслью о восстановлении Великой Армении. Государственная дума наполнена не младенцами: она должна читать между строк! (Голос с места: Хорошенькое занятие!) (Голос слева: Перевешать всех!) Что ж, перед лицом сепаратизма русская Государственная дума может почесать в затылке! (Смех слева, возгласы: Приятное занятие!)

И многожды еще будет: смех, Bravo!, шиканье, рукоплескания, шум, перебранка, звонки председателя. И насчет логики: Логика кавказская! - в упор. Да, кавказская, самая лучшая!.. (?) И вопль исстрадавшегося председателя: Сегодня я имел несчастье слышать с этой трибуны и с разных сторон такие возгласы, которые сочту своим долгом зачеркнуть в стенограмме, ибо мне совестно их пустить в печать!

А финал - разгон очередной думы, она же собор, вече, курултай, съезд, что еще? А еще духан, где Чхеидзе любил чахохбили, а Хасмамедов - хаш (с чесночным соусом), и лопались щеки у зурначи (точь-в-точь как на картинке, которая вывешена у входа в духан: выпученные от натуги круглые глаза).

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ,

как развязал узел, и высыпалось содержимое свёртков, страницы ненаписанного романа.

Лики судьбы, вроде масок, которые помещены в его книге горестных историй, скоро выйдет, вёрстку прислали, - скорбные, самонадеянные, презрительные, еще какие?.. И смотрит на него усталый постаревший человек, он сам, врачеватель душ (?). Казалось, теперь, когда вознесен высоко, и не мыслилось, что такое возможно - отныне преспокойно может править опущенным ему временем, слепой рок готовит коварства (вознести, чтобы сбросить в пропасть).

Копились записи в Астрахани, дважды сюда приезжал - сначала как ссыльный, а потом... - покинул бакинских комиссаров.

Вернулся в Тифлис с дипломом врача, а его хлоп - в астраханскую ссылку, после семимесячного заточения в Метехской тюремной крепости (на пять лет из пределов Кавказа): всех тифлисских и бакинских смутьянов, если бунтуют, но не замешаны в убийствах, вооруженном сопротивлении властям, актах экспроприации, непочтения к царствующим особам, подрыве империи... что еще? ссылают в Астрахань, южную Сибирь. Нагрязнули с обыском, а у него русские прокламации и всякая иная арабская вязь: программы, уставы, - вот-вот грянет революция, и Нариман одержим идеей насильственной переделки мира, империи.

- Что лично вас толкает на преступный путь борьбы с порядком в государстве, Нариман? Я понимаю, когда Ульянов-Ленин, идеолог терроризма, с императором сражается, карлик на великана руку поднял! - Нариман не сдержался, удивленно брови взметнул. - Не согласны насчет терроризма? Разве не им сказано: убийство полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, захват денег. Его можно понять, за брата мстит, тоже был террорист. Или, я недавно его допрашивал, Шаумов его фамилия, у вас он Шаумян, познакомьтесь в Астрахани. Что ж, и Шаумова-Шаумяна понять можно: родины у него нет, отнята она, народ его обижен. - Даже не поленился, к карте подвел Наримана: - Вот он, Арарат, близок локоть, да не укусишь! Кричат на весь мир, сея семена озлобления. А что

вырастет? Горечь да яд. И беженцы, которые наводняют чужие земли. А вы? Хотите этими микробами отравить дух послушания?

И ссыльным был тогда Нариман в Астрахани, и, случаются курьёзы, гласным городской думы. Да, почтенный и всеми уважаемый доктор, лекции в Народном доме, книги-брошюры О холере, О чахотке, О женском вопросе, чтоб просветить мусульман.

Еще не было войны, и даже дух ее не ощущался в стране, извечно воинственной, но пыл погас, особенно теперь, когда нет-нет, а всплывет позор японского поражения, и задолго готовились к празднику - грядет трехсотлетие дома Романовых.

Откликнуться, как и подобает революционеру: славный юбилей шайки, известной под именем... уже сказано!.. Праздник помещиков, жандармского корпуса, шпионов, интендантов, провокаторов, рясофорных убийц Священного Синода, громил и пропойц царевой черной сотни - Союза русского народа!.. Юбилей грабежей и опозорения России Романовыми!

Перед кем же (это из листовки) народ должен преклониться в столь памятный день? Перед опозоренной ли постелью Екатерины Великой, или перед кнутом и прутьями Николая Вешателя, или перед кулаком и бутылкой водки Александра Пропойцы, или же перед виселицей и каторгой Николая Кровавого?.. (прочитав, передай товарищу.) И еще: раньше хоть, когда казнили, били в барабан, чтоб не слышно было криков и воплей казненных!

Власти пробуют привлечь демос,- начинались игры в демократию: выборы в очередную думу. По второй городской общей курии прошел выборщиком сочувствующий рабочей демократии доктор Нариманов. А вскоре Нариман получил послание городского главы, доставленное околоточным надзирателем: Милостивый государь Нариман-бек!.. и далее о том, что избран гласным городской думы, о чем, как пишет глава, с искренним удовольствием Вас уведомляю.

А потом амнистия (ибо праздник трехсотлетия!): Нариману не терпелось в Баку - ехали пароходом, море отбрасывало жаркие лучи солнца, нечем дышать.

- А, вернулся? - ему Гаджи, на чьи деньги учился.

- С дипломом врача.

- О том, что ты врач, знаю. О ссылке тоже.- И после паузы: - Это красит мужчину! Сослали - значит считаются.

- Хочу начать возвращать долг.

- Что ж, и это по-мужски.

Вскоре не без содействия Гаджи пришло долгожданное врачу Нариман-беку Нариманову: уведомление Медико-санитарное бюро, что он назначен управой врачём временной лечебницы в Черном городе.

Заказал бланк. На дверь - медную дощечку, отливает, начищенная до блеска, желтизной: Д-р Н-бек Нариманов. Нет, не бекского сословия, но так принято, знак почтительности.

Просторные с высокими потолками комнаты на Николаевской улице, в доме Бабаева, против 2-й мужской гимназии, как отпечатано на бланке.

В двух шагах - Кардашбековы: повернуть налево, мимо каменного здания, стройный, как богатырь, с тонкими мраморными колоннами и ажурной резьбой на камне, только недавно построен и почти впритык к собору Александра Невского, с золотыми куполами, соперничество двух великолепий, одно не уступает другому, сразу за ними - дом Кардашбекова с широким балконом-фонарем; из окна его спальни видны купола и шпиль собора и точеная изящная фигура богатыря, что высится во весь рост на каменном доме.

Как-то стояли меж собором и домом с колоннами Нариман и Кардашбек. Словно на перепутье.

- И это тоже разрушить? - спросил Кардашбек, будто продолжая давно начатый разговор. - Дай только волю мазутной братии!

- А ты загляни в мою Балаханскую лечебницу, погляди, кто сюда приходит, -

искалеченные, оглохшие от шумов, изъеденные кислотой, отравленные ядовитыми газами, обожженные, чахоточные, малярики. Тут и трахома. Зимой - тиф, летом - дизентерия.

- Разумеется, лечишь не только телесные недуги, но и врачуешь души? Наполняешь сердца милосердием? - ухмыльнулся Кардашбек.- То бишь гневом и озлобленностью? - Нариман успел вставить слово, сказав про благородный и очищающий гнев, но Кардашбек переменял разговор, глянув на собор Александра Невского: - Какая махина эти соборные колокола! Красиво у христиан получается, не то, что у нас: черным-черно от черных одеяний, моря черной чадры. А у них? Епископ в золотой митре, настоятель в серебряной с золотыми крестами ризе. А свечи! Их многоцветье! И этот собор - на слом? Его так просто не свалить, никакой динамит не поможет. - Я помню, как собор разрушали!

- ... Громадина! Миллионные деньги! Мрамор, обработанный мастерами, резьба и орнамент! Да, богатый станет нищим, а нищий никогда не разбогатеет. Ты видишь, я выше национальной обиды: собор построен на месте старого мусульманского кладбища. Но мне все же близка наша совершенная по формам мечеть.

...Дикая жара, лето 14-го, яичница, если позволишь себе роскошь, за жаривается на сковородке под лучами солнца. А тут еще забастовка на промыслах, где нечем дышать, - золотоносных владениях Нобеля, Ротшильда, Манташева, Лианозова, Европейской нефтяной корпорации, срочная депеша бакинской жандармерии наместнику Кавказа, а из Тифлиса всеподданнейший доклад царю в Царское Село: Тюрко-татары, отправленные в Балаханы и Черный город под конвоем нижних чинов гренадерского Тифлисского полка, не приступая к работе, разбежались, а женщины забросали камнями казаков и конную полицию.

Карательный отряд товарища министра внутренних дел, шефа отдельного корпуса жандармов Джунковского, вышколенные шпики, двадцать семь пехотных полков и шесть сотен казаков, прибыл в Баку с чрезвычайными полномочиями.

Лично царь напутствовал Джунковского (при министре) энергетической фразой: Баку для России - нечто вроде кнопки электрического звонка: стоит надавить на эту кнопку, звон и тревога тотчас распространяются по всей России.

Ускоренное судоговорение при закрытых дверях в особом присутствии военного суда, и товарные вагоны с арестантами уходят на север, в Россию, всех мобилизуют на войну, которая грянула как избавление: разом покончить, пользуясь чрезвычайностью обстановки, со всякого рода бунтовщиками и беспорядками.

Не без неожиданностей в этом странно-диком вавилоне, где перемешались люди, языки, племена, чудища и соседствуют

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГЛАВА, или КАЗНЬ ЦАРЕЙ.

Да-с, война, и единство лишь мнится: патриоты категорически отмежевываются от балагуров-интернационалистов, желающих поражения своей стране, умеренные, играя в беспристрастие, призывают считаться с некоей группой, составленной из русских, татар, армян и грузин, которой принадлежит гегемония в таком крупном промышленном центре, как Баку.

Нариман меж верхами, вообразившими себя вождями нации, и низами, гибнущими на промыслах, и хозяева там - свои же мусульмане.

Наверх плюнешь, - поговорка такая, включит в фельетон, десять лет имя Наримана не появлялось в прессе, цензура пропускает с трудом, вот и приходится играть поговорками, - усы мешают, вниз - борода.

И раздумья о собственной нации: каково её предначертание? чем славна? куда идет? о чем помышляет?

Говорят, мусульмане не имеют характера. Ох, наивные европейцы! А многоженство не характер? А яму другому рыть, интригами упиваться, козни строить - не характер? Одно правда: все тянутся к свету, а нам и под луной неплохо, а еще лучше нос по ветру держать.

Лет десять назад на черное говорили черное, а теперь многие настойчиво твердят, что это - белое. Что? Деньги? Ну да, на деньги раньше покупали паломничество в святые места: отдал деньги - купил духовный сан. А коль скоро убеждения можно купить, их можно и продать, если хорошо заплатят. Но отчего пресса молчит? Ах да: и она куплена!

И с невиданной доселе стремительностью покатались дни навстречу новому, 1917-му. Начался он с представления трагедии Надир-шах в театре Тагиева, ей сопутствует неизменный успех,- казни царей: сначала жестокого и чужеземного, а потом своего... Как будто сегодня происходит: прежде свергли белого царя, а далее... царей уже не будет, будут вожди, и он в том числе, и их тоже свергнут.

А наутро Гюльсум пришла взволнованная: начали грабить магазины, нет хлеба, для спасения складов выставлены конные наряды.

Что еще? Мелкие напасти: на Парапете лошадь сошла с рельс. На Баилове, неподалеку от тюрьмы, пассажиры себе во вред, но из братской солидарности к узникам отказались катить вагон в гору, дабы помочь лошади. На черномгородской линии телеграфный столб, накренившись, налетел на кондуктора, и тот скончался.

Для отвлечения крутят ленты в Экспрессе - фильмы Фантомас, Черный ворон. Бубновый валет, Сонька Золотая ручка.

... Нариман обложился книгами, ему выступать на вечере памяти Генрика Сенкевича, скончался недавно. Мечтаем о какой-то литературе: один Сенкевич создал столько, сколько не написали все тюркские литераторы, вместе взятые. На фотографии лицо Сенкевича узкое, волевое, что-то улавливается татарское, не из тех ли его предки турок, которые служили литовским князьям? Не забыть сказать о прадеде Сенкевича по отцовской линии - был турок, и об утерянном им впоследствии мусульманстве. Сенкевич прожил семьдесят, мне, правда, сорок шесть, еще есть надежда, может, успеет что сделать? Поздно приобщился к Сенкевичу, чуть бы раньше, когда в Одессе - на Польской улице жил, так много связано с польским: и первая тюркская повесть издана в Варшаве, на французском, и вот - Сенкевич. Четкость пера привлекательна. Особо подчеркнуть заглавную идею: сплотить поляков через приобщение их к истории, ратуя за единение растерзанного отечества. Почти как у сородичей Наримана. Два Генрика, так пришедшие по духу Нариману, через коих судьба уготовила ему некие упреки (в писательской лениности?): Сенкевич и Ибсен, и оба раза по поводу их кончины доклады Наримана. Ибсен, как и Нариман (?), изучая медицину, писал комедии - вдали от родины, а у себя - нет, не позволяли.

И вдруг за окном крик, брошенный в ночь (как камнем в стекло): Царь отрекся! Услышала и Гюльсум, подошла к Нариману:

- Что теперь будет? - с тревогой. - Без царя?

Выстрел. Еще... - снова тот же крик: Нету царя!

И Керенский вышел на сцену под аплодисменты Европы.

Но раньше, чем в Баку, узнали в Тифлисе: председатель думской фракции меньшевиков Чхеидзе сдал на телеграф шифрованную депешу Жордания: Мтавробадзе скончался, сообщите родным и знакомым,- так меж собой они называли царский режим. И тут же вожди - Жордания и Рамишвили, опасаясь, что наступит хаос, прошли мимо часовых дворца наместника и представились дяде царя - августейшему Большому дяде: он назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим, тотчас было разослано всем генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и жандармским полковникам: Кавказский край сохраняет полное спокойствие. Репетиция программной речи грузинских вождей пред новым Главнокомандующим: победить и вытеснить Турцию из Европы, угодно сердцу министра Милюкова, ни слова о немцах: государи-родичи. Тифлисский дворец наместника занят Особым Закавказским комитетом, или ОЗАКОМом, - некое существо, облеченное Временным правительством правами наместника.

Множество властей в Баку: были Советы с Исполкомом, учреждается Временный исполком общественных организаций, фирмы почтенные: Совет съезда нефтепромышленников... Союз подрядчиков по бурению... Общество заводчиков, фабрикантов и владельцев технических мастерских, Общество шахтовладельцев... что еще? все с уставами, перепиской, канцелярией, чиновниками, конференциями и съездами, армянский Дашнакцутюн, тюркский Мусават, представители городского самоуправления, Совет рабочих депутатов, кооперативов, профсоюзов (и профсоюза асфальтировщиков), Продовольственное Собрание, а наряду с исполкомом - реальная власть думы, избранной до революции, всеми делами города ведающей, и аппарат градоначальника полковника Мартынова... - сообща выносятся резолюция, сочинял Мартынов, бегал курьер, собирая подписи. Успокоить, мобилизовать, обнадежить, никакой катастрофы, как шло, так пойдет: Наша святая обязанность предпринять новые усилия во имя победы, истинно патриотические элементы нашего свободного общества с гневом отвергают злостные слухи о введении восьмичасового рабочего дня на промыслах, фабриках, механических и нефтеперегонных заводах.

По случаю краха самодержавия многотысячный митинг у Соленого озера в Балаханах, толпа, нагнетая тревогу, хлынула из пригорода в Баку, заполнив Николаевскую и Великокняжескую улицы, которые по распоряжению властей, правда, бывших, но градоначальник прежний! запретны для лиц в пачкающей, ну и, коль скоро речь о мазутной братии, дурно пахнущей одежде: ни отогнать их, ни припугнуть, ибо терять им нечего, кроме (фраза, обретающая популярность) собственных царей. Да еще с красными флагами, странные они какие-то, эти флаги - длинные и узкие: разрежали трехцветный имперский флаг, множество их некогда сшили, чтоб торжественно царя встретить, а тут революция - синяя и белая полосы пойдут на простыни (кому - на саван), красные - на флаги, трепещут над головами.

Начало марта, ветры, липкий снег, но не сидится дома, жажда выговориться толкает на сборища, воздух, напоенный удалью, будоражит и пьянит, драться охота, наработались - хватит: вечером 6-го в зале Армянского человеколюбивого общества, остряк какой-то переделал АрЧО в харчо, наперчив начальную букву Икс, собирается на первое легальное заседание Бакинский Совет рабочих депутатов, с помещением туго, поведет собрание знаменитый либерал Сакоян, вхожий в общество как в свой дом, он и нашел емкое слово человеколюбивый; полсотня депутатов, из коих лишь трое заявляют, что большевики, но председателем Совета заочно избран Шаумян, который еще не вернулся, сообщает Сакоян, из астраханской ссылки, застрял в пути: хоть и большевик, но социалист-подпольщик, к тому ж не чурается нашего человеколюбивого общества, с другой кандидатурой, мол, к рабочим не пойдешь.

Здесь в Совете и Нариман от Гуммета, организации мусульманской, но объединяющей беднейшие слои интеллигенции и рабочий люд, и она, эта старая организация, вливается в Совет как неотъемлемая часть интернационального содружества. Да, важная ниточка связи с коренным населением, но не растворять, а сохранять как некое целое, мол, не можем не принять во внимание психологию тюркских, мусульманских масс; впрочем, тюрки в Баку как бы не в счет, и потому собирается конференция всетюркско-мусульманских организаций во дворце Исмаилийе, его построил и отдал в дар мусульманским благотворительным обществам миллионер Муса Нагиев в память о безвременно умершем сыне Исмаиле, мягкий, отзывчивый, сердечный малый, некролог был Наримана: злой рок сломал крылья. В соревновании бакинских дворцов Исмаилийе, пожалуй, занял бы первейшее место: высокие стены, огромные залы, широкие мраморные ступени, колонны, поддерживающие своды, изящно выгнутые коридоры, дух венецианской готики витает над архитектурной симфонией, и не каждое слово достойно быть произнесенным здесь, чтоб каменный силуэт не исказился

гримасой, ухмылкой.

Столкнулись-таки вчерашние приятели-сокурсники по Новороссийскому университету: Насиббек Усуббеков и Нариман-бек, тот - из истинных, и органично слилось с именем бек, а этот - через дефис, всего лишь знак уважения.

Длинное и полное выпренности выступление Насиббека, вот отчего ты раздражен! К своей речи принес даже карту мира с многоцветьем на ней красок, и выделены территории, населенные тюрками: язычниками, христианами, мусульманами, иудеями. Но отчего ты снова сердишься?

Изощрялись предки в поисках знамен и всяких иных символов, и в который раз Насиббек произносит цифру:

- Шестнадцать! Шестнадцать тюркских империй в истории человечества! Оживлять мертвого - вот что это значит! Мы, тюрки!.. Ну да: имеем мужество льва, хитрость лисицы - так закрутить обманные интриги, что и самому потом не распутаться, хищность волка, боевой жар петуха, чтоб прокричать лишь, а из крылатых... нет, из крылатых петух только: ни орла, ни ястреба.

Не откажешь оратору в красноречии, Нариман поймал себя на мысли, что захвачен речью, некие подробности, о которых не знал, в поэтических характеристиках Насиббека:

- ...Великая Гуннская империя, еще до нашей эры, когда, собственно, и Руси не было,- на светло-малиновом нарисован желтый дракон, и два кончика его длинного языка вытянулись, устрашая недруга. А тут сплошь чистое желтое знамя Восточной Гуннской империи, воспетое даже древними греками, и третья империя - гуннов европейских, чей символ - золотистая диковинная птица, вроде орла, с короной на голове и вразмах два мощных крыла, на белом фоне.

- Аварская империя: на зелёном скачущий чёрный всадник, слился с чёрным конём, и повернута голова у всадника назад, натянул тетиву, вот-вот выпустит стрелу, весь облик - стремительный бросок вперёд, вытянулся в ровную линию в своём движении. Империя Белых и Голубых тюрков, двести лет просуществовала, Хазары, Уйгурское царство - шесть веков! На коричневом фоне - две белые маски, Его и Её, и немало догадок, по сей день неразгаданных: союз двух начал? мужского и женского? Империя Караханидов! Казневиды: на зелёном птица Феникс, глядящая на серебристый полумесяц. Сельджуки! Хорезмшахи! Золотая орда! Империи Тимура и Бабура - жёлтый клин врезается в красное! Ну и венец тюркских империй - Османская: на плоскость красном белый полумесяц с восьмиконечной звездой!

Выбор делегатов на съезд мусульман, состоится в Москве - доме, купленном бакинским миллионером Шамси Асадуллаевым для благотворительных нужд московских мусульман. Жену-мусульманку бросил, женился на русской, перебрался в Москву, где и умер в канун войны.

Съезд, дабы объединить мусульман, установив в бывшей Российской империи строй, который бы обеспечил полноправное участие мусульманских народов в управлении государством.

А пока нескончаемый спор о цветах, за которым спор о путях, развешаны красочные афиши, приглашают на диспуты желающих, нарядные программки, речи, овации, вспышки восторгов, топот ног,

ЦВЕТНАЯ ГЛАВА, или ЗЕЛЁНЫЙ, КРАСНЫЙ, ГОЛУБОЙ.

Одни за цвет ислама, как повелевает вера отцов, другие за цвет огненный, кровавый - дань революции, современным веяниям пробуждения народов, за что ратует Нариман (цвет зари? алого восхода?), но вскоре возвысит свой голос, чтобы примирить крайности, и цвет примирения зеленого и красного - голубой, символ принадлежности к тюркскому роду, голубоглазым предкам, - МАМЕД ЭМИН.

наконец-то назвал твое имя!

давно пора.

тянул, оттягивал, сам не знаю, почему.

догадываюсь! тщеславная жажда быть первым.

мне оно не свойственно, это чувство.

увы, вождизм заразил и тебя - быть единственным полюсом в судьбе нации.

уж не Меккой ли возомнил меня? или сам на эту роль претендуешь?

рад бы, но жизнь распорядилась иначе, судьба избрала тебя.

ты прав, - доволен?

Из тех немногих имен, которые постоянно сопровождают Наримана, особенно с тех пор, как усомнился, и Дни убыстрили бег. Но и Нариман - в постоянных думах Мамед Эмина: высокий, чуть сутулится, смиряя гордыню и чтоб не привлекать ничье внимание.

В декабре двадцатого, сразу после освобождения Мамед Эмина из бакинского плена (Коба увез его в Москву), увиделись в тесном коридоре Наркомнаца: Нариман верховная власть в Азербайджане, а Мамед Эмин - власть бывшая, изгнанник.

Самые длинные ночи,- заметил тогда Мамед Эмин, а Нариман в противовес ночи сказал, что дни, мол, вскоре станут прибывать, и услышал в ответ, что именно сегодня - день рождения Кобы, его избавителя: не поздравишь если - не по-кавказски, а поздравлять - нет желания. Нариман промолчал: дескать, сам решай, как быть (стояли в очереди за миской супа в столовой Наркомнаца, куда прикреплены, каждый со своей думой).

- История, - сказал Нариман, - не терпит сослагательного наклонения: случилось, что должно случиться, коль скоро случилось.

- С каких пор атеисты стали цитировать Коран?

- Коран - священная наша книга.

- Если так, прощаю тебе грехи.

- Перед тобой я безгрешен.

Это потом, а пока споры. Как же: тюркское государство впервые за всю историю народа, заманчивая до головокружения перспектива! Не вассальные ханства шахской Персии, султанской Турции, раздробленные и ослабленные империями, не окраинное захолустье царской России, сгинувшей, а самостоятельное государство, в чьем трехцветном флаге соединены символы ислама, тюркизма и революционности. Много было споров, пока не согласились с трёхцветьем: лозунг тюркизации, дескать, разрывает единый мир ислама, кричали правые, а лозунг исламизации оттолкнет тюрк-немусульман, коих немало, - предупреждали левые, имея в виду якутов, алтайцев, чувашей, хакасов, гагаузов, караимов. На то и цвет красный, чтоб сплотить всех, кто ступил на новый путь, цвет крови.

Так и спасали друг друга: Мамед Эмин Кобу, а Коба - его. Заговори Нариман о Мамед Эмине, пришлось бы, отложив все иные воспоминания, поведать о том, как тот еще юношей приходил к Кардашбеку, и они с Нариманом подолгу говорили о будущем родного края. А между встречами-беседами Мамед Эмин, но о том почти никто не знал, привязанный к Кобе,- впрочем, тогда все гумметовцы сотрудничали с ним,- прятал его, спасая от жандармов и толпы, к которой вышел, агитируя за проведение забастовки,- нашелся кто-то из людей хозяина и зажег толпу кличем: Утопить смутьяна в нефтяном чане! Не подоспей Мамед Эмин - утопили б!.. Подвернулся знакомый фаэтонщик, и Мамед Эмин умчал Кобу к родичам, жили неподалеку, в апшеронской деревне Новханы, что под Баку, и целых два месяца прятал Кобу. Но кто мог знать, как и что потом? А в другой раз Мамед Эмин, вызволив Кобу из Баиловской тюрьмы, куда тот попал после неудачного покушения на казну, укрыл его (с Кардашбеком) в мечети, за кафедрой-минбаром - в нише, где с недоверием, причмокивая, ел

долму с виноградными листьями, и мацони к ней. Кобе пришлось, притворясь глухонемым, каждый день, это был траурный месяц мусульман - мухаррам, когда мечети заполнены народом, слышать проповеди, с которыми выступали перед правоверными отец Мамед Эмина Молла Алекбер, засыпать под его мерный речитатив, видя, как потом Коба говорил Мамед Эмину, райские сны с гуриями. Ещё не раз вернётся Нариман к Мамед Эмину, не для того назвал его, чтоб скоро забыть, но надо

ПЕРЕВОДИТЬ НА ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ:

динамические (рублю шашкой), личные и безличные, повелительные и страдательные... - тщетно убеждал Нариман Совет переводить доклады, протоколы Совета, богатые глаголами, на турецкий язык. Скептики: де, мы неделимая Россия, а соответственно и язык у нас единый, не понимают турки сегодня, поймут завтра. И фамилия, как псевдоним - Оборонцев: мол, среди тюрок широко распространены пораженческие настроения, заподозрены в молитвах во славу турецкого оружия (?).

Нариман - фигура не до конца ясная. Не Нариман ли (учились вместе), еще не видя Москвы, восторгался ею: священная, белокаменная, златоглавая!.. И еще: пленительная.

С пораженцами пестрота, единодушие противоположных, как твердь и небо, сил: большевиков, в том числе Наримана, которые жаждут поражения России, дабы ослабить монархию, и земляков Наримана, в споре излюбленный их довод: И мы, и Шаумян, с вами и Ленин, все стоим на позициях пораженцев. Правда, у нас разные цели, - это Насиббек. - Желать победы России? Чтоб стомиллионным брюхом навалилась, задавив культурную Европу? Спасибо немецким пушкам: разбивают оковы (цепи? тюремные стены?) русского народа (а заодно и всех иных народов)!

А что армяне? Без них не решить проблемы ни на Кавказе, ни в России, ни даже в мире - повсюду они и гонимые, но и процветающие. В недавнем прошлом, хотя февральские метели внесли хаос, а потом пошло такое, что не поймешь, где фронт, а где тыл, создали добровольческую царскую армию, костяк которой составили национальные армянские части, дезертировавшие из турецкой армии еще в Балканскую войну. Это была особая рота в рядах Македоно-одринского ополчения болгарской армии, или Македонского легиона, и ведома была бывшим турецким генералом Андраником-пашой. О, Лев-Андраник, изменивший османизму! Он был тогда, в ту Балканскую войну, очевидцы-киевляне рассказывали, куда он прибыл пополнить свои части, великолепен в своем темно-сером, защитного цвета костюме, в высокой каракулевой шапке и ладных солдатских сапогах, из которых торчал плед - символ неофициальной власти. Ну и, разумеется, воинские доспехи: браунинг, чтоб стрелять, и бинокль, чтоб видеть, куда и в кого стрелять.

Коль скоро Нариман вспомнил о рассказе очевидца-киевлянина, он потом тебя предупредит, чтоб об Андранике - ни слова осуждения!

Но что дурного о нем я сказал?

Лев, тогдашний очевидец проводов армянских добровольческих частей на Балканы, и предупредил, Лев Троцкий, чуть раньше б его назвать, не здесь!

Раньше кого?

Хотя бы с Лениным рядом!

Но там, где раньше, - Ленин уже мертв, а Лев жив!

Ах да, его черед пока не наступил!

Да-с, Андраник - гордость и честь армян; и не умолчи, коль скоро претендуешь на объективность, о славянофильской демонстрации либеральной части российского общества, которая позволяла себе на страницах печати давать наказания идущим на Балканы сестрам милосердия: Не перевязывать раны турецкому аскеру, пока есть на виду раненый солдат-славянин.

Нет-нет, помолчи, пусть они сами!

Но сами никогда не признаются!

А Тер-Габриэлян? Разве не он рассказал, Тер, как любовно Нариман назвал его в недавнем письме землякам, юным вождям Азербайджана, простив им козни против себя, и пытается учить их, сидя в Москве: Я, конечно, не имею права делать вам указания, а потому придаю своему письму частный характер, являясь гражданином Азербайджана. И о Тер'е, в чьем лице вы имеете в Москве лучшего защитника Азербайджана.

Частые встречи: Тер - Нариману о взбалмошных своих земляках, вечной их участи - поддавшись несбыточным иллюзиям, заварить несъедобную кашу и, ужесточив соседей, звать потом к миру, чтоб спасли от резни, изгнаний, а Нариман - Тер'у про низменные интриги и клеветы земляков своих: кто кому яму выроет, да поглубже. А про грузин, дабы охватить по справедливости Закавказье, чьими представителями они являются (Тер-Габриэлян - полпред, Нариманов - председатель ЦИК, а грузин Енукидзе - секретарь), - ни слова осуждения, напротив: Не мешало бы у них поучиться (а чему?).

Тер и поведал, чего стоила им измена Османской империи в условиях, когда она в союзе с Германией вступила в войну со странами Антанты. И, дабы обезопаситься и самообороняться, султан объявил депортацию армян из метрополии на окраинные пределы империи - в Сирию и горную часть Месопотамии. А, выселяя, непокорных истребляли! Теперь послушай, что еще скажу. Такое, - предупредил, - рассказывают самому близкому!

Перед тем - иной разговор: о телеграмме Ильича сжечь нефтяные промыслы в Баку, если вторгнутся враги.

- Не мог исполнить варварский этот приказ, кто-то подсунул Ильичу эту телеграмму, чтоб подписал!.. Так вот, вооруженное выступление против турецкой армии её воинов-армян, ведомых депутатом Османской Ассамблеи Пасдермаджаняном Гарро! Папазян, тоже депутат Ассамблеи, грустно-дотошный мемуарист, нашел в себе мужество сказать: Мы творцы собственного несчастья! Но и он тоже влил в царскую армию батальон добровольцев, которые дезертировали из турецкой армии, это в феврале пятнадцатого. И, уж это не сокрыть! мятеж армян во чреве Турции - городе Ван в апреле пятнадцатого, в самый канун объявленной депортации! Учредили Армянское государство, очищенное от мусульман (часть турок убили, часть спаслась бегством), под протекторатом царя! Царь благодарил мятежников, телеграмма такая всплыла, за их преданность престолу и, добавлю от себя, доверчивость! А сигналом к мятежу армян в Турции послужил разгром русской армией под Сарыкамышем отборных турецких частей Энвер-паши, интриган, каких свет не видывал!

Выстроить хронологию дат (когда? успеть своё завершить!), которые действительно были, и вымышлены, подтасованы, как заявил Арнольд Тойнби, в Голубой книге, произведении военной пропаганды. В юные годы Арнольд Тойнби случайно был брошен судьбой на страницы истории, связанной с депортацией (геноцидом?) армян, и обостренная его восприимчивость, подогреваемая любопытством, озарила истину, и он изжил патетические заблуждения.

А пока добровольческие отряды, сражаясь в рядах царской армии, живут надеждой возродить на развалинах Османской империи после победоносного завершения мировой войны, штампы времён минувших и будущих, Великую Армению.

Как шло, так и вихрится: витки ослеплённого гнева, зеркально пробуждающие в твоих соседях пещерные чувства и действия. Но не забыть упомянуть, что за личное мужество и умелое командование добровольческими отрядами на Кавказском фронте, нет-нет, искреннее восхищение! бывший турецкий генерал Андраник-паша, ныне генерал царской армии, награждён... дать перечисление Георгиевских медалей и крестов, а также Святых Станислава и Владимира орденов с мечами.

Встречи, слухи, аксакалы головы ломают: кто захватит вакантный трон Романовых? И разнобой газет: улочку перейти, тумбы обклеены, а вокруг - лики ангельские, курсистки,

дама с муфтой на руке, с немыслимыми полями шляпа, лисья накидка рыжая (ржавая?), а как же? англичане наведут порядок, не то что турки! И шляпы дюшпара (пельмени), аксакалы усмеваются в усы. Кто назовет кислым свой айран? Дума? То есть думать одно, говорить другое? Занятные поговорки: шкуру соломой набьют тому, кто скажет правду вслух, чучелом выставят. Это у нас, тюрков. А как у турок? Кто говорит правду, того гонят из девяти сел: девять - это и много и в меру.

Ходят в шляпе, а хлеба нет! Стопани заявил, он возглавляет продовольственный комитет, что запасов - на три недели. Шаумян, это Совет, предлагает установить продовольственную диктатуру! Но как? Городской глава Арутюнов, председатель думы - Тагианосов, из Товарищества Нобель. Наш город в руках чужих, и этого ты отрицать не можешь! - в ушах Наримана голоса членов Мусульманского комитета (Насиббека?). Когда поймешь - будет поздно! Нариману чуждо деление Баку на своих и чужих, прозрение наступит потом, в мартовскую войну: резня мусульман, точнее - тюрков.

А Джеваншир... еще одно имя! Маятник огромных часов: то Джеваншир тянется к комиссарам, среди них - друг юности Шаумян, главный здесь большевик, учились с ним в Германии, а то взмахнёт к тем, кто ратует за независимость коренников, привязан к земле предков... - сбудется его мечта о свободе родного края в новой Демократической республике Азербайджан так скоро, что скажи ему кто - не поверит; и Джеваншир, министр внутренних дел, стоя рядом с Мамед Эмином, споёт в хоре мужчин гимн новой страны на карте мира, окрыляющая музыка, сочиненная Узеирбеком Гаджибековым, низкий гортанный гул наполнит залитый светом зал; но маятник в движении, откат от конечной точки размаха: крах республики, предъявлен мусаватской власти ультиматум, победа других, людей Наримана, и он спасает Джеваншира. Спасает? Его спасать не надо: большевики в ожидании ответа на свой ультиматум сидят в доме Джеваншира, они - его гости, так что есть покровители у Джеваншира помимо Наримана, а ему кажется, что именно его заступничество предопределило судьбу Джеваншира, еще послужит новой власти, но Дашнакцутюн занёс имя Джеваншира в список приговорённых к уничтожению, и выстрел армянского террориста в Стамбуле, куда Джеваншир с женой-немкой прибудет как представитель наркомата внешней торговли Советского Азербайджана, дабы выгодно для новой власти продать бакинскую нефть, остановит бег маятника.

Большевики, возглавляемые Шаумяном, в меньшинстве в Совете рабочих депутатов, заправляют оборонцы, под их флагом идут осколки имперских сил, начата борьба против национализма, под коим, прежде всего, разумеется антигосударственность татарского национализма.

Нариману ездить по селам, выходить к мусульманской бедноте, встречаться с рабочими-тюрками, которых в Совете нет, и оттого они тянутся в Мусульманский комитет, где свои. Слушают Наримана с открытыми ртами на шёлковых лужайках в тени рощ ореховых, выражая криками восторг, время от времени наэлектризованное сборище рьяно скандирует: Долой войну! Будущее Кавказа в единении народов!

А пока на тюркский манер шалтай-болтайства спорили с четкой дикцией без акцента и под щебет пташек, глядя на быстрые горные речушки, о путях-дорогах, новые вести пришли из Петрограда, глагол совершенной формы:

военно-революционный комитет осуществил переворот... - нет-нет, свершилась Октябрьская революция, и власть закономерно перешла, а вовсе не захвачена! в руки большевиков, выражающих, как это очевидно, волю большинства.

ГОРЯЧИЕ ЛЕНТЫ ТЕЛЕГРАФА

Был Керенский - прогнали со сцены. Кто? Ясно кто! И старейшина революционеров Плеханов, прикованный к постели,- шли и шли к нему, чтобы согласился возглавить, изрекает, но оглохшие от рёва толпы его не слышит: Если Ленин займет место Керенского,

это будет началом конца нашей революции.

Фронт распался, остатки армии на турецко-кавказском направлении, бегут кто куда, чаще - в свои деревни, их лозунг: Мир без Аннексий и Контрибуций! Думают, что это - прозвища царя и его империи. Тифлис? Ну да, все еще столица Закавказья: он, как и в прежние годы, полон красавцев мужчин, готовых умереть в любую минуту с шуткой или песней, ярко разодетых женщин, словно только что вышли из театра, где многие играют самих себя. Праздные солдаты и офицеры в роскошной униформе, и нет сомнения, что никаких войск на фронте не останется: русские спешат домой, армяне не желают сотрудничать с грузинами, а эти вообще не собираются ни с кем воевать, что до тюрков - вовсе никаких интересов в войне, тем более сражаться с турками!

Надежда на союзников - англичан и французов, помогут деньгами, но лишь частям, верным союзническому долгу и гульбе предпочитают защиту отечества от немцев и турок. Но где фронт? тыл? кто с кем воюет?

И с новой силой вспыхнули дебаты в Баку: кому править? Две резолюции большевиков и соглашательского блока. Шаумян, вынесенный на трибуну революционной волной, лаконичен, как телеграф:

В Петрограде правительство помещиков и капиталистов до сих пор душило русскую революцию, а правительство революционных рабочих и солдат, выступив героически, создало новую народную власть, и мы, бакинцы, определенно переходим на ее сторону, объявляя себя единственной властью в Баку (закрывать кавычки).

Резолюция соглашательского блока: защита революции требует ликвидации ленинского переворота безболезненным и мирным образом, передачи власти Учредительному собранию, а до его созыва - коалиции внутри демократии (невообразимый шум, но резолюция принята большинством).

- В отставку! - выкрик Шаумяна.- Это нелепо! Вы избираете меня председателем и вы же голосуете против моей резолюции!

- Нет, - отвечают ему, - это вы, узурпаторы, мечтаете вытеснить собственным диктаторским абсолютизмом наше естественное право на демократию!

А что касается Учредительного собрания, то, поиграв в низшую демократию, распустили его во имя высшего демократизма, коим является диктатура как наиболее безболезненный и скорый переход в совершенное общество: шагок вперед, шагок назад и беспремерный в два прыжка скачок (через пропасть?) на удивление парламентов мира.

Ловят на лету декреты новой власти, среди них первейший - декрет о самоопределении народов: наконец-то!

Не успели остыть горячие ленты телеграфа, как Мусават устами своего лидера Мамед Эмина торжественно оповещает: Оставив в стороне критическую оценку лозунгов большевизма, нужно признать, что они явились эхом народного желания. Нельзя отрицать логической последовательности немедленного осуществления федеративного принципа, ибо такова воля народа. Мы не являемся идеологами большевизма и если остановились на их роли, то исключительно в целях аналогии, чтобы доказать ту несомненную истину, что всякая мысль, являющаяся эхом народного желания, не только легко прививается широким массам, но и способна толкнуть их на героические выступления. Тебе, тюркскому народу, принадлежит теперь слово, и ты скажешь его, разумно и просто подкрепляя свою правоту не сухой теорией политического доктринерства, а правдой Божией, заложенной в каждом человеке по праву рождения.

Новая власть - Закавказский комиссариат в развитие лозунга о самоопределении наций признает в Баку и Азербайджане власть лишь Мусульманского национального комитета, составленного из депутатов Учредительного собрания (так и не успеют поехать) и представляющего коренное население Азербайджана. И, естественно, полный разрыв с

Петроградом после разгона Учредительного собрания.

Забил тревогу Дашнакцутюн, ратуя за власть Бакинского Совета (рабочих и военных депутатов), а не Мусульманского национального комитета во главе с Мусаватом! Подчиняться указке тифлисского комиссариата, памятуя об армяно-турецкой репрессалии?! кто, как не Совет, где свои, защитит от варваров? Под влиянием национальных противостояний русские рабочие не могут освободиться от оборончества и допустить утрату целостной Российской государственности, которой грозит опасность распада на всякие мелкие образования: уйдет Грузия, уйдет Азербайджан и Армения, а за ними еще и еще, что тогда?

И вести одна зловещее другой: на Владикавказской железной дороге, единственном пути, по которому Баку снабжается хлебом, - хаос, грабят поезда. В Чечне и Ингушетии, в Терской казачьей области движение поездов почти прекратилось: по линии горят промежуточные станции, горит керосинопроводная станция, идущие поезда обстреливаются.

Баку отрезан от хлебородных районов, но живо убеждение, что коль скоро Центру без Баку не существовать, он не может не принять экстренных мер помощи Баку (финансы плюс продовольствие). А Центр ждет, кто поможет ему.

И дождалось: КРОВАВАЯ ГЛАВА, с разворотом армейских частей и протокольными диалогами. Глупейшая выходка сына всеильного Гаджи Мухаммеда, он служил в Ленкорани в Дикой дивизии: весенний дурмящий воздух, гладь белесого моря помutilи разум, а тут еще... - дескать, то, что случится, должно случиться, русская рулетка, модная с недавних пор: вложил в барабан револьвера одну лишь пулю и крутанул, приставив дуло к виску. А потом нажал курок - выстрел!.. Привезли тело в Баку, и тут же - на кладбище. А потом офицеров, которые возвращались в Ленкорань, красногвардейцы разоружили. И взрыв негодования: удар по вооруженным силам мусульман, которые, как мыслилось вождям нации, единственно способны защитить честь и имущество тюрок.

Красногвардейцы, их три с лишним тысячи, подчиняются Джапаридзе, далее части армянской национальной гвардии, настроенные антитюркски, это костяк добровольческой армии Андраника, свыше четырех с половиной тысяч пеших и конных, ну и Славяне, как именуют себя, части так называемого интернационального полка, а оплот эсеров - матросы военного флота.

Наших мусульман разоружают, - волнение на Базарной улице: - Чтоб окончательно покорить! - и толпа двинулась в Исмаилийе, к Дому мусульманского благотворительного общества. Ворота закрыты: где сторож? Отобрали ключи, хлынули в зал. Стихийный митинг и клич: К оружию!

- Братья мусульмане, - на трибуну лезет бывший начальник бывшей городской управы Гаик, - от имени армянского Совета и партии дашнаков выражаю искреннее сочувствие добрым нашим соседям. Хочу заверить, за этим явился сюда, что если мусульмане выступят против большевиков, армянские воинские части присоединятся к вам, и мы сообща изгоним с нашей земли непрошенных гостей красногвардейцев! - Ропот недоверия прокатился по залу. Если не верите, могу пригласить в Армянский национальный совет уважаемого господина Алимардан-бека Топчибашева, там ему подтвердят.

Но прежде - к Джапаридзе, в исполком Бакинского Совета, попытаться, это Мамед Эмин, уладить дело миром: вернуть отобранное у мусульман оружие. А уже кое-где слышны выстрелы, или померещилось?

Толпа от Исмаилийе движется к постоянному месту сбора мусульман - в мечеть Таза Пир, Новое Святилище, заполняя окрестные улицы: по Персидской (а кто по Азиатской), мимо собора Александра Невского, он же - Золотые купола, далее по Почтовой, Караульному переулку, - близко, три минуты ходьбы.

Погасить, пока не разгорелось: вернуть отобранное оружие, и посредником между

красногвардейцами и Дикой дивизией, которую представляют арестованные офицеры, может выступить Гуммет, возглавляемый Нариманом. Джапаридзе согласен: не устраивать свару.

Нариман и Мамед Эмин вышли к толпе: Не поддаваться на провокацию!

А уже началась перестрелка на Шемахинке, Балаханской, в саду Курубуг, где чахлые деревца. Армянский национальный Совет тотчас объявил о нейтралитете, ищи-свищи теперь Гайка, а потом всколыхнулось из глубин бывших добровольческих частей нечто неуправляемое: жажда мщения тюркам!

Да, - заявит впоследствии Нариман во всеуслышанье,- с одной стороны, жаждущие тюркской крови дашнаки, и все эти злодеяния чинились под флагом большевизма, а с другой - разные шапочники Али Аббасы, то бишь фанатики, чьи руки тоже обогреты - кровью армянской.

Застрочил по толпе, бегущей к Исмаилие, пулемет с крыши гостиницы Метрополь. Пушечный огонь с кораблей.

Разные версии, а как на самом деле? Готовилась война исподволь в морозные дни нового восемнадцатого года, хоть земля еще мерзлая, вдруг пошли побегии быстро созревающих зерен.

Во имя святой идеи вся демократия Закавказья должна объединиться против надвигающейся опасности, и раньше всех должны объединиться грузинская, армянская и русская демократия, - Нариман дашнакскую газету Ахшаватор цитирует, мне товарищи перевели (спросят: кто? ответит: Тер-Габриэлян).

А тюркам куда деться? Ну да, варвары! На своей земле они не в счёт!

- Поэтому-то нужна (протокольный диалог) интернациональная Красная Армия, но те, которые ее создают, ориентируются исключительно на русских и армян, что чревато осложнениями. Необходимо вовлечь и тюрков в интернациональные полки,- предлагает Нариман (инкрустировать эмоциями, но когда?).

Шаумян сожалеет: - Вербовка мусульман в интернациональные полки усложнена, вооружение мусульман внушает опасения, и мы должны воспринимать как желаемое, а не сущее идеи о том, что рабочие татары, армяне, осетины, лезгины, русские, грузины в духе классовой солидарности приступили к активной борьбе против национальной войны (в ночной тиши записанный тезис).

Диалог перерезается Мамед Эмином, ибо бесплоден:

- Революция, и мы хотим самоопределяться на своей земле.

- Но так уж вышло, что Баку и ваш, и не ваш.

- Чей?!

И посыпалось отовсюду: - Российский!

- Нет, общемировой!

- Древнее Баку - Гянджа. И если в Баку нам отводится лишь роль копать нефтяные колодцы, чтоб задохнуться в удушливом газе, вкалывать тартальщиками, желонщиками, что ж, потерпим и даже - это будет вскоре после мартовской войны - построим свою республику со столицей в Гяндже, чтобы затем... - увы, не хватит собственных сил, призовем на помощь турок! Ведь позовут социалисты, и очень скоро, англичан в Баку!.. Кто бы ни был, немцы или турки,- лишь бы помог удержаться молодой Азербайджанской республике, которой еще нет, но и рожденная - проживет недолго.

Недоверчивым кавказцам во всем чудится нечто двуглавое, но Всероссийский съезд Советов, 8-ой по счёту, состоялся весной и выдвинул долгожданное право на самоопределение - какие восторги в Тифлисе, где заседает Закавказский сейм!.. А Баку, видите ли, этой радости не разделяет, и потому Закавказскому сейму ничего не остается, как бомбить словесными снарядами дымно-мазутный, национально-размазанный Баку за его неповиновение единственному органу здесь власти и за самозванца Шаумяна, который никем

никуда не избран, а лишь назначен сверху ленинским росчерком пера Чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа и Турецкой Армении, будто Кавказ, а тем более Турецкая Армения - владения российские!

Гневная телеграмма наркоминдела России Чичерина (прочсть и спрятать в нижний ящик правой тумбы):

Только что получил сообщение, что Закавказский сейм своим постановлением принял отделение Закавказья от России и создание самостоятельного государства. Рабоче-крестьянское правительство (ждали: поздравляет за скорую реализацию решений съезда Советов) слагает с себя всякую ответственность за ваше поведение вообще, а в особенности за те гибельные последствия, которые оно несет трудящимся массам в Закавказье, окатили горячие головы ледяной водой (внести в протокол).

В Тифлисе (только ли там?) немало разговоров о смене лишь вывески на Севере: простое плотницкое дело и кисть маляра.

Да, МАРТОВСКАЯ (по старому стилю) ВОЙНА

И снова - как она началась? Прибытие в Баку штаба Мусульманской дивизии во главе с генералом Тальшинским (похороны сына Гаджи?), распоряжение исполкома задержать штаб, его арест на вокзале в полном составе, и народ хлынул в Исмаилийе: Сегодня арестуют цвет нации, завтра посягнут на нашу честь! Кто-то выкрикнул (это в мечети, куда спешно прибыл Нариман): Силой освободить прославленного мусульманского генерала Тальшинского!

Новые тревожные вести: в час ночи с 19-й пристани в Ленкорань для обучения воинскому делу отправляется группа мусульманских аскеров, которую сформировал, по примеру других национальных комитетов, Мусульманский национальный комитет. На причале - пароход Эвелина, готовый к отплытию. Вооруженный контрольный отряд, командир с тремя солдатами, поднимается на пароход, требуя сдать имеющееся оружие. Перебранка. Арест незваных заявителей. Эвелина окружена с моря и суши. Разоружение мусульманского отряда.

Слышны выстрелы - неясно, кто в кого стреляет. Начнётся, уже не остановишь. Новая весть: на Шемахинке и Татарской открылась стрельба. Пальба из пушек по мусульманским районам: выдвинуты три судна. Пожары. Армянская конница Советов громит тюркские кварталы. Перед тем, осев в Сальянских казармах, долго палили из минометов, строчили из пулеметов по мусульманским районам: Параллельные улицы, Нагорные кварталы, ряды угольщиков, лудильщиков, лавки и мастерские, восточные базары, Спасская и Персидская, растянувшиеся вдоль и поперек.

Вести о погромах: конные отряды, учинив расправы (месть за турецкую резню армян?) пели кем-то наскоро сочиненные песни, перемежая турецкий текст русским двустушием: Раз-два, раз-два, и Баку в руках у нас, раз-два, раз-два, покорим седой Кавказ, а в рефрене - звучная турецкая рифма йаша, или живи, и паша, или генерал, намек на чин бывшего турецкого генерала Андраник-паша: он сформировал по поручению армянского Совета в Тифлисе особую армянскую дивизию, и она вошла в состав Кавказской армии, частью направлена в Баку (к нему в Джульфу вскоре обратится радиотелеграммой Шаумян, приветствуя в лице армянского вождя истинного народного героя: во что бы то ни стало привлечь закаленные в боях части Андраника для защиты Баку).

ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ

Всю ночь, почти без сна, замороженный идеей объединить народности на Кавказе, ибо только сообща можем выжить, Нариман сочинял письмо, отослав его в Известия. А за день до мартовской бойни мусульман... - кто мог подумать? знай, что такое начнется, может, не опубликовал бы накануне в газете Гуммет свои заметки, что Закавказский комиссариат своей торопливой, непродуманной, жестче - безумной своей политикой довел до кровавых столкновений русских солдат с тюрками, тюрки - с армянами, а завтра, быть может, - с

грузинами.

Вы заседаете в Белом зале, а в это время роются зловещие окопы в Елизаветполе и других городах. И эти окопы, коль скоро вырыты, и вооруженные нации стоят друг перед другом,- и русские здесь, и армяне, и грузины, и тюрки-мусульмане, наивно верящие в своих вождей, обуреваемых жаждой власти, необузданным честолюбием и болезненным самомнением,- да, эти окопы непременно зальются кровью обманутых тюрков и армян, кровью всех закавказских народов.

В памяти давняя, вскоре после Февраля, беседа с Рамишвили и Жордания, когда объединенное правительство Закавказья пригласило Наримана на несколько дней в Тифлис для чтения лекций на тюркском. И Жордания - с вопросом к Нариману: как реагировать на выступление армянских делегатов в Питере, где последние проводили идею о Великой Армении, иначе говоря, хотели захватить территории Азербайджана, Грузии и России - чуть ли не до Ростова?

Меня спросили: каково ваше мнение? Я ответил: Это заставит моих земляков подумать о Великом Азербайджане, а вас - о Великой Грузии. Так и случилось впоследствии: трения, доходящие до вооруженных столкновений из-за территории. Сколько молодых погибло, сколько обездоленных, разоренных семейных очагов, беженцев, оторванных от родной земли. И все это из-за Зангезура, Карабаха, Закаталы, Лори.

- Но, Нариман,- спросил Гегечкори (заглянул на минутку, увидев Наримана), - как можно допустить сегодня, что придет время, не будет ни тюрка-мусульманина, ни христианина, или, как вы писали в своем романе, мусульманство соединится с христианством, не будет татарина, армянина, еврея, русского? Говорить об этом всерьез?

- Согласен, но вы не учитываете, как бы точнее выразиться, гипотетический, метафорический характер моего тезиса. Мы непременно должны так думать, чтобы встать над межнациональными распрями.

- Вы наивный мечтатель.

- Кое-кто из моих земляков выражается резче: пустой мечтатель, говорят мне, когда рисую картину будущего единения наций, всего человечества.

- И вам кажется, что это время не за горами?

- Да, и я смогу тогда гордо поднять голову среди тех своих единоверцев, которые презрительно кривили губы, когда я говорил о братстве народов.

- Боюсь, что звездочет из вас никудышный.- Это Жордания. Он смотрел на Наримана так, будто именно он врач, а его собеседник тяжелобольной.- Вам бы родиться не в начале двадцатого, а в конце двухсотого века, но и тогда, боюсь, вы будете числиться по ведомству мечтателей, если таковые еще останутся. Что же потом?

После советизации Азербайджана и Армении первый торжественно объявляет Зангезур неотъемлемой частью Армении, последняя объявляет Нагорный Карабах неотъемлемой частью Азербайджана. Грузия после советизации отказывается говорить о Закаталах, считая эту область территорией Азербайджана, уступает Азербайджану территорию от Пойлинского моста к северо-востоку, искони населенную тюрками. Азербайджан объявляет свои естественные богатства общим достоянием всех, отпускает безвозмездно нефть Грузии и Армении.

Придет ли в голову кому-нибудь, что у нас между закавказскими республиками польется кровь из-за земли? Нет и нет! Азербайджан открывает для всей Федерации персидский рынок. Грузия - западноевропейский. Армения каждое лето уступает эйлаги занимающимся скотоводством тюркам. Муганский хлеб Азербайджана составляет общий фонд Закавказской Федерации.

Нариманов, будучи после разрыва с комиссарами в Астрахани, снова обратится - через год! - к сидящим в Закавказском комиссариате социалистам с открытым письмом, посланным

с нарочным:

...вы, социалисты, вооружили отдельные народы и напустили друг на друга. Разве для самоопределения народов нужны ружья и пушки? Сеять рознь среди народов!..

(Жордания, читая письмо Наримана, сокрушенно качал головой.)

Вы объявили сейм, мы этому радуемся, но когда окопы, вырытые в Гяндже-Елизаветполе и других городах, будут затоплены в крови темного армянства и мусульманства, мы обратимся к вам и спросим: до каких пор вы будете купаться в их крови?

И вы тогда не обижайтесь на мой вопрос, ибо спрашивающий положил лучшие годы своей жизни на борьбу за объединение кавказских народов, дни и ночи думал о том, чтобы засыпать окопы омерзительной и кровавой армяно-тюркской резни, сделав раз и навсегда невозможным повторение подобных кровавых зверств.

А после мартовской бойни мусульман-тюрок Нариман публикует разъяснение в газете Гуммет:

Мы себя не обманывали и не обманываем. Мы отлично знаем, что борьба в Баку, носившая вначале политический характер, приняла в конце национальную окраску. Не только знаем, но даже имеем неоспоримые факты и в надлежащее время скажем Советской власти наше слово. Поэтому пусть тюрки-мусульмане, подвергнутые бойне, не думают, что мы слепы и обманываем себя. Напрасно пролитая кровь мусульманской бедноты не останется без последствий.

По этому поводу т. Н. Нариманов написал письмо т. Шаумяну, и мы ждем ответа.

Из письма Наримана:

Политическая борьба приняла национальную окраску, и эти события запятнали Советскую власть, бросив на нее черную тень. Если Вы в ближайшее время не рассеете эту тень и не сотрете пятно, большевистская идея и Советская власть не смогут укрепиться и продержаться здесь, в Азербайджане. Вы знаете, что власть, взятая силой оружия, не может удержаться долго, если не будет пользоваться авторитетом в массе. Поэтому Вы должны приложить все старания к тому, чтобы население поняло и почувствовало, что темные силы, которые придали борьбе национальную окраску, ничего общего не имеют с Советской властью. Нужно не на словах, на деле показать и убедить, что Вы объявили открытую войну темным силам, которые все еще не хотят отказаться от нападения на мусульман. Если в эти дни Советская власть не покажет себя темным и подлым силам, я и все мои товарищи-социалисты уйдем от власти.

- Да,- признал Шаумян,- обстоятельства заставили нас использовать партию Дашнакцутюн в борьбе против Мусавата. Вопреки субъективной воле вождей партия Дашнакцутюн служит целям российской революции. Но если Советская власть сейчас опирается на партию Дашнакцутюн, то завтра условия могут измениться. Вот почему, не отвергая помощи Дашнакцутюна, в высшей степени ценной в данный момент для нас, мы все же не должны терять из виду исторической перспективы, не забывать националистической сущности этой партии и, воспользовавшись благоприятным для нас моментом, напрячь все силы, чтобы оторвать армянские массы из-под влияния реакционных вождей.

(О Боже, как скрипит перо - словно пружины музыкального дивана!), а за скобками:

- Не успеют!

- Что?

- Напрячь усилия!

- Что еще?

- А еще лопнувшие ваши надежды на вождя Андраника: подавленный хаосом, интригами, грызней в рядах национальных партий, он распустил части и Старый свет, но перед тем - неслыханные зверства: пролитая на всем протяжении Аракса кровь мирных тюрок.

Из доклада Шаумяна на заседании Бакинского Совета:

На Кавказе невозможна гражданская война без национального оттенка, но из этого еще не следует, что нужно совсем отказаться от революции. Да, в борьбу Совета против Мусавата внесен национальный момент. Погибло много ни в чем не повинных мусульманских бедняков. Победа настолько велика, что это мало омрачает действительность, - выглянуть в окошко или выйти за ворота, душно!

- Что ты, что твой Шаумян,- сокрушался Кардашбек, у которого убили в мартовскую войну родных. Нариман молчал.- Резня обошла вас стороной.

- Меня спас Шаумян.

- Вот так и спасаемся: тебя Шаумян, Мамед Эмин - Кобу.

- При чем тут Коба?

- Это я так, к слову.

Нариман, вспомнив о том сегодня, горько усмехнулся: благородство Мамед Эмина, нет, доброта, это точнее, чёрта б спас, если грозила беда. Но кто мог знать, кем станет Коба, какие планы зреют в его душе? смутные предчувствия Наримана возникли - улетучились, никак не отпускает давнее, реальное: мартовская война, поворотный пункт, начало разрыва со вчерашними друзьями по борьбе. А будущее? Лишь видения, годные разве что для новой трагедии, которую Нариман написать не успеет. Он самый старый в Бакинской коммуне, ему уже сорок восемь!.. быстро бежит время. Кровавый март сменился мучительным апрелем учреждения коммун, и сомнения разрывают душу Наримана, хочется крикнуть: Опомнитесь!- но кому? кто услышит?.. далее буйный май и тревожный июнь, всего лишь три комиссарских месяца Наримана, потом ему - Астрахань, им - погибель.

Дюжина их, комиссаров, ушло, забылось, рука лишь мысленно выводит их имена, которые нынче ничего не значат, а самый-самый главный, он же Председатель, он же Комиссар по внешним делам, ибо продолжает оставаться посланником Центра по делам Кавказа и Турецкой Армении и не отбросил думы об иных национальных владениях, - Шаумян.

Главное сегодня - нефть, ее незамедлительный, а по Фиолетову, комиссару народного хозяйства, принудительный вывоз в Россию, где промышленность задыхается и заводы стоят, флот и вывезет по морю и Волге всю наличную нефть - восемьдесят миллионов пудов! Цепочка пятизвенная выстраивается: бурение, добыча, переработка, хранение и транспортировка.

Я хочу подчеркнуть, - Фиолетов будто слышит возражения, чтоб пресечь на корню,- именно принудительное выполнение планов вывоза нефти в Россию! (в скобках: Кто саботирует - изолировать в концентрационных, крепкое слово, лагерях!)

И еще: реквизировать большие дома в центре города, частные особняки, населив их беднотой, - реквизиционная комиссия при Нариманове.

Деревня? И снова полки, названные Красными, должны прошастать по районам, гася контрреволюционные очаги. Нариманов предупреждает, что походы эти - путь к новой бойне, подавление как отмщение, и уже не остановить разгула террора на Апшероне, близлежащих тюркских городах,- и пуля, и штык, и пропагандистский угар с дальним прицелом.

О!.. Татевос Амиров!.. Два брата, он и Арсен (Амирян), на одном листке их высказывания запечатлены, устное, случайно услышанное Нариманом сразу после мартовской войны, и письменное - выписка из газеты:

Татевос: Да, я с отрядом сжег Исмаилие, - произносит, смакуя ийе, дворец и гостиницу, войдя туда со стороны переулка у редакции газеты Каспий, и типографию сжег, где были набраны и не успели реализовать тысячи экземпляров Корана, и пламя их поглотило, превратив в пепел! Да, я мстил!.. - словно спорил с братом Арсеном, который додумался напечатать такое в Бакинском рабочем, и дата: 6 декабря 1917г., Татевос был в

ярости. Но что поделаешь-брат! Слова Арсена были четко набраны: Политика армянских националистов привела уже [однажды] к гибели армянского народа в Турции! (не о том ли говорил Нариману и Тер-Габриэлян?).

И вдруг... надо же, чтоб в тяжелые дни мартовской бойни рядом с бедой радость. Нариман первый увидел - по глазам Гюльсум: они стали тревожно-глубокими, тайна печали в них и - какая-то умиротворенность. Припухлые веки... Обнял Гюльсум за плечи:

- А ты... ничего не чувствуешь?

- А что? - встревожилась.

- Никаких у тебя... беспокойств?

- Думаешь... - и жар прилил к лицу, смутилась.

- Точно! - Будет ребенок, наконец-то! три года как поженились - и ничего, а тут вдруг такая радость.

Непреренно будет сын, почему-то решил Нариман. Наджафом его назовет, именем своего отца.

А тем временем ЗВЕЗДА СЧАСТЬЯ - из романтических штампов, к которым, увы, привержен и я, казалось бы, пора отвыкнуть, особенно теперь, когда столько пролито крови, и дорога подвела к краю пропасти.

Перенестись на короткое время в Гянджу, которая была переименована в Елисаветполь в честь августейшей супруги Александра I Елизаветы Алексеевны, она же Луиза - Мария - Августа, дочь маркграфа Баден-Дурлахского, а ныне возвратила древнее свое имя: скинули двуглавого орла с циркульного фронтона здания губернского правления (молодцовского!), и город заполонили тюркские силы (а в Баку вскоре разрушат, сбросив с ниши, бюст Цицианова, установленный на том месте, где его убили,- дальний предок Кардашбека и убил...).

Здесь, в Гяндже, и деятели мусульманских общественных организаций, одни покинули Баку после мартовской бойни в знак протеста, а то и бежали, спасаясь от преследований Бакинской коммуны, другие прибыли из Турции с турецкими воинскими частями Нури-паши, третьи явились из Тифлиса, где заседали в Закавказском сейме, составленном из членов разогнанного в Петрограде Учредительного собрания, куда и прибыть не успели, и сейм, раздираемый изнутри многоголосьем - и армянский баритон тут, и грузинский с хрипотцой бас, и тюркский... дискант? - распался. А ещё тюрки, помимо тифлисских и бакинских, - впрочем, они и не покидали театра военных действий, размещены в казармах и призваны защитить только что наспех созданную, одни лишь декларации (опечатка: читай декорации). Азербайджанскую демократическую республику. И за здоровье ее не терпится, выкрик рвется из груди, но боязнь сглаза, что ли?.. и за упокой не мешало б - не вслух, хоть и носится в воздухе запах тления, но ведь жива (теплится еле душа).

Была идея, рожденная от безысходности, ибо в Баку, где Коммуна, путь заказан: именно в Гяндже, чье зарождение теряется в веках, следы ведут во времена греческие или римские, обосновать столицу республики (по аналогии с Российским правительством, перебравшимся недавно из Петрограда в старую Москву). Гянджа к тому же удачно расположена - в центре Азербайджана.

Но прежде переписать аккуратно, порвав черновик со стрелками и вклиниваниями в текст, крылышки слева-справа, карандашные пометки красными и синими, еще кружочки, вроде сердца, точнее - груши, чей черенок - это стрелка, привязывающая слово к ветке-абзацу.

Голос Гюльсум: Про чайник не забудь! Заварка! Упустил миг, и на керосинку из носика вытолкались чайники, зашипев... А когда вернулся к листку: что же прежде?.. Ещё фразы в черновике - куда их?.. Дайте волю гневу и ненависти, которые накопились в сердцах за века угнетенья! В чьих сердцах? А это: В перерыве большевики учились стрелять (в скобках: на

съезде).

... Жара в Баку. И ночь не приносит прохладу. Окна - настежь, дверь балконная на улицу - тоже, тихо, будто вымерло все. Обманчивое чувство, каждая ночь таит угрозу - на воскресенье объявлен митинг рабочих Черного и Белого городов, Завокзального района, может вылиться в бойню: голод, магазины пусты, дороги отрезаны, на заводах принимаются резолюции против большевиков, одна из них - на столе у Наримана (в папке лежит): Требуем немедленно переизбрать Бакинский Совет, Чрезвычайного комиссара Шаумяна, назначенного комиссаром Лениным.

Трижды ударили часы на башне, что напротив: судьба определила ему обосноваться на улице, где заседает Бакинский Совет. Он, комиссар Бакинской коммуны, дни и ночи, пока не слёг, проводит в огромном с высокими окнами зале: не успевают разобраться с одним делом, как грядёт другое, то отчетливо, что предстоит совершить, а то - растерянность.

... Отказали ноги. Такое с ним уже было однажды в Астрахани во время ссылки, тогда помог старый врач (жив ли теперь?) из шотландских миссионеров - снял боли за два дня, темно-коричневая жидкость, спирт, настоянный на каких-то крылышках бабочек.

Подумать нельзя о поездке. Да и как?! Нет единства в Бакинском Совнаркоме, собран по крохам, за каждого комиссара - столько же голосов за, сколько воздержались: большевики - каждый пятый, левые эсеры с сочувствующими, эсеры правые, меньшевики левые и правые, каждый десятый - из партии Дашнакцутюн, немало сочувствующих им армян из иных партий; беспартийные, люди неопределенных пристрастий, мусаватисты, мало их в Совете, главные силы - в Гяндже, недоверчиво косятся на Наримана, когда защищает интересы апшеронских тюрок.

Пришел навестить Шаумян, легок на помине, глянув на больного, понял, что дела плохи: спасать, пока возможно.

- Оставаться здесь нельзя! Надо в Астрахань,- улыбнулся,- к доктору Коннеру!

- А я никак не мог припомнить его фамилию!.. Как с хлебом (закуплено на Северном Кавказе около двухсот вагонов)?

- Находятся частью на рельсах, частью свезены на пристань. К сожалению, доставка к пароходам на рейд затруднительна, берег у пристани Шендрикской мелок, пароходы останавливаются верстах в пятнадцати, подводы с хлебными грузами съезжают с берега в воду, по воде продвигаются пять верст, затем хлеб с подвод сгружается на плашкоуты или плоты и на них подвозится к пароходам. Но такая погрузка на пароходы возможна в тихую погоду, которой Каспий, увы, не балует.

Сказать бы Гюльсум вождам и мужу своему: Хлеб? Разве кормите народ хлебом? Это смесь негодной муки с шелухой, саманом, песком!.. Как началось, так и пойдет теперь, это надолго. Дороговизна и спекуляция! Чуреки с ладонь - семь рублей штука! Хорошо, что массовое бегство с промыслов тюрок-мусульман приостановили: на них держится добыча.

И снова этот спор, Нариман помнит, как вскоре после мартовской войны комиссары собрались у Шаумяна, и с какой настойчивостью и раздражением тот повторял:

- Пользоваться услугами армянских частей было необходимо, победа настолько велика, что это мало омрачает действительность!

- Пиррова победа! - бросил Нариман.

- Согласен, были допущены некоторые несправедливости по отношению к мирному населению.

- Несправедливости?! Поголовное истребление мусульман, вспарывание животов беременных женщин, чудовищные надругательства над девушками! Сожжение людей живьем в мечети! А потом? Зверства и мародерство карательных отрядов Татевоса Амирова (нет, это выше его сил, не выступит Арсен Амирян, кому поручена газета Бакинский рабочий, против старшего родного брата!

- Мы комиссию пошлем, - это Шаумян, чтоб успокоить Наримана.

- Докажите, признайтесь,- Нариман то к Шаумяну, то к Джапаридзе после приезда комиссии во главе с губернским комиссаром Азизбековым,- что все это случилось помимо и вопреки! что Советская власть оказалась в плену у мстительных офицеров! это надо сделать сейчас, немедленно, иначе Советской власти на Кавказе и в Баку мы выроем глубокую яму! могилу!.. Я видел слезы на глазах дорогого нам Мешадибека Азизбекова, вот он, сидит здесь, во время докладов о гнусности дашнакских отрядов в Шемахе и ее районах. Это страшно, когда мужчина плачет навзрыд!

И Фиолетов в поддержку Шаумяну:

- Да, во имя спасения русской революции, утверждения Советской власти в Закавказье мы должны были любыми средствами, всей своей мощью, да, да,- в сторону Наримана,- пусть и ценой некоторых напрасных жертв, ибо предусмотреть все нюансы национальных отношений и вражды невозможно. Терять Баку с его огромными нефтяными богатствами, питающими промышленность всей России!

- Ладно!.. - Шаумян, очевидно, уловил что-то бестактное в словах Фиолетова и прервал дальнейшие споры: - Потом договорим,- и пригласил всех к чаю: - Каждому, не обессудьте, по кусочку сахара.

Разошлись тогда за полночь.

Нариман шел к дому один. А пока шел, мрачные мысли о будущем слегка притупились. Поднялся вверх по Николаевской, вот и дом, где он живет после женитьбы, напротив здания Бакинского Совета и мужской гимназии, мраморные ступени, постучался, вернее, покрутил звонок, надпись на медной пластинке, прибитой на дверь.

Бывшие партизаны, питаемые - кто ж это говорил? - лишь одной страстью: ненавистью к туркам, вакханалия озлобленных сил, одержимых жаждой мщения за прежние погромы, и нет им конца, вьется, запутываясь, цепочка. Вспомнил! Лядов, Мартын Николаевич! это он рассказывал, тогдашний председатель объединенных штабов Красной гвардии, на какую армию опиралась Коммуна: уповающие на помощь англичан недееспособные армяне-фронтовики... встретились с Лядовым на днях на Садовом кольце, приглашал Наримана в Коммунистическом университете, Свердловке, выступить, назначен туда ректором. Был рассеян, задумчив, недавно подвергся нападкам: дескать, секретные документы партии ходят по рукам среди студенчества, распространяются слухи, подрывающие авторитет властей, якобы недавно Троцкий пострадал за демократию, одна из слушательниц так и сказала товарищу Сталину: Довольно секретов! И, воодушевляясь, о его генсекстве, напомнив о перемещении.

- За пост генсека не держусь, но не люблю, когда без видимых причин в отставку просят. У меня доводы всегда веские были, это известно всем, готов хоть завтра очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, без требований и условий, но мне товарищи отказывали, причём трижды, обязав оставаться на своем посту (будут отставки еще: семижды!..). Крутой? Да, отпираться не стану. Груб? Да, когда требуют интересы дела. Честно признаюсь: готовлюсь к новой отставке, но боюсь, что снова откажут. Уверяю, что партия от моей отставки только выиграет. Но если просьбу не уважат, что ж: возьмусь за дело с удвоенной энергией, я не так воспитан, чтобы работать спустя рукава.

Так и стояли с Лядовым на Площади Восстания, вспоминая прошлое: Коммуну была обречена. И как это Нариман неожиданно их покинул (укор?), не велел никому из комиссаров провожать его?

К удивлению Наримана, с ним пришел проститься Мамед Эмин, очевидно, втайне от единомышленников, и то лишь, как показалось Нариману, не вполне по велению сердца, а с целью удостовериться: действительно ли причиной отъезда болезнь или разброд в рядах Коммуны?

Кардашбек сказал:

- У Наримана разрыв с Коммуной... Прозрение перед смертью.
- Как перед смертью? - встревожился Мамед Эмин.
- Увозят больного в Астрахань.

Не говоря Кардашбеку ни слова, пошел проститься. Рисковал, ибо прибыл из Гянджи, где разворачивались большие события, полулегально, чтоб навестить семью, - не удалось! никак не проникнет в апшеронское село Новханы, где семья! но зато, как велит вера отцов, простился с Нариманом. Признается ему потом Мамед Эмин, уже в Москве:

- Как увидел носилки, подумал: не жилец на свете, а вышло наоборот, прямо чудо, что избежал участи бакинских комиссаров.

А в Астрахани, куда из Баку привезли больного Наримана, отказали ноги! Черным по белому в автобиографии (переделанной в биографию): От трудной работы Н. лишается одной ноги (неряшливый перевод?) и его везут на астраханские грязи по совету врачей... или сам уже не врач? ах да, тремя строками выше сказано о подпольной политической работе в организации Гуммет, и что партией Н. снимается с должности врача (?), получает ряд ответственных постов: Комиссара городского хозяйства и редактора партийной газеты Гуммет, - . Несколько оправившись, он назначается комиссаром народного просвещения.

И гонит, гонит от себя: короткая радость, что будет сын, назовёт в честь отца Наджафом, омрачена - накануне отплытия из Баку случилось то, чего Нариман опасался, - выкидыш! Малокровие Гюльсум, её упрямство, сколько Нариман предупреждал не тащить тяжести. Новая весть - через год, в Астрахани, но Нариман загадывать уже не станет, строг с Гюльсум: чтоб благополучно прошла весь свой предродовой период. И родится сын. В Москве, в Малом Харитоньевском. Пустая просторная квартира, стояли лютые морозы, Гюльсум каждый день носила Нариману на работу обед - шесть вареных картошек.

В первый день декабря (19-го года) картошка кончилась, Гюльсум пошла на Сухаревский рынок, купила полмешка мерзлой картошки, на бархатный выменяла жакет, тащила на спине, стало плохо, к счастью, нашлись добрые люди, поспели в ближайший Лепехонский родильный дом. Сын!.. Собрались, смотрят, дивятся: впервые тюрк родился, глаза чёрные-чёрные, и волосы - чёрные. Очень на папу своего похож. Как же иначе? - удивлена Гюльсум: черненький и кругленький. Ребята в школе дразнили: Черный макака! Наджаф сжимал кулаки, готовый драться, а Гюльсум, вздыхая, успокаивает его... - это уже без Наримана. Смотрит она на сына: как прочесть его судьбу? в такое-то голодное время вырастить!

Поздняя отцовская задумчивость в сыне с юных лет: в тень! в тень! забыть, кто ты! Эти колкие взгляды: А ну, что скажет сын Нариманова, живой плод наримановщины (как пощечина). Драчливая воинственность сына, и защитой для него, спасением - война. Наконец-то грянула! С надеждой, что будет иначе после победы. Но какой скорый путь - ловко крутанули циркулем, и круг жизни замкнулся: проколота циркулем, как пулей, сердцевина.

... Каноида, бомба разорвалась вблизи от их дома, который Нариман покинул, отплыв в Астрахань: турки бомбят Баку, вот-вот хлынут в город со стороны Волчьих ворот. Нариман предвидел - что без Баку Азербайджан, будь он даже трижды, по цвету своего знамени, независимой демократической (?) республикой? Новая формула, кажется, еще не родилась, а если и родилась, неведома тюркам. Если нефть - королева, так? то Баку ее корона (или трон?). Гянджа возмечтала захватить Баку с помощью Кавказской исламской армии, регулярных турецких войск (война с Антантой еще продолжается): пала в Баку Коммуна, падет под натиском объединенных турко-тюркских сил и Диктатура Центрокаспия, возглавляемая директорией бушуевых и ермаковых, а еще и печенкины здесь, и тюшковы, плюс антитюркский президиум аракелянов и велунцев, и затесался к ним здравый малый, но

натура увлекающаяся, к тому же заядлый покерист Гриша Айолло, сказавший про Диктатуру в кругу друзей, возглавивших ее Чрезвычайную Комиссию (что ни власть, то Чрезвычайная Комиссия),- Васина и Тер-Мкртчянца (столько негласных звуков!), все трое бакинцы, особое племя, вместе кутили, пикировались, качали права, а разбегутся кто куда (Айолло - в Лондон):

- Не власть! Коктейль! Смесь партий, горячих голов, хватких рук!

- А за эти слова мы тебя в Баилловскую засадим! - Васин шутит.

- К вождям Бакинской коммуны? - Сидят в тюрьме, ждут участи: первый побег в Астрахань не удался, были схвачены в море, готовят побег второй навстречу собственной гибели. - Неплохие ребята! - тоже шутит. Карты розданы, прикуп никому ничего не дал. Все трое блефуют: у Гриши Айолло тройка дам, у Васина мелкие пары, у Тер-Мкртчянца и того хуже: одна пара (тузовая). Торгуются: кто кого перехитрит.

Канонада, бомба, турки.

Может, Нариману выстроить день за днём? мартовская война, власть Коммуны, ее падение, учреждение Диктатуры Центрокаспия, ее крах, новая власть, которая скоро утвердится в Баку с помощью тюрко-турецких войск. И два взгляда устремлены сюда: Наримана из Астрахани и Мамед Эмина из Стамбула. Два ли? А Москва (нефть!)? Лондон - Париж? вытеснить всех и укрепиться? Одни лишь слухи. Нариман не питает надежд на национальную власть и ждет... - но чего ждет, заброшенный в Астрахань? В Стамбуле застрял Мамед Эмин как частное лицо, со дня на день ждет вестей из Баку и заспешит на почту, чтобы телеграфировать поздравление по случаю долгожданного победоносного освобождения от чужеземцев Баку, нашей столицы. Долга его дорога в Баку через Батум, Тифлис и Гянджу, поездом, пешком, попутными телегами.

Разноплеменная знать встречает новых хозяев Баку, тюркского премьера Фаталихана и турецкого генерала Нури-пашу, хлебом-солью, - надо б сначала упомянуть по законам гостеприимства, а тем более уважая силу, гостя-воина, а уже потом штатского беспартийного. Среди встречающих дагестанские джигиты, еврейская депутация бакинцев. Мусульман возглавлял ликующий Кардашбек, христиан-армян - архимандрит Левон. И русская община здесь, Гаджи рядом с настоятелем Александроневского собора отцом Владимиром.

Премьер Фаталихан волнуется, дискомфорт:

- Да, понимаю,- переводит Томсона Ахмед-Француз, - республику волнует вопрос о гарантиях... - и, помолчав, довольный удачной находкой, фраза давно заготовлена, и торжественно заявляет: Гарантия вашей безопасности - это Великая Британия!

В Тагиевской женской школе на Николаевской улице (переименуют в Парламентскую) откроется Азербайджанский парламент как полномочная власть демократической республики.

Первое слово - Мамед Эмину, председателю Азербайджанского национального Совета, говорит красиво: Мы любим Россию, но мы любим и свою независимость. Наше отделение от России не есть враждебный акт по отношению к ней. Мы не чувствовали обид от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма.

Поднятое нами знамя, три цвета которого являются символами тюркской национальной культуры, мусульманской цивилизации и демократических начал современной Европы, не должно опуститься. В сердце кавказца, как Прометея, закованного в цепи в горах Кавказа, всегда жила и живет ненависть к рабству.

И премьер, все тот же Фаталихан Хойский, скажет:

- Даже во сне б не приснилось, что такой день настанет. Баку был предательски захвачен партией, крики которой о свободе и братстве народов не соответствовали ее деяниям, вспомним истребление бакинских мусульман в мартовскую бойню! Предстояло отвоевать столицу Азербайджана, задачу выполнили при помощи турецких сил. Но в ходе

боёв были совершены преступления - правительство наказало виновников: более ста мусульман, замеченных в грабежах и насилиях, повешены и расстреляны. Да, мы не имеем опыта демократии и самостоятельности, тяжела ноша, легшая на наши плечи в хаотическое время, чреватое непредвиденными поворотами, но нас вдохновляет благородная цель, над нами сияет светлая звезда, указывающая путь к счастью и независимости народа: крестьян обеспечить землей, рабочих - трудом. Слова легко слетали с языка, Фаталихан прав: независимость не для того, чтоб отделиться от всего мира, а во имя тесного сотрудничества с народами-соседями, обретающими свободу по мере разрушения империи, да и с самой Россией тоже, избавляющейся от пут рабства.

В Азербайджане не должно быть сынов и пасынков: армяне,- назвать их первыми,- русские, евреи, грузины, немцы, поляки и другие народы, оставаясь гражданами Азербайджанской республики, должны пользоваться правами культурно-национальной автономии. И то, чего мы не желаем себе, не пожелаем и другим,- переиначил скрижали Завета, дарованные Всевышним на горе Синай пророку Моисею, он же Муса, тридцать три века назад: Не делай другому того, чего не желаешь себе,- учили ведь в гимназии: обозначил как программу, дабы не отвращать никого - ни христиан, ни иудеев. Впрочем, мысль эта высказывалась и на другом конце света мудрецом из Чин'а - китайцем Конфуцием.

И КАЖДОЙ ВЕРЕ СОХРАНИТЬ ЕЁ СВЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ:

православным - Рождество Христово, Богоявление (Крещение) Господне, масленица, дни Страстной недели, Светлая Седмица - Пасха Христова, Вознесение Господне, День Троицы и следом - Святого Духа, Рождество Пресвятой Богородицы, - диктует Хойскому жена, дворянка потомственная Евгения Головина, православная, но дабы не прогневить знатных и состоятельных родичей мужа, приняла ислам, и ей по нраву новое имя Джейранханум; те же праздники у армян-григорианцев: плюс Воздвижение, Явление и Обретение святого Креста, а также у протестантов и католиков, выверить, чтобы избежать ошибок, у внебрачной жены (Мациевской?) праздники Марка Евангелия, рождения Иоанна Крестителя, Марии Магдалины, апостолов Иакова, Фомы, Иоанна, Реформации, ну и римско-католические карнавалы, праздники Тела и Сердца Христова, апостолов Петра и Павла, что-то, может, упущено или забыто, но главное - пусть чувствуют и те, которые обозначены, и те, которые пожелают, нет-нет, как же без мусульманских праздников в первой мусульманской республике? но прежде, во имя интернационального всеединства, ибо бакинец - особая нация: здесь и вера, и мироощущение, и дух... о себе потом! С особенным почитанием евреев о праздниках иудейских: Рош ха-Шана, или Новый год, Суккот (Кущи), Шемини Ацерет, Симхат-Тора, Ханука - праздник Макковеев, Пурим, Песах - праздник Весны и Свободы, и множество постов, прежде всего Йом-Кипур - Судный день, или Строгий пост, а также Эстер, Обложения, Тиша бе-ав - День скорби и траура, разрушения Иерусалима и сожжения Храма; теперь мусульманские: Новруз байрам, или день Нового года: то на Коне прискачет, то Змеей приползет, то Петухом прокричит... а далее Ашура, или день убиения внука Мухаммеда и сына Али Гусейна, да пребудет в веках это имя, и пик траура Шахсей-вахсей, Священная ночь, Мевлюд, или День рождения пророка Мухаммеда, да не зарастет тропа к Его лучезарной вере, Ночь тайн (но помни: не бывает тайны двоих, чтобы Он не был третьим), Явление Мухаммеда пророком, Вознесение Мухаммеда, Ночь испытаний, или Явление Корана, Ночь всемогущества, или Сотворение семи небес, где Месяц - свет, а Солнце - светильник, и да станут Мои слова серьгами на твоих ушах: не ходи по земле гордыней, ведь не достигнешь гор высотой!.. Ночь печали, Построение Каабы, Праздник примирения - всех рас, вер и языков. И Баку - земля примирения? Несть числа святым дням, но не более календарных (?). Разодеты беки, ханы, купцы, гимназисты, лавочники, мещане, все улицы, переулки и площади разукрашены зелено-красно-голубым, нет, иначе: знаменами и флагами изумрудно-ало-небесными центральные и окраинные улицы города - Николаевская и

Ольгинская, Великокняжеская и Торговая, Мариинская и Телефонная, Бондарная и Чадровая, Минаретная и Персидская, где двухэтажный дом Кардашбека, Верхне- и Нижне-Приютская, Верхне- и Нижне-Тазибирская, площади Вокзальная и Театральная, Думская и Девичья, переулки Косой и Кривой, Мазутный, Лютеранский и Чистый, проспект Нобелевский, что в Черном городе, улицы Въездные, аж пятнадцать их! Крепостные, Параллельные, Хребтовые, Азиатская, Почтовая (дом с фонарем), улица моего детства, сколько их в этом гигантски разросшемся, пыльном, чадном, но таком родном городе, и переименованы будут не раз, не два: зуд имперский вытеснен зудом республиканским, его в свой черед сменит зуд революционный, - пока спустя годы не родятся новые прихоти, настоянные на эйфорических парах независимости, будто она тотчас возможна, когда раздираемы изнутри, единство иллюзорно, рвут, отторгают твои земли, но ты спешишь переделать мир,- Крепостная стала Николаевской, чтоб переделаться в Парламентскую, но лишь на короткое время, и вывески сменить не успели, ну и с помощью Наримана - не терпелось, хотелось поскорее - обрела новое имя, назвалась Коммунистической, чтоб сгинуть по истечении многих годов... - но об этом история пока умалчивает (уже случилось).

Срочно в номер - трезвый голос Ахмед-бека, он же Француз Ахмед: Мамед Эмин, мой юных друг, молод и потому говорит с горячностью и воодушевлением, я же стар и не могу постоянно видеть жизнь в ее иллюзорной форме. Он, пылкий Мамед Эмин, как ему и положено по его годам, витает на небесах, а мы находимся на этой дымно-мазутной земле, где действительность разрушает все самые великие и заманчивые иллюзии. Наш Азербайджан - утлый челн на поверхности океана, да еще во время бури, и все надежды на рулевого. Но где он, наш рулевой? Голос из публики: Парламент и есть тот рулевой, которого вы не видите или не желаете видеть!

Браво! Красиво сказано! Нет армии, а банды Андраника, о чем мы говорили на чрезвычайном заседании парламента в канун Нового года, бесчинствуют в Карабахе. Они прошли, предавая все огню (и мечу) по Эриванской губернии, Нахичеванскому уезду, затем направились в Карабах, в Лачин и Зангезур! Это бойня, резня, никакая не война! А что внутри? Внутри - злоупотребления! Жажда власти и наживы! Вражда землячеств! Вражда классовая, которая обескровила нацию! Нет ясной программы, воли и твердости! Мы должны докричаться, как уже говорилось не раз, до ушей всего мира, культурных европейских народов, что успешно делают наши соседи! Докричаться... - Голос с места: у них нет ушей!

У соседей?

Нет, европейских народов!

Председатель: Прошу не перебивать оратора!

Эпидемии! Дороговизна! Налоги - переложить их с неимущих на плечи имущих! Спекуляция зерном! Взятничество на почве контрабанды! Грабежи среди бела дня в самом Баку!.. - С места (из рядов нацменьшинств): Просим перевести! В ответ: Надо знать язык!

Споры, полемика, раздоры, речи за и речи против, оппозиция левых сил, отставка правительства: Ввиду нервного переутомления прошу сложить с меня полномочия главы правительства... (письмо Хойского). Новый премьер - Усуббек Насиббеков: амнистия, а следом - новые аресты: Требуем обсудить! Не рабочим, доведенным до отчаяния, место в Баилове, а Гаджи!

Председатель: Призываю вас к порядку и прошу воздержаться от резкостей!

Премьер: Мне послышалось, что тут непристойно склоняли имя Гаджи.

Председатель: Я уже призвал оратора (Кара Гейдара?) к порядку и прошу не касаться больше этого вопроса!

- Ну да, учились на его деньги!

- Многие учились: и те, кто здесь, и те, кто во вражьем стане!

(Обо мне.- Пометка Наримана.)

Наконец-то докричались! Антанта признала независимость Азербайджана! Бесперывно играет духовой оркестр охраны парламента. Зал разукрашен коврами, пальмами, национальными флагами. И работа фотографам - Лассержону, чье ателье на Биржевой, Мишону на Телефонной, Рембрандту на Парламентской, освоил искусство световых эффектов, волшебной светотени предка, запечатлеть для потомства в столь торжественный момент истории эти наивно-грозные лики кавказцев, заседающих в парламенте:

Европа, убедившись в жизнеспособности народа Азербайджана, сочла нужным признать нашу независимость. Раз поднявшееся знамя больше не опустится! Теперь этому лозунгу аплодирует весь мир. - Из речи Мамед Эмина, предложение послать телеграмму в Париж, где отменно трудится возглавляемая Топчибашевым делегация Азербайджана на Версальских переговорах.

На набережной - парад войск, и все устремились туда, и та, которая станет моей мамой, ей исполнилось четырнадцать, из Крепости, где живут, ни шагу, строгости мусульманские, но зреет протест - сбежит, чтоб постоять у Девичьей башни, поглазеть на проходящих мимо аскеров национальной армии.

Светские дамы, восседая в лакированных экипажах, и шляпки причудливых форм, сшитые у бакинских мастеров Грин-Марше и Гиндус, чей салон под Гранд-отелем, розами из Пальмиры и хризантемами из селимбековских теплиц закидывают аскеров, и среди - новобранец: крупная родинка на левой щеке, заметил ту, что выглянула на миг из-за Девичьей башни, умыкнет её из отчего дома, восторженное лицо, ликующий взгляд, отряд давно ушел, а он застыл на месте, смотрит, ликование сменяется тревогой - исчезла, ушла, непременно ее разыщет.

ОЧЕРЕДНАЯ ГЛАВА, или ДЕРЖАВНАЯ МОЩЬ, которая помогла выстоять, окрылила на революционные свершения (пока не наступили времена безверия).

Из Астрахани (вылечился) через год, в июльскую жару, его пригласили в Москву... Первый приезд сюда - встретили и разместили в гостинице Тверской пассаж, превращенной в коммунистическое общежитие Наркоминдела, выдали ордер на получение ботинок, костюма, рубашки, нижнего белья, а жену потом, ближе к зиме, обеспечили шубой.

Надо выступить, потому и приглашен с перспективой сотрудничества. Доклад как сообщение: о ситуации в Азербайджане и на Востоке. Поначалу трудно было переломить привычку и не работать по ночам: после одиннадцати вечера выключали свет; высшим чинам, правда, но Нариман пока не из их числа, когда предстояла срочная ночная работа, удавалось получить свет, и то не всегда, для чего обращались в Комиссариат управления городских электростанций.

Питался в столовой Наркоминдела, где иногда выдавали сливочное масло и сахар, и все это, и кусок хлеба... карточки отоваривались нерегулярно: то получают четверть фунта, то фунт... Нариман приносил домой: Гюльсум нужно усиленное питание, она кормит их первенца Наджафа. Вначале Гюльсум не то что есть - видеть не могла, как и я, ни селедки, ни воблы, а потом, особенно как достанут картошку, стала есть с удовольствием - через силу, чтобы ты не расстраивался.

И сегодня, перед тем как идти на выступление, получил сахар, обрадует Гюльсум... Так и не выйдут из полосы голода (и нищеты) ни в Баку, ни в Москве, и верить будут: наступят иные времена.

Было неловко, когда его представили, вел заседание Лев Каменев:

- Выдающийся революционер, талантливый публицист, видный общественный деятель... что-то еще в этом роде, Нариман подумал было о восточном этикете (или большевистском?) и потому постарался обратить в шутку, сказав, что председатель забыл упомянуть и о том, что я еще дипломированный врач и долгое время работал по

специальности (в отличие от многих, о чем - молчок: обидеться могут), все же, однако, настроенный на деловой разговор, не смог не среагировать. Уже и не помнит, как это случилось, с ходу отверг и то, и другое, и третье, прозвучало грубовато, дескать, привычная грузинская стилистика, от которой трудно отвыкнуть, а оба мы, и я, и, кажется, Каменев, тифлисцы, нас даже трое,- глядя на Кобу, а тот:

- Нет, я гориец,- и Нариман, оставив реплику без внимания, продолжил:

- ...и потому, как земляк земляку, и на правах старшего по возрасту смею возразить,- чем вызвал, сам того не ожидая, хохот Ленина:

- Так их! Так их!.. Сто тысяч чертей!..- и пока длился холерический, тотчас определил Нариман, хохот, на сей раз никого не заражая, как случалось прежде, наслышан об этом, Коба защитил Каменева (с кем, кстати, они много лет назад познакомились - и подружились - в Тифлисе: Коба как молодой последователь Ленина, а Каменев - только что прибыл из-за границы, где видел Ленина):

- Лев Борисович дал верную характеристику, и несправедливо было бы упрекнуть его, а тем более возражать.

- Каюсь, каюсь!..- тотчас отступил Ленин, и к Нариману: - Прошу!

Нариман, выждав, заговорил о политической ситуации в Азербайджане, о том, как победить, создав независимую советскую республику, - настойчиво и упорно повторял, будто споря с кем-то, что речь идет о не-за-ви-си-мом Азербайджане, хотя никто, казалось бы, не протестовал, но реплика была, то ли вопрос, то ли ловушка (снова Коба):

- А разве Азербайджан не независим сегодня? Своё правительство, власть Мусавата, общий наш с товарищем Наримановым знакомый Мамед Эмин Расул-заде председатель парламента. - И, видя замешательство Наримана, добавил: Может, - взгляд то на Каменева, который, будто уловив ход его мыслей, согласно кивает головой, то на Ленина, - точнее было б сказать иначе: да, независимость, но при условии союза с Россией. Я так понимаю: есть независимость - спутник дружбы, а есть независимость - спутник вражды.

- Ёсифсарьоныч,- так услышалось,- абсолютно прав.- Реплика Ленина. И резко повернувшись всем туловищем к Нариману, спросил: - А вы как думаете?

- Именно о такой независимости я и толкую: конечно же, в союзе с Россией.

- Ну и отлично,- подытожил Ленин, выбросив руку в сторону председательствующего Каменева, мол, дело ясное: Нариману были предложены сразу две должности по Наркоминделу, ибо Азербайджан откололся, став чужестранной, и Наркомнацу, ибо стратегическая цель - возвращение Азербайджана в лоно России. Нет-нет, в качестве вполне независимой республики! Слово частое у Ленина, доверяет чутью Наркомнаца и Наркоминдела, - о признании впоследствии Азербайджана, формулировку диктует, уже набросана, независимой, но советской республикой, зависимость независимости, или, если поиграть словами, будто решая шахматную задачу, давненько не раскладывал фигурки, играть бросил, много энергии, ерунда всякая! Муть! Бррр! независимость зависимости. И уж вовсе невпопад (как знать??) - популярной на лад татарский поговоркой: Кому полтина, а кому ни алтына. И там, где формулировка,- яти, ижицы, фиты, которых лишились, два слова, над разгадкой которых бьются: империял омнибуса (на нём в свободное время в Лондоне Ленин ездил).

- Одну минуточку! - Ленин к Нариману, чтоб тот вкратце повторил тезисы доклада, - глянул в листок,- на собрании коммунистических работников мусульман. Знают! - подумал Нариман: в Центре и знали, и похвалили: Чичерин, передав Ленину добытый текст, заметил, что это верх совершенства по простоте, наблюдательности и убедительности. Его советы замечательно разумны, хоть и схематичны порой. Может быть в высшей степени ценен для работы среди мусульман на Ближнем Востоке, пусть послужит нам в Наркоминделе. А Ленин, прочтя, торопливо записал на полях рукописи: Прелесть, как поворачиваться стала

работа! Росчерк фраз частоколом.

Вспомнить с ходу, о чем говорил в Астрахани... Ленин подсказал:

- Насчет ограничения прав национальных комиссариатов! Там у вас еще парадокс был: сначала вроде бы долой, потом да здравствует, но с тем лишь, чтобы снова усомниться. И о Коране тоже! Тут мне записку в связи с вашим выступлением передали, цитата из Корана, я вам потом прочитаю, а вы уточните.

- Что сказать о национальных комиссариатах при Наркомнаце? Еще десять лет назад герой моего маленького романа Бахадур перед роковым своим выстрелом сказал, что, полюбив армянку и решив на ней жениться, он стремился к уничтожению трений между мусульманами и христианами. Что настанет день, когда не будет ни тюрок, ни русских, ни татар, ни армян, ни евреев, воцарится на земле мир. Я готов теперь еще смелее кричать: Долой эти противоречия!

- Вот-вот,- перебил его Ленин.- Именно долой!

- Да, долой национальные комиссариатства и да здравствует, так сказать, Третий Интернационал.

- Вот именно! - снова Ленин.

- Но в данный момент я высказываюсь против даже в малой степени ограничения прав мусульманских или иных национальных комиссариатств по многим причинам. Мое глубокое убеждение, что сейчас нашей власти грозит опасность не столько извне, Деникин и все прочие, сколько изнутри, если мы ущемим права народов, обманем их надежды, а вторая причина - это неподготовленность мусульманских масс, которые именно через комиссариаты приобщаются к новой жизни.

Знаки Ленина Каменеву, чтоб закружился: заболтались через меру!

Коба потом скажет Нариману: - Мы постепенно ликвидируем комиссариатства, чтобы не усугублять национальные противостояния.

- Может, и наркомнац тоже? - решил, что Коба обидится, а тот спокойно: - Ты угадал, в наркомовской этой должности есть что-то унижительное, второй сорт. Поощрять всякие пантюркизмы и панисламизмы (кажется, сказал и о шаманизме).

- Пугали в царское время, станем пугать и сегодня?

- Пугать или не пугать - детские разговоры. Да, национальные комиссариатства ликвидируем.- И помедлив: - Но об этом пока молчок. Такая политика.

- Думать одно, делать другое?

-В пропагандистских целях тактическая уловка.

- Кого ловить?

Удивлённо глянул на Наримана. Таких, как ты, простачков! Применить недавно отработанную формулу: - Не объявляя официально (массового красного террора), фактически провести ликвидацию.

Нариман подумал, что не понимал тогда, что за новыми фразами скрыта старая суть. Тогда Нариман по инерции прежних лет не очень-то всерьез принимал Кобу, а теперь... - пять лет прошло, как тот стал прибирать к рукам власть, и времена смешались. Вспомнил, как познакомились, первая встреча в доме рабочего-жестянщика на Меркурьевской, где собирался Бакинский комитет, и от Гуммета был Нариман. Ждали Кобу, а его нет и нет.

- Кого ждем? - поинтересовался Нариман.

- Кобу, из Тифлиса. Привычка у него, может, конспирация: являться позже всех.

И пришел неожиданно, с книгой, которую прижимал к груди чуть укороченной рукой, с детских лет увече, не разглядел, какая книга (обложкой вниз). Бросились в глаза башмаки - нечищенные, будто только что бежал из ссылки, топая через болото по грязи (в пику буржуа, объяснили). Снял с головы картуз (нечесанные волосы), сел в угол, как бы в сторонке, почти приказал:

- Начинайте, товарищи! - за все время, пока говорили, не прерывал. И подвел черту: четко, пункт за пунктом. Гнетущее впечатление осталось у Наримана. Помнит, Коба внимательно следил за ним: слушая, что-то заносил в тетрадь с усмешкой на губах. Не верит! - подумал Нариман. Это не укрылось от взгляда Кобы: чтоб татарин перехитрил его? Спросил о Кобе у Шаумяна по дороге домой. Шаумян ответил: Наш опытный подпольщик, преданный делу. И что Коба недавно бежал из ссылки к жене с сыном в Тифлис, где познакомился с Каменевым: Коба - из сибирской ссылки, прогулка вроде, и в карманы напиханы ассигнации, есть-пить ведь надо, а Каменев из-за границы, куда ездил делегатом от Кавказа на большевистский съезд, прибыл с тайными заданиями социал-демократии, стилистика такая. И Кардашбек им навстречу: на малом пяточке у Крепостной стены собрались вместе, и длинный, каждому свой, путь, всех ухлопать разом (и никакой истории).

Не речь ли Наримана о мусульманстве, став достоянием властей, предопределила его приглашение в Москву?.. Де, болезнь мусульман, которую мы называем фатализмом: случится то, что случится, коль скоро случилось: вот тебе Коран, где твоё прошлое и будущее; то, что надо мусульманину, есть в Коране, то, чего нет, не нужно мусульманину.

- Да, о Коране, - заговорил Ленин, ни на кого не глядя, но тут же умолк, оборвав себя, будто задумался. Появился в глазах отсутствующий взгляд, все молча наблюдали, Нариман не сразу понял, что с Лениным, потом узнает: нередко с ним теперь - вдруг на некоторое время отключается. Это длилось минуту, а показалось, прошёл час, и тут же, придя в себя, недоумённо уставился на сидящих, задержался взглядом на Наримана. Парез! - ужаснулся Нариман: и до паралича недолго! И Ленин, подстёгивая себя, чтоб вспомнить, пощелкал пальцами: - Так о чём мы?

- О Коране.

- Ну да, о Коране, вот записка, держу её в руках. Как сказали? То, что надо мусульманину, есть в Коране, а то, чего нет в Коране, то не нужно мусульманину.

- Это сказал не я, а имам Шамиль.

- Так вот, записка эта, я сейчас её прочту, по всей вероятности, повертел её в руке, заглянул, что на обороте, - цитата из Корана, занятая очень, просьба, чтобы вы прокомментировали: Встретите неверных - убивайте! Убивая неверных, вы крепнете в вере.

- На подобные вопросы мне уже приходилось отвечать прежде. Что я могу сказать? Занятие не из трудных выискивать цитаты, обрывать их, чтоб в невыгодном свете представить Коран. Признаюсь, я не убеждён, что там есть эти слова, ну, а если есть, что с того? В любой священной книге можно найти подобные фразы. А в Евангелии? Кто не со мной, тот против меня.

- Почти по-большевистски!

- Мусульманский мир, - несколько книжных суждений, как иначе? - богатый массив культуры в истории цивилизации, сохранил и развил ценности античности.

- Так нас сагириуете, что все дружно примем ислам! - Чей-то следом шепот, вызвавший смех, отчетливо услышалось об очереди на обрезание (?): встать спозаранку, чтоб не опоздать, пока острый ножичек не иступился.

Однажды пытались Марксом бить Наримана, накануне мартовской войны: мол, по Марксу, Коран делит людей на правоверных и неверных, и первые, ставя вторых вне закона, объявляют им войну, создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными.

- Я отвечаю,- сказал Нариман собеседнику,- только прошу не нервничать: Маркс в данном вопросе ошибался.

- Пророк нового времени?! - Не делайте из людей пророков,- и сожаление в голосе, умолк. Какая неумность тщеславного Мавра, подумал. Чтоб всюду поспеть сказать свое веское слово.

КТО КОГО

Был Центр единый для великороссов, малороссов, всяких окраин и прочих инородцев, и тьма-тьмуца неучтённых. А тут возникли новые центры, рвут пуповину, впадинку с заворотом, резан-перерезан: с могучим Петроградом наравне еще и захолустный Елисаветполь, древняя Гянджа, которой возвратили в пику имперским амбициям ее бывшее имя. Но еще до Наримана, точнее - без него в стане двух центров, большого и малого, была дана оценка ситуации, сложившейся после октябрьского переворота или чуть раньше, после февральских метелей.

Сначала в центре большом, где мысли текли и переливались с севера на юг и с запада на восток, возник Баку, это во главу угла, там почти вся имперская нефть!.. да, Баку, где собрались силы независимости мусульман-тюрок, возникла угроза отторжения от Центра, удар по целостности России, не намерены, утрачивая земли, оголять границы, допустив отторжение окраин, проникновение эпидемии разрушения в собственную Россию - мордва и чуваша, Чечня и Кабарда, черемисы и тунгусы, татары, башкиры и прочая, и прочая. К тому же всплывает страх паралича армии, если лишится нефти (бензин + машинное масло), и это результат (снова в скобках) собственной нашей политики самоопределения вплоть до отделения, не учитывающей масштаба недовольств, порожденных прежними грабительствами, разбоем, притеснениями, глумлением,- у всех на памяти дебаты недалних думских времен.

- Нельзя ли,- чей-то запоздалый голос,- организовать внутреннее восстание? - Но надеяться на развитие революционного процесса, пока массы созреют,- ждать не месяцы, даже не годы, а десятилетия! - Найти у них людей, хоть бы голос какой оттуда, взывающий о помощи, это-то мы в состоянии организовать?

То же в центре малом - сначала Гяндже, потом Баку, где даётся оценка ситуации, цепочка точек с запятой:

после февраля семнадцатого представилась исключительная возможность покончить с империей, добиться независимости Азербайджана и, если на то будет воля России, заключить с нею договор на равноправных началах;

но там схватились в смертельном братоубийстве Ленин и Деникин, оба - за неделимую Россию, поможешь кому - со временем лишишься независимости, когда и сегодня не найти языка с полномочным представителем Центра Шаумяном: всплыла его радиотелеграмма, посланная в Джульфу Андранику, вождю армянского народа, а также Ленину, кому Шаумян сообщил о блистательных победах Андраника над турками, что старый революционный партизан установил в Нахичевани, куда проник через Ново-Баязет, а далее по Селимскому перевалу через Шарур, советскую власть, объявив город неотъемлемой частью России, вот-вот его добровольческие части хлынут в Баку... - отряды Андраника (это в скобках?) горят желанием отмстить, как поется, ненавистным здешним тюнкам за тамошнюю турецкую резню (и наглядный пример - мартовская бойня тюнка?). Впрочем, Андраника видели в Тифлисе, он уже как будто не у дел, гостит у друга - поэта Ованеса Туманяна. У меня четверо сыновей,- писал он Андранику,- и всех четверых я отдаю в распоряжение твоё! военная форма сменена на гражданскую. Проводив легендарного гостя, Ованес Туманян задумался, беспокойство какое-то тревожило. Потом родится призыв к интеллигенции обоих народов, и горькое признание вырвется из груди: Было время, когда я думал, что только татары (турки и турки) способны на такое зверство. Но, увы, и время и события неопровержимо доказали, что мы, армяне, в этом отношении друг от друга не отстаём. Поговорку б сюда: Позволь лжи распространяться в течение одних лишь суток, и понадобится век, чтобы ее опровергнуть.

Вооружаются соседи, привычные к ведению жестокой партизанской войны со времен Балканской... - кстати, так и не обнародовали, сделав достоянием мирового общественного мнения, многостраничные материалы международной комиссии европейских держав по

расследованию жестокостей в ходе Балканской войны: слухи об ужасающих зверствах турок не оправдались, комиссия установила, что турки проявляли гуманное отношение к врагу - сколько тому примеров!

И возрожденный клич: Крест на Айя-Софию! Уже было, помните? в ту, Балканскую? О, Золотой Рог и Константинополь! Всенепременно станет Царьград столицей всеславянства, а Русь - предводительница православия, охранительница его и покровительница, недаром поставила царьградского двуглавого орла выше своего древнего (какого?) герба. Сделать бы тут *nota bene*, выписал из Федора Михайловича, о войне:

Что ж, она освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растления и духовной тесноте. Да, война и победа: и начнется новая жизнь, а не только мертвящая болтовня, как прежде. И дрогнут сердца врагов наших и ненавистников: тысяч жидов европейских и миллионов вместе с ними жидовствующих христиан наших.

А меж бредовыми идеями жемчуг бесценный - удивительное повествование, Нариман читал, восторгаясь сном смешного человека.

Спасались от Деникина, отбивались от нападающих соседей - но обмануты славной Красной Армией, которая проложила тебе дорогу и дала власть, и ты успел... - что он успел: лишь декреты!

Только что пришли вести из Америки, где ныне Андраник, слова его так же остры, поучиться бы у них, как сабля, вынутая из ножен и нацеленная (неразборчиво, против кого); общение с ним похоже на дуновение ветра в лицо человека; но он расстроен, разочарован, подавлен, пыл угас - великий человек, ставший ничем. Чьи слова? Подростка Уильям Сарояна, который горд, что он американец, и в далекой Калифорнии, взобравшись на телефонный столб, он узрел Андраника, выходящего из вагона: старомодные усы на армянский манер, совсем седые. Много позже, сам став великим, поймет: что ж, турки убивали армян, а Андраник убивал турок - простых, добродушных, обыкновенных турок, не уничтожив ни одного настоящего преступника, потому что все истинные преступники держались от поля боя подальше. И еще поймет (да кто услышит?), ополчаясь против расплодившегося в мире скудоумия, невежества, добровольного ослепления, еще и еще... - эти обезумевшие маньяки! ненавидеть турка - это все равно, что ненавидеть армянина, ведь что армянин, что турок - тот же по сути человек. Какая разница, к какому народу принадлежать?

Где Уильям, где Андраник? Где Нариман, где... кто? Добродушный тюрок убит, но так и не понял, за что? Только ли потому, что через эти его низины пролегал путь одичавших в озлоблении воинов Андраника, покидающих Богом проклятый край, чтоб рассеяться по белу свету?

Это не ново: недоволен северный сосед, вчера еще грозный, и тайно переброшено в Баку оружие, чтоб вооружить большевиков и свергнуть законное демократическое правительство. Одна рука приготовилась душиТЬ, другая протянута для рукопожатия: радиограмма Чичерина - вступить в военный союз против Деникина. И братья Хойские - министр Фаталихан, старший Гусейнкули, дипломатический представитель Азербайджанской республики в Тифлисе, и младший Рустам, управделами правительства, в доме премьера Усуббекова за чашкой чая сочиняют отповедь Чичерину (понимая, что радиограмму составил Нариман), выдержанную в тонах спокойных, нечего, дескать, впутывать нас во внутренние ваши дела: протянешь палец - отрежут руку.

Народ Азербайджана не для того в ходе великих исторических событий и ценою огромных жертв и страданий добился свободы и независимости, положив в основу своего государственного строя начала демократии и парламентаризма, чтобы вступать в новые авантюры.

Возникшая на праве наций на самоопределение, премного вам благодарны, вы сами и

провозгласили! Азербайджанская республика неуклонно стоит на той точке зрения, что всякий народ имеет неотъемлемое право строить свою судьбу и жизнь по собственному усмотрению, а потому не допускала возможности вмешательства других во внутренние дела своего народа.

- ... Как тебе нравятся наши русские монархисты? - Фаталихан прервав диктовку, глянул на Усуббекова.- Является на днях кавалер георгиевский ко мне, мол, вскоре Деникин одержит победу, раздавит власть татарвы. А как только восстановится единая Россия, никакой вашей бутафорской независимости не признаем. Каков наглец, а?!

... вследствие постоянных посягательств на нашу независимость Азербайджанское правительство заключило военно-оборонительный союз с правительством соседней Грузии. Готовы и с вами вступить в переговоры в целях установления добрососедских отношений, вытекающих из принципа суверенности обоих государств.

- Что ж,- подытожил Усуббеков,- вполне приличествующий новым веяниям текст. - С чего-то вспомнил присказку, адвокатскому его сердцу милую, сколько в Одессе вспоминали эту поговорку с Нариманом: Плюнуть вверх усы мешают, а вниз - борода. - И жене своей, лучезарной Айнуль-Хаят, их Нариман познакомил, чутка и умна, вся в отца, великого крымчанина Гаспринского, умер недавно: мол, усы и борода - это России большевистская и монархическая, обе хотят здесь хозяйничать, но кому нужна такая детализация алчных вожделений господ?

Боже, как по-восточному велеречив Чичерин, с подачи, очевидно, Наримана, все с семьями живут в шестизэтажной гостинице Метрополь, где размещается Наркоминдел, у входа матрос, при нём пулемет, охраняют здание латышские стрелки.

Зима. Нет дров. Холодно. Согреваются у самовара, а случается - и совещаются. Потом переедут в особнячок на Софийской набережной, такая вот частая смена жилья, и на площадке лестничной клетки - все тот же самовар: потолковать за чаепитием.

Новая нота - смесь логики и эмоциональных обвинений, просьб и угроз, придыхания и компрессии, и тенор, и сопрано, ну и, разумеется, контральто и меццо-сопрано: Советское правительство признало независимость Финляндии и Польши, предложило мирные переговоры Эстонии, Латвии и Литве, отказалось от принадлежавших ранее прав, в чем-либо ограничивавших независимость Персии, Китая и Монголии, а за башкирами и киргизами признана широкая, как степь, автономия.

Да-с, арсенал выспренности, питавший и питающий высокий стиль и здесь, и там за хребтом, и далеко-далеко, вдобавок отменный каллиграфический почерк на тюркском, объявленным государственным в пределах Азербайджана, это естественно, на русском тоже, если учесть лингво-этническую пестроту Баку; впрочем, это из парламентских размышлений, немало и собственных тюрков в государственных учреждениях, не знающих родной язык в должной степени, но зато великолепно усвоивших русский и иные европейские, и столь замысловат их стиль, что кажется шифрограммой. Слова громоздятся, только что был холм, а уже высится гора, и каждое слово норовит, чтоб услышали именно его, будто осталось какое невыговоренное (и не опошленное).

Еще козни: армянские партизаны ночью в весенний праздник Новруз-байрам, напоив собственного производства кизиловой и тутовой водкой тюркский гарнизон в Ханкенды, напали на тюрков-мусульман, и завязалась перестрелка (офицеры пили, а солдаты-нет), в Карабах в спешном порядке брошены армейские части Азербайджанской республики: началась война двух республик Азербайджанской и Армяно-Арагатской. На севере, где граница с Дагестаном (за ним-грозная Россия), образовалась брешь... - снова нагромождение событий больших и малых, не забыть про англичан, к коим поступил королевский приказ срочно покинуть пределы независимого Азербайджана: на бакинском вокзале пыхтит длинный состав, увозящий их, в хвост прицеплен особый вагон, специально

предназначенный для жён, ибо успели за долгие холостяцкие месяцы обзавестись здесь семьями, обещали взять жён с собой в Англию. Прощальный звонок, состав тронулся, а вагон с жёнами, незаметно отцепленный, остался стоять на путях, такие вот, и здесь и прежде

ФОРТЕЛИ ФОРТУНЫ:

сегодня - изгнанник, завтра - власть (чтоб снова стать изгнанником). Словно Нариман тут ни при чем, выпал случай, стечение обстоятельств, сама судьба начертала ему триумфальный путь в Баку в спецвагоне, в неоспоримом качестве Председателя ревкома нового и, как твердо тогда верилось, независимого Азербайджана. Всего два неполных года прошло со времени его отплытия в Астрахань, а столько событий, среди которых - гибель комиссаров.

Таинственное их исчезновение из красноводской тюрьмы породило немало слухов, один из них - что комиссары в качестве заложников вывезены английской миссией через Мешхед в Индию. Как сказал Нариману потомственный мореход Мелик Мамед, внезапное пленение и гибель всего Московского Совнаркома во главе с Лениным, Троцким и Чичериным не могли бы потрясти рабочие круги Петрограда и Москвы больше, чем загадочный увоз бакинских комиссаров из Красноводска в Британскую Индию бакинский и закавказский пролетариат.

Нариман в Астрахани, потом в Москве тщетно пытался распутать узел, пока его не убедили, что комиссары казнены.

Племянник капитана Мелик Мамеда смысленый Гусейн, который плывал тогда с дядей на двубортном пароходе в Красноводск, в точности запомнил рассказ в капитанской рубке, за длинным, покрытым клеенкой столом, словоохотливого пассажира (Чайкина?), которому удалось проникнуть в Асхабадскую тюрьму, где содержались причастные к злодеянию преступники,- риск увенчался успехом, и рассказчик был доволен, что не оказался, как ему пророчили в Баку, двадцать седьмым комиссаром,- много их, которые могли стать двадцать седьмым, сам Нариман тоже. Гусейн, работая личным курьером главы Азербайджанской республики - президента Насиббека Усуббекова, тайно распространял в Баку книжечку Нариманова С каким лозунгом мы идем на Кавказ? с его неистребимой уверенностью, выраженной выпендренно, в излюбленном тогдашнем стиле, бесповоротно ныне отвергнутом: Мы водрузим красное знамя на дворцах Азербайджана, Армении и Грузии. Пусть процветают Азербайджан, Армения и Грузия. Нам нужно счастье людей, единение народов, их истинная, взаимная любовь, братство и товарищество! Пароход Наследник взял на борт весь отпечатанный в Астрахани тираж, в тюках ячменя. И на Вы, как к чужому, письмо Наримана другу студенческих лет премьеру Насиббеку Усуббекову: Милостивый государь! - вдруг образумится?

А еще письмо Иمامу Гоцинскому, духовному вождю Дагестана, который захватил власть, отрезав Баку от хлебного Северного Кавказа.

Менторский тон...- где она, мировая революция, из-за которой готов был принести в жертву всего себя?

Насиббек Усуббеков узнает руку Наримана. И в нотах Чичерина прочитывается наримановский стиль. А вдруг Нариман прав?.. Особенно про вождей нации, богатые жуиры, кутилы и прожигатели жизни - преподнести иной красавице венок, составленный вместо цветов из ассигнаций! Нариману легко: живя вдалеке сочинять в свое удовольствие, учить и поучать. Изгнанник! Выразитель чужой и чуждой воли! Там никогда не захотят, чтобы мы были независимыми: нефть! Уступить им - потерять независимость. Воевать? Не устоят - кто пойдет воевать? Да и какие мы солдаты? Турки - это да, не будь их - не вошли б в Баку. Насиббек подумал, что, в сущности, он не очень-то верит, что нация в короткое время избавится от бескультирия. И еще семейственность. Земляческие пристрастия. Торгашеский дух. Хвастовство. Самомнение. Что еще? Интриганы и властолюбцы. Никакого

национального чувства, как у армян или грузин. А вдруг да сплотится народ вокруг национальной идеи независимости? И уже верит, что именно так будет. Нет, прав не Нариман, а они! И снова сомнение - удержат ли власть? Мамед Эмин, этот хитрец, который - на всякий случай - стоит как бы в стороне от правительства, видите ли, он лишь председатель партии, не власть, общественная, так сказать, личность, и если что - чист. А Топчибашев? Рвался в Париж и поехал туда.

Накануне спорили о флаге, прошло предложение Мамед Эмина: трехцветный и полумесяц с восьмиконечной звездой.

- Уж не хотите ли,- знаток в парламенте объявился,- зараженные амбициями соседей, выступить, о чем уже было, преемницей оттоманской империи, у которой тот же полумесяц и та же восьмиконечная звезда?!

- Нет,- ответил Мамед Эмин.- Восемь лучей - по числу некогда процветавших азербайджанских ханств, и мы желаем видеть их сплоченными в едином государстве.

- Вы можете все эти ханства назвать?

- Что есть проще? Бакинское, Гянджинское, Карабахское, Кубинское, Ленкоранское, Тальшское, Шекинское, Ширванское.

- Еще Эриванское ханство было, тоже тюркское,- не унимается знаток. Опровергнуть? Согласиться? Дразнить соседей? Промолчал. С гимном неплохо получилось: согласился написать музыку ее пророк. Нет, бог - Узеирбек Гаджибеков. Уговорил Кардашбек - ему он не мог отказать: именно Кардашбек специально отвел Узеирбеку огромный зал в своем доме для репетиций оркестра народных инструментов, когда композитор ставил свою оперу, первую тюркскую, Лейли и Меджнун. Сын Кардашбека Сулейман, дитя еще, сдружился с Узеирбеком, и тот, уходя, оставлял мальчику дирижерскую палочку.

- Она волшебная,- говорил.- Без нее никакой музыки не будет!

На торжественных проводах делегации демократической республики на Версальские переговоры в Париж сыграли этот гимн творителя и певца красоты нашей далеко не веселой жизни, как о том говорили на недавнем чествовании Узеирбека, десятилетия его Лейли и Меджнуна - звуки, манящие в мир божественности, звуки возвышающие, одухотворяющие, ласкающие, ободряющие, утешающие, облагораживающие, они летели и летят лучами во все уголки мусульманского мира, выковывая в замученной и страдающей душе твоих собратьев начала и отголоски новой жизни, сотканной на канве красоты, изящества и справедливости.

Сыграли гимн, и верилось: коль скоро сыграли - нас услышат. Странная судьба у нации - докричаться до ушей культурных европейских народов... увы, никому не ведома Азербайджанская демократическая республика.

Недавно было письмо из Парижа от главы чрезвычайной делегации Топчибашева, прибыли в Париж через Стамбул, включен в состав делегации также посол Азербайджана в Турции Юсиф Везир Чеменземинли, кому поручено хлопотное дело: раздобыть и переслать в Баку машины и специальную бумагу для печатания собственной валюты, пока в ходу старые русские рубли и керенки, персидские туманы, кое-кто предлагает доллары, фунты. Мы видим, что народы, более нас известные,- письмо из Парижа от Топчибашева,- организованные и даже жившие самостоятельно, ищут себе не только союзников, но и покровителей, протекторов, мандатариев и стремятся в этом отношении ориентироваться на ту или другую сильную державу.

Ориентация на Россию? Имперский дух из нее не скоро изживется. Может, Англия? Германия? А Турция? Но она - империя, а у нас демократизм учреждений власти. Что еще? С ходу: предоставлены избирательные права женщинам.

Мысль премьера додумывалась трудно: неясно с признанием европейских государств. И армия у республики никудышная, и военный министр Мехамандаров не управляет ситуацией, да и само министерство - одно лишь грозное название, чего стоит, к примеру,

начальник генштаба, только что был у него, польский татарин Сулейман-бек (он же Мачей) Сулькевич, бывший командир царского мусульманского корпуса: был верен царю, потом, с успехами в войне немцев и турок, стал правителем Крыма, переметнулся далее к Деникину, и вот - нашел пристанище в Баку, не поймешь, что у него на уме, но чувствуется, пребывание в Баку считает временным, выжидает, мечтая о независимом Крыме. Министр внутренних дел Джеваншир, близкий к Шаумяну человек, все знают, как они спасали друг друга: Джеваншир - Шаумяна, помогая деньгами, пряча подпольные материалы, а Шаумян прятал Джеваншира с немкой-женой на своей квартире в мартовскую войну.

И вот: министр внутренних дел Джеваншир в кабинете Усуббекова Насиббека. Узнай он, что Джеваншир пытался недавно спасти Шаумяна, не ведая, что того уже нет в живых, и распорядился, чтоб выпустили большевистских агентов - людей Шаумяна, прилюдно б казнил за измену! Но он защищен нефтепромышленниками, верно им служит, ныне работает главным инженером у Ротшильда. Министр-инженер!

... Начальник охраны доложил Джеванширу, что арестованы два большевика, мужчина и женщина. Велел доставить к нему. Так и есть: женщина секретарь Шаумяна, помнил - Олей ее зовут, а второй сопровождал их с женой в дом Шаумяна в мартовскую войну.

- Подойдите ближе, Оля, - сказал Джеваншир, когда остались вдвоем. Узнаете меня? Молчит: верить ему или нет? Словно прочел ее мысли: - Да, я министр внутренних дел и стал им по велению совести. Мне доложили, что турки вас арестовали.- Пауза. Та снова молчит: игра? западня? - И еще сообщили, что Степан в городе. Так ли это?.. Что же вы молчите? Мне нужен его адрес. Я друг Степана, он спас меня от смерти. Если Степана найдут, убьют на месте. Дайте мне его адрес.

- Шаумяна в Баку нет.

- Не упрячьтесь!

- Его действительно нет в Баку, и мы даже не знаем, где он.

Джеваншир умолял, уговаривая, клялся - она была неумолима. И тогда Джеваншир впал в ярость: Проклятые фанатики! Ваш фанатизм погубит вас всех!.. - Вызвал конвой, приказал: Уведите её!

- Завтра... - он не дал ей договорить:

- Идите!

Она хотела сказать, что завтра по приговору Нури-паши их должны повесить (Джеваншир знал). Поздней ночью по приказу Джеваншира их освободили: смертная казнь была заменена высылкой из пределов Азербайджана. Постарайтесь больше не попадаться нам в руки. Это приказ Джеваншира.

Так что же, подумал премьер, Джеваншир и с Шаумяном, и с нами? Верность дружбе студенческих лет, проведенных на чужбине? Впрочем, и Насиббека могут упрекнуть: учился с Нариманом и оберегаешь его. Кто упрекнет? Жена переживает их размолвку: свадьба, переезд в Баку - все вехи личного счастья связаны с Нариманом. А интересно, что бы он, Насиббек, сделал, попадись теперь Нариман ему в руки? Сигнал поступил: Нариман здесь, тайно прибыл из Астрахани, готовит заговор. Военный министр Мехамандаров по долгу службы доложил: Большевик Нариманов, прибыв в Баку, имел тайное свидание с членами парламента, в частности, гумметистом Кара Гейдаром... - о! этот без ножа зарежет, если зазеваешься! затем выехал в Шушинский и Казахский уезды для пропаганды большевизма среди населения, а также, по мере возможности, среди войск. Секретное донесение не вызвало доверия. Но борьба есть борьба. Сказал Джеванширу: под носом вашим такой опасный преступник! И сам удивился, с какой легкостью произнес имя Наримана как заклятого, врага. Строго велел предупредить Шушу и Гянджу: К вам тайно направился известный большевик Нариманов для поднятия восстания против правительства, агитации и пропаганды. Строжайше предписывается... - короче: предать суду. А Нариман тем временем в

Астрахани, и никуда, кроме Москвы, выезжать не намерен.

Вскоре Насиббек получил письмо Наримана, адресованное лично ему как главе Азербайджанской республики, и поймет, сколь неговорчивы бывшие друзья. Сегодня - изгнанник из родного края, завтра, глядишь, - глава нового революционного Азербайджана! Так и случится, но когда приедет в Баку Нариман, Насиббека там не окажется: сбежит навстречу своей гибели, чтобы пасть от руки террориста,- включен в длинный список на уничтожение, дашнакский, нет ему конца, ибо не остывает гнев, жжет и жжет нутро, никак не сожжет дотла, и перо передается от деда к внуку, который вскоре сам станет дедом, чтоб перо не выпало из рук на устланную каменными плитами землю, и гулкое эхо в древнем храме, где творится противное духу Бога таинство с крестиками возле имен казненных - несчастная вдова Айнуль-Хаят!

ДА ВОЗЬМУ ТВОЮ БОЛЬ, ДА БУДУ ЖЕРТВОЙ ТВОЕЙ (из песен забытых).

- Мелик Мамед, хочу поручить тебе важное дело. Вот письмо. Это Шейху Гоцинскому. Не сможешь придумать, как передать лично, когда прибудете в Порт-Петровск,- опустишь в почтовый ящик. А это - рукопись была объемистая моё слово нашему с тобой одураченному народу: Не веришь, что победим?

- Мое дело маленькое: водить пароходы.

- И получать подарки от боцманов? - Нариман слышал: боцман подарил капитану свою сестру Ширингыз, или Сладкая девочка, возьми, мол, ее в жены, будет третья; мечтает он о сыне-наследнике, никак не родят ему ни первая жена, ни вторая,- одни лишь дочери, и одна из них моя мама, Махфират ее имя.

- Так вот, эту мою рукопись передашь в типографию, есть там наш человек. Но передашь не сам, пойдешь к Чингизу, он начальник военного порта, Чингиз Ильдрым, скажешь - от Наримана, он все поймет. И еще будет письмо Усуббекову.

- Премьеру?

- Да. В руки самому верховному главе!

- Это проще, племянник мой Гусейн пошел к ним работать курьером, между бумаг и вложит.

И прочел Мелик Мамеду эти письма, прежде чем отдал в руки: сначала письмо Иمامу Гоцинскому, потом - Усуббекову, узнать, как Мелик Мамед воспримет.

Надо полностью, уважая все титулы,- никогда нельзя терять надежды: а вдруг внемлет Нариману? Шейху Гаджи Неджмеддин Эффенди Гоцинскому, Духовному вождю Дагестана. Задумался: забавные были встречи с шейхом из Гоцо до революции, в Астрахани, когда был в ссылке. Нариманов решил выведать, что у того за душой: Существует какая связь между Турцией и Дагестаном? И тот ответил, что с нетерпением ждут турок, все, как один,они восстанут против царя.

Вспомнив об этом, Нариманов написал: Стремление Ваше восстать против царя и присоединиться к Турции мне было понятно. Но случилось так: не Вы восстали против царя, а русские рабочие, которые и Вас освободили от царского гнета. И что же? Жаждали прихода турок, чтоб освободиться от гнета русского царя, и в то же время, совершенно легко освободившись от него, вторично подставляете свою шею под ярмо Деникина, который, без всякого сомнения, несет с собой царскую власть.

Ещё спросил Нариман тогда: Как, мол, думаете действовать после освобождения от царя? Гоцинский ответил: У нас есть Коран и кинжал. Коран жить, как предписано, кинжал - защищаться.

Спросить бы теперь: где ваши Коран и кинжал? Коран забыт, кинжал иступился, так?! Впрочем, ясно, всё это вы делаете для того, чтобы не подпасть под влияние большевиков. Но что вы о них знаете? И что знаю я? вернее, что знал тогда, когда перо легко водило моей рукой?

Если вы честный духовный вождь, то вам незачем бояться большевиков. Они говорят: каждый народ свободен, может самоопределяться. Чего вам еще? Но из песен слов не выкинешь!

Песен? То были не песни - коварные планы, ставка на штыки: внезапно захватить и закрепиться первопроходцами мировой революции на Востоке. И выстраивалось: Азербайджан, далее революционизировать Персию, Индостан, аж до Китая, Японии! Я был очарован вождями, аплодировал их призывам создать конный корпус в сорок тыщ всадников и бросить на Индию, дескать, путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии. И сколь долго продолжалось очарование? Сжигание мечетей! грабежи сокровищниц! употребление листов Корана для естественных надобностей, да-да, это я видел сам! попираание семейных традиций, самовольные обыски, насилия!

И ты аплодировал, признайся, летчику, который хвастал: Мы бомбили Бухару. Держу бомбу - вижу внизу мечеть. Я и бабахнул прямо в кумпол! хохотали, меня возмутили его слова. Да? - с недоверием.- Но ты промолчал, и даже, помнится, подумал, что перед лицом великой победы это сущие пустяки, и тут же одернул себя: опомнись! о чем ты?!

... Мелик Мамед слушал Наримана, теребя в нетерпении усы, и каждый раз, когда Нариман произносил имя Имама Гоцинского, заострял внимание, густые его брови взлетали вверх.

Слушайте, Гаджи Неджмеддин Эффенди! Будем откровенны: Вы подпускаете к Дагестану царского генерала Деникина, чтобы он восстановил власть царя, который не раз надругался над религиозным чувством мусульман, превратив отважных, честных сынов Дагестана, родины кавказского героя Шамиля, в бессловесных рабов, и Вы, наместник Шамиля, внук его верного наиба Магомы, ведете свой народ под ярмо царизма. Советская Россия, как это она торжественно объявила, и мы не вправе не верить ее слову, не навязывает своей власти никакому народу, если он сам не пожелает ее. Передайте все это и Азербайджану!

Мелик Мамед не перебивал, и отчего-то было жаль Наримана: мучается, хочет убедить всех в своей правоте, упорядочить хаос, который наступил,- но каждый, Мелик Мамед в этом убежден, должен пройти свой, определенный ему свыше, путь.

- Ты меня слушаешь? - спросил его Нариман.

- Да, да, конечно,- ответил Мелик Мамед, еле скрывая зевоту (не выспался после рейса, море штормило).

- Не устал?

- От сказок разве устанешь? - и улыбнулся.

- Сказок?! - Нариман хотел выразить обиду, но на лице Мелик Мамеда было столько доброты и глаза излучали такую наивность, что на миг Нариману почудилось, что он и впрямь сочинил сказку: реальность вовсе не такова, как он ее расписал в обращении к имаму Гоцинскому.

Они всегда были на ты с Насиббеком, сокурсником по Новороссийскому университету. Один учился на врача, другой на юриста, вместе проводили праздники, помнит, как собрались отмечать праздник жертвоприношения Курбан-байрам в каком-то духане, мечтали о будущем их родного края в Кавказском землячестве, где председателем был Нариман: он знает грузинский и понимает, когда говорят по-армянски.

Насиббек на одном из собраний землячества сказал, что, дескать, мой народ характеризуют два часто употребляемых всеми тюрками выражения, чего хвастать перед другими? - подумал тогда Нариман, ведь прав был Насиббек!.. Нариман однажды сам произнесёт их, не сказав об авторстве: агрын алым, да возьму твою боль, и гурбанын олум, да буду я жертвой твоей - такой народ, патетически сказал Насиббек, не может быть, как о том кричат наши недруги, ни варваром, ни мстительным, ни жестоким. Но, добавил Насиббек, ты

не можешь отрицать это, справедливости ради следует заметить, что подобные выражения есть и у армян, и у грузин, не правда ли, Нариман? - Нариман согласился.

Однажды встретили и мусульманский Новый год - Новруз-байрам в день весеннего равноденствия; пригласили студентов из грузинского и армянского землячества, сначала выступил Нариман, где-то в бумагах затерялось выступление, заранее тщательно подготовил речь: этот праздник, сказал Нариман,- как Пасха для православных, Рождество для грузин и армян, Пурим для евреев - первый проблеск солнца после долгой ночи для всех, кто живет в заполярном крае, обновляется природа и очищаются помыслы... Извините за выпренность стиля, но возрожденный дух требует возвышенного слога.

И о символах Новруза, по крайней мере трех: свеча, ибо связан с огнем, солнцем, которое, начиная именно с этого дня, становится все жарче, все горячей; сладости - к празднику пекут, приглашая соседа отведать, и каждый украшает пахлаву и шекербуру - вот они, на столах - своими особыми узорами, а узоры - не просто волнистые или прямые линии, ромбики и квадратики,- это линии судеб, линии благоденствия; и еще символ семени.

Насиббек тут же по-тюркски продекламировал знаменитое двустишие: Семени, сахла мени, илде гёярдерем сени,- и сам перевел: Семени, сохрани меня, тучными нивами взойдешь,- переиначил на свой лад,- летней порой.

- Да,- продолжил Нариман,- в каждом доме в праздник Новруз на столах и подоконниках зеленеют в блюдцах и тарелках проросшие пшеничные зерна, это и есть семени, символ будущего урожая, остроконечные, как пики, ростки устремляются к свету, возносятся к солнцу. В Новруз ходят в гости, одаривают друг друга сладостями, это день поминовения усопших, народ испытывается на сердечность, отзывчивость и милосердие, так было и так будет. Особый смысл приобретает праздник в наши дни - кровопролитий, вражды и ненависти, противостоя добром и жизнелюбием.

Вскоре гуляли на свадьбе: повезло Насиббеку - стал зятем великого тюрка Исмаил-бека Гаспринского. В Бахчисарайской мечети скрепили брачный договор кябин, свадьбы были и в девичьем доме, и в доме жениха, когда поехали в Баку.

Насиббек свидетель: по окончании университета сокурсники Наримана преподнесли ему в дар - за три года неутомимой борьбы с черносотенными профессорами - богатейший набор для акушерских операций, купленный за немалые деньги.

Еще вспомнил про письмо, точнее, короткую записку, полученную от Насиббека, вчера как будто было: выразил благодарность за некролог, написанный Нариманом по случаю смерти Исмаил-бека Гаспринского.

Его уход Нариман уподобил потере армией командующего в разгар сражения (идет мировая война, и батальные сравнения кстати).

Кто же теперь наша опора? Ныне, когда под гул злобных выстрелов, пулеметных очередей и винтовочных залпов, уносящих тысячи жизней, рушатся города, что будет с Бахчисараем, этим благословенным тюркским уголком земли?.. Как сложится жизнь тюрко-мусульманского мира, кто даст нам верный совет? Где та личность, которая бы объединила нас? Ключ тайных сокровищ, чистых помыслов? Перо, защищающее права тюрков, права мусульман в империи угнетения и рабства?.. Настала пора забвений и раздоров. Но если забудем такого человека, как Исмаил-бек,- грош нам всем цена.

Наш мир оскудевает: ушел Сабир, о ком российские мусульмане, увы, не слыхали, покинул мир Тукай, неведомый кавказским мусульманам, а теперь Исмаил-бек. Неужто канет в небытие? Если это случится, то мы достойны прозябания и некого нам винить, кроме самих себя.

Благодарность Айнуль-Хаят, которая приписала к посланию мужа: Он в Вас верил, мой отец. Очевидно, думает теперь, я не оправдал надежд Гаспринского. Что ж, время развело нас, каждому мыслится, что его путь верный, а кто прав, кто заблуждается - рассудит

история.

Но Насиббек - глава республики, а ты? Кто ты? Трудно начать, надо найти нужный тон. Может, так и обратиться к нему: Главе Азербайджанской республики? Милостивый государь Насиббек Усуббеков! Я обращаюсь к Вам так потому, что политические взгляды наши так резко разошлись, что иначе не могу обратиться к Вам. Да это и не важно, а важно то, о чем я буду говорить дальше. Вы, конечно, помните первый Кавказский мусульманский съезд в Баку. Вы также помните моё выступление на этом съезде. Я приблизительно сказал следующее: Мусульмане Закавказья! Революция в России есть начало революции во всем мире после всемирной империалистической грабительской войны. Если Вы не хотите захлебнуться в волнах этой всемирной революции, сплотитесь под красным знаменем рабочих и крестьян России. Вот, кажется, и вся речь моя, на которую Вы, между прочим, и обратили внимание и по-своему стали детализировать ее. С тех пор прошло много времени, много пережито и переиспытано.

Несмотря на то, что Вы и Ваши единомышленники были моими политическими врагами, я все же относился к вам корректно, хотя и смотрел на вас, как на отсталых людей. Я думал: нельзя, в самом деле, всех сразу превратить в интернационалистов. Если Вы с иронией отнеслись к моим словам на первом Кавказском съезде, то не думаю, чтобы теперь мои слова вызвали у Вас улыбку. Близок уже грозный час, когда вам придется предстать перед судом рабочих и крестьян мусульманского Закавказья за всю вашу политику... Но вы можете оправдаться тем, что так же, как и вы, поступали ваши соседи армяне и грузины. Тогда вас спросят: а вы не знали разве, что Азербайджан с городом Баку по отношению к Советской власти занимает особое положение? Баку - это есть жизненный источник Советской России. И вот вы, передовые мусульмане, играя этим серьезным вопросом, показали себя в высшей степени неблагодарными по отношению к тем русским рабочим и крестьянам, которые без малейшей с вашей стороны жертвы дали вам возможность освободиться от векового царского гнета. Не Армении, не Грузии поставят этот вопрос, а вам. А у вас нет ответа, вы можете только сказать, что вы, как политические неучи, не знали, что всемогущий Вильгельм лишится трона, что Турция потеряет самостоятельность и что вам опять придется связать судьбу с Советской Россией. Шутить с жизнью целого народа, целого государства, красноармейцы которого творят чудеса, нельзя, а вы так преступно шутите, а ваши соседи завели вас в тупик и смеются над вами. Вот вам Армения. Она, поддерживая всё время связь с Англией, а теперь с Деникиным, посылает своих агентов в Москву, где уже заговаривают о советской ориентации. А каково будет ваше положение, если Деникин в скором времени будет разбит, а Армения (и это будет так) объявит о своей ориентации?

Слушайте, Насиббек. Я не знаю, дойдет ли это письмо до Вас, но знаю, что чувство, которое заставляет меня написать эти строки, не будет мучить меня, так как я свое сделал. Моя жизнь Вам и Вашим единомышленникам известна. Я лучшие годы жизни отдал Закавказью, в особенности Баку. После двадцатипятилетней общественно-литературной, политической работы я, весь разбитый, стою одной ногой у могилы. Я с полным сознанием говорю: спасение человечества - в уничтожении капитала и в торжестве труда.

Имейте мужество сказать: мы сходим со сцены, и да будет Советская власть в Азербайджане.

Сначала прочел Насиббек (жене ни слова - расстроится), потом Мамед Эмин, который и рассказал Нариману, когда...

вот и распутай, а всего-то ДЮЖИНА ДНЕЙ ПРОШЛА, как развязал бечевку, и полетели страницы: вспомнил в эту ясную морозную ночь, когда виден, как крупная звезда, Марс, мерцающий тревожным красноватым светом, о Мамед Эмине: где он теперь? А тогда...

- Насиббек пригласил Мамед Эмина:

- Эй, отсталый, погляди! - и припечатал к столу полученное письмо. Нариман нас

обозвал отсталыми людьми и политическими неучами. Он, видите ли, надышатся астраханского воздуха, пообщался затем с Лениным, Чичериным, твоим подопечным Кобой... кстати, никакой с ним тайной переписки? А не мешало бы напомнить, как ты его спас от гибели, пусть приструнит Наримана!.. Нет, никак не мог успокоиться Насиббек,- какое, однако, самомнение у нашего Наримана! Я как психолог! Я как интернационалист! Я да Я!.. Увы, остался наивным мечтателем-романтиком: Волны всемирной революции. Огненные языки революционного пожара. Близок грозный час - суд рабочих и крестьян!.. Чарующая вера Наримана в коммунистическое будущее меня умиляет. Да и читал ли он нашу программу?! Не мы ли объявили: Землю - крестьянам! А налоги, которыми мы обложили миллионеров? Чем больше заработок - тем выше налоги. Обеспечение прав национальных меньшинств во всех сферах национально-государственной жизни! И отчего он, следом за Кобой, называет наше правительство мусаватским? Или Нариману неведомо, что правительство наше коалиционное, а сам я - беспартийный?.. Раз на то пошло, немедленно пишу тебе, как председателю мусаватской партии, заявление с просьбой принять меня в партию,- и вступит в пику Нариману в партию.- Министр иностранных дел Фаталихан Хойский - беспартийный, военный министр Самед-бек Мехмандаров тоже.

Мехмандаров только что выступил на заседании парламента, вызвав разноречивые суждения, дескать, министр - полный русский генерал - паникует, требуя серьезное финансовое обеспечение: Военное ведомство не богоугодное заведение!.. Я должен извиниться,- начал министр,- что буду говорить по-русски. К большому моему стыду, я не настолько владею родным языком, чтобы выступать здесь и говорить на нем.

А тем временем военный министр развенчивает порядки, царящие в армии, прежде всего, о злоупотреблениях:

У кого есть деньги - взятками уклоняются от призыва. Набор - за счет бедняков, сирот, единственных сыновей вдов. Дезертирство... С такой армией независимость родины не обеспечить!.. Но армия - не одни лишь солдаты, идущие в бой. Это и штаб, и контрразведка, и команда связи, артиллерия, коменданты, управления военно-топографическое, военно-санитарное, военно-ветеринарное, броневые поезда, артиллерийские мастерские и склады, легкие и гаубичные дивизионы, горный парк, пехотные дивизионы.

А великое прошлое? А полководцы, которые были? Бабек? Но это такая давняя история, почти легенда. И тут же - как не возразить? - совершал, де, Бабек набеги в Сюник и Карабах, выдан был халифу армянами-чуть ли не начало конфликта. Ну да, из великих еще Кероглу, герой-полководец народного сказания.

- ... Одна лишь теплая фраза: Я, весь разбитый, стою одной ногой в могиле..., а судит судом истории, будто ему ведом её ход. Но ты читай!

Мамед Эмин дочитал письмо, пригодилось в разговоре с Нариманом и во время встречи с Кобой, когда тот вызволил Мамед Эмина Расулзаде из Баиловской тюрьмы и увёз в спецвагоне в Москву.

... Охранник вошел в камеру, уже под вечер было:

-Следуйте за мной, Расулзаде. - Уходившие в вечерние часы больше не возвращались, это время расхода.

Пошел впереди по темному коридору, а охранник за ним. И - в комнату, где Мамед Эмина допрашивали. Человек в красноармейской форме, это был Коба, подошел к нему, и первый его вопрос Мамед Эмину, без объятий и рукопожатий, будто вчера расстались, и он, благополучно выпроводив Кобу из отцовской мечети, посадил на пароход, отплывающий в Порт-Петровск.

- Узнаете меня, Расулзаде?

- Как не узнать, Коба! Но мы, помню, всегда были на ты. - Сократить разделяющее их расстояние.

- В тяжелые времена мы были вместе, а теперь стали врагами. И не Коба, а Сталин.
- Понимаю, - не сдается. - Тогда вы были солдатом, теперь генерал.
- Нарком, а не генерал.
- Что ж, такова жизнь. В ней всё бывает. - Молчи!
- Ознакомился с вашим досье. Неважные у вас дела.
- Не трудно догадаться, когда вероломно нарушена большевиками былая договоренность.
- Что за договоренность такая?
- Условия ультиматума и наш ответ, в составлении которого я лично участвовал.
- А лидеры бежали!
- В свете последующего можно ли их упрекнуть?
- Ваш ответ! - усмехнулся Коба.- Диктовали условия мы!
- Но торжественно обещали принять и наши условия: что сохраняется полная независимость Азербайджана, управляемого Советской властью.
- Признали Советскую власть?
- Да. И что созданное правительство Азербайджанской коммунистической партии будет временным органом.
- Ну, это решать было не вам!
- Коммунистическое правительство гарантирует неприкосновенность жизни и имущества членов правительства и парламента. И что же? Мусаватистов расстреливают пачками!
- А их лидер жив!
- Но дни его сочтены!
- Это ваши внутренние проблемы, мы за них не в ответе.
- Ясное дело. - Ни слова лишнего: отвечать на задаваемые вопросы! Но это - Коба, обязанный ему многим, и потому порой забывает, что перед ним верховная власть: захочет - казнит, захочет - помилует.
- Да, дни сочтены, это вы точно заметили, Мамед Эмин. Потому я и прибыл сюда, чтобы спасти тебя.
- Спасибо.
- Долг платежом красен, так, кажется? - Чуть помолчав: - О встрече с тобой я сказал только доктору Нариманову. Он заявил мне, что товарищи требуют твоего расстрела, но что этого не допустит. Или продержат в тюрьме до конца жизни, а здесь долго не проживешь. Ты мой старый товарищ по борьбе с царизмом и нужный революции человек. Тебя нельзя ни расстреливать, ни гноить в тюрьме.- Неторопливый дружеский разговор, хотя будут и угрозы, впрочем, их можно принять за упреки или назидания.- Ты получишь свободу.Пауза. Ждет благодарности? Мамед Эмин молчит.- А там смотри сам. Хочешь оставайся здесь, а хочешь - поедешь со мной в Москву. Я лично советую последнее. Учти: здесь тебе не дадут спокойно жить и, придравшись к чему-нибудь, снова схватят. Предлагаю сотрудничать с нами.
- После всего, что случилось?
- А что случилось? Ты о Коммуне?
- Не только.
- Да,- свел разговор к Коммуне.- Нам не следовало посылать сюда Шаумяна. Это была ошибка, мы не учли вашей с ними вражды и антитурецких инстинктов армян, отсюда и все последствия.
- Дело разве в Шаумяне? Силой навязали нам революцию и чтобы мы жили, как вы хотите. Ни к чему хорошему это привести не может.
- Да? - удивляясь смелости и еще не решив, как реагировать.
- И ваш приезд сюда был не нужен! - Не забывайся!

- Смотри, какой гордый: я его спасаю, а он дерзит! - усмехнулся.

Освободит ли?.. За дверью - охранник, приведший его сюда. Нет, не смеет не освободить! Забыть, как я его спасал, а однажды - от неминуемой смерти (ведь утопили бы в нефтяном чане!)?

- Представь, что немцы вторгаются в Москву и устанавливают у вас свою власть. Не думаю, чтобы это понравилось русскому народу. Почему должно понравиться нам, что ведете себя у нас как хозяева?

- Ладно,- насупился,- не будем ворошить прошлое. Но скажу: мы не сами пришли, нас Нариманов пригласил.

- Не надо объяснять, разве не понимаю?

- Да, ты прав. Преувеличивать роль Нариманова не надо. К тому же не он нам диктует, а мы ему.

- Я так и думал, спасибо.

- Вам одним не прожить, должны опереться на нашу поддержку.

- Это захват, а не поддержка.

- Кончим. Что ты намерен делать?

- Выйти с вашей помощью, если не раздумали, на волю.

- Чтобы снова бежать и прятаться?

- Нет. Чтобы ехать с вами.

- Узнаю разумного Мамед Эмина.

- Но чтобы освободили и моего двоюродного брата Мамед Али, который, кстати, нас с тобой познакомил, он из-за. меня сидит. И друга Аббасгулу, нас вместе взяли.

- Велю разобраться,- заключил разговор. Две недели пути из Баку в Москву в спецпоезде Кобы.

С остановкой в Дербенте: дельце одно дагестанское,- сказал Мамед Эмину,- проверить.

- Новые расстрелы?

- Иначе горцы нас не поймут,- ответил.- Они привыкли к жестокости, уважать нас больше будут.

И долгие разговоры в пути:

- Чего добились за полтора года правления? - наступал Сталин.- Что дали народу, кроме пустых обещаний, красивых деклараций?

- Я не был властью.

- Отрекаешься?

- Нет. Но я всего лишь был председателем партии.

- Мусаватской, правящей! И несешь полную ответственность за вакханалию сгинувшей власти.

Мамед Эмин, не желая подлаживаться под логику Кобы, хочет выговорить то, что обдумывал, сидя в камере. Отчего-то жила в нем уверенность, что его не смеют казнить, хотя теперь всё равно: уцелела б работа, в которую вложил сокровенное, создавал как последнюю, итоговую, надеясь, что сочинению суждена долгая жизнь, будут читать, пока жива нация... Нет, иначе, с красной строки:

- Мы многого сделать не успели, ты прав, Коба.

- Не забывай, что отныне я Сталин!

- Пусть так, товарищ Сталин. Но сумели дать почувствовать народу, что такое свобода, чуть-чуть вкусить этой самог свободы.

- Ерунду говоришь! Свобода - это когда все собрано в кулак, свобода это сила, а не пустая болтовня!

- Мы сберегли для народа нефтяные промыслы, они теперь служат вам, предотвратили

их уничтожение, на котором с Лениным настаивали!

Телеграмма была Шаумяну, а перед тем записка Ленина, еще в начале июня восемнадцатого, когда Коммуне ничто, кажется, явно не угрожало (?), чтоб передали в Баксовнарком, лично председателю его ЧК Тер-Габриэляну, Теру, как он назван в записке: подготовить все для сожжения в Баку в случае нашествия турок или британцев.

Но ведь не сожгли! - возразил Нариман, когда уже в Москве Мамед Эмин упрекнул Наримана за его идеализацию Тер-Габриэляна. Нариман не знал, хотя в те дни был в Баку, ни о записке, ни о телеграмме, возражение вырвалось невольно, но - не скроет - внутри что-то оборвалось, сомнение вкралось в душу: возможно ли такое нелепое повеление?

- ... А восстановление выведенного из строя нефтепровода Баку - Батум? Начало строительства железнодорожной ветки, соединяющей Баку с Джульфой, южной точкой на границе с Ираном?

- Ну да,- это Коба,- извечная ваша мечта: воссоединение с братьями-тюрками в Иране, дескать, разделены по сговору между царской Россией и шахским Ираном.

- Разве нет?

- Но кто вам поверит? И тамошние земли, и вы сами - все это было Ираном.

-...Новые школы, учительская семинария, наконец, университет, открытый нами! Профессора из голодного Петрограда, европейские умы!

- Да,- с издёвкой,- назовут когда-нибудь имени Мамед Эмина Расулзаде, длинно и неблагозвучно.

- Знамя, поднятое хоть раз,- нет, коряво,- однажды вознесенное знамя уже никогда не опустится! - Коба махнул рукой:

- Ерунду говоришь, восточные красоты! Не мы виноваты, что вы не сумели удержать власть и пали.

- Да, изнутри нас тоже разрывали. И, кстати,- забывается Мамед Эмин! не без вашей указки!

- Большевики-армяне? - усмехнулся. - Не спорю, Микоян и так далее, но в подполье были и ваши турки. Чингиз, к примеру, Ильдырм, Молниеносный, Кара Гейдар. Турки, - назвал: Мустафа Кемаль, - в жертву вас принесли собственным интересам. Факты упрямы, не перечеркнуть. Им, туркам, важен был союз с Россией, сохранить хотя б ядро бывшей империи - метрополию, прогнать французов, англичан, а заодно и греков.

... Имя в центре (но чье? доктора N?), словно солнышко, а вокруг миры-буковки, люди-планеты, и каждый, обуреваемый тщеславием, ой-ой какая первой величины звезда! Только б начать фигурам вклиниваться в текст, и стрел не хватит, от А, уже выделен в столбец, до Я. Схема такая для удобства: глянул - отпечаталось, разбросы стрел, и постоянно натыкаешься на связующее И, любовно-ласковое Ильич, о котором... - но кто знает наверняка, что он преследуем Божьей Матерью?

Тут же, как зазвонил колокольчик иль-иль-иль, возник Коба, всего лишь К, голова змеи, похожей на кобру, аж кипятком ошпарило! кстати, кипяток - из орудий борьбы пролетариата: с крыши на голову филеру зазевавшемуся, некогда настоятельно рекомендовано вождями, кто чем может вооружиться в битве с капиталом, - ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка обыкновенная, тряпка с керосином для поджога, верёвка или верёвочная лестница, лопата для рытья траншей, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди против кавалерии, камни... бррр, муть, сто тысяч чертей в придачу. Безлюдье, какая прелесть! для меня лучше всего!

Не схема, а порядок - выстроить всех на параде истории, используя для удобства уравнение: альфа + бета = алфавит, или алиф + бей (это у мусульман), а также аз + буки (у братьев-славян).

Движение по предначертанному: Азербайджан - наш. Что дальше? Нариман свидетель

и участник, знает, говорили с Серго не раз, хочет услышать ещё, ибо плох коммунист, у которого нет стратегических целей: далее - Армения, потом Грузия. И конец цепочки? Молчок, чтоб не сглазить. Тут бы Нариману дать волю воображению в стиле... кого же? жёстких профессионалов типа Сенкевича, о ком некогда, помнится, речь произнёс, обратив острие против индифферентных, модное слово, политиканов? или в стиле inferнального Мак Делла, умелого любителя демонических рассказов, породивших кое-какие сны Наримана? Или в манере сентиментальной, в расчёте на собственного читателя, учитывая его неистребимую инфантильность? Впрочем, читателю сами по себе любопытны в большей степени, нежели имена или события, буквы: кто другой, кроме тюрок, испробовал за короткий срок столькие изображения их - и клинописные, и арабские, латиницу, кириллицу? Но вовсе не обязательны словесные выверты или беллетристические занимательности: лишь бы уберечься от рук, проливающих кровь, сердца, кующего злые замыслы, и ног, бегущих к злодейству.

Жалко выбрасывать записки-зарисовки, потерянные дни, ибо некое подобие отсвета настроений или чувств. И нелепо сжигать в печи, ибо никакого жара. В которой раз всё о том же, о чём и тогда, и теперь, и завтра тоже: народы ушли вперед, а мы, как и тыщи лет назад, заняты вычислением прибылей от проданных арбузов.

ГЛАВА МЕЧТАНИЯ, или ТОПОЛИНЫЙ ПУХ, и неясны линии судьбы: измена и падение Демократической республики, подполье, арест, угроза расстрела, и чудо спасения!.. У каждого - своё, разные пути (полюса?), но оба страдали: Мамед Эмин вызволен Кобой: Иначе б тебя твои земляки к стенке! Нариман отозван в Москву, на сей раз - навсегда, Лениным: Спасти Вас от Ваших земляков!

Жарко. Ничего неохота делать, тем более - заглядывать в будущее. В Москве Мамед Эмин бывал прежде, всего три года прошло, как он, полный надежд после февральского краха империи, прибыл сюда в марте на Первый съезд мусульман России, - но столько событий: Октябрьский переворот, мартовская война, резня тюрок в Баку, бегство в Тифлис, Закавказский сейм с безуспешной попыткой объединить народы, его распад, национальное правительство в древней Гяндже, Бакинский парламент, и он, Мамед Эмин, лидер правящей мусаватской партии.

- И чего мы добились, Нариман? Со мной - ясно, а ты? - Мамед Эмин усмехнулся.- Вот тебе и державная мощь! Такой подул ветер, что все мы разлетелись кто куда. - Взглянул в окно, душное московское лето угнетало. Легче тополиного пуха!

Летит пух и лезет в нос, в глаза, больно, когда прямо в глаз, и надо часто-часто моргать, всякие приемы, учила Гюльсум: тянуть за верхнее веко и натягивать на веко нижнее.

Отсюда, из окна дома Наримана, видно серое, облезлое, неприметное здание, где некогда собирался мусульманский съезд. И, когда Мамед Эмин, выйдя на трибуну, произнес первые слова, из зала раздался выкрик, он и сегодня звучит в ушах:

- Выступайте по-русски!

- Я буду говорить по-тюркски и ни на каком другом!

И особое удовлетворение, что с трибуны, в сердце России, льется тюркская речь. Всего этого, кажется, не было, приснилось. Жажда мучает. Пьешь - потеешь, откроешь окно - сквозняк, закроешь - душно.

Бумажки липнут к рукам. Удивительно, думал Нариман, так до конца не поняв Мамед Эмина, но веря в его искренность и честность: я и он, оба отторгнуты от народа, служение которому придает смысл нашей жизни. Я изгнан своими левыми, с которыми вместе совершали революцию, а он - теми, ведомыми мной, кто отнял у него прежнюю власть и учредил власть свою, чуждую ему. Моя же власть меня изгнала. Нас отозвали, чтоб спасти: меня от травли и оскорблений, медленного убиения словом, а Мамед Эмина - от физической расправы. Меня защитил Ленин, при имени которого Мамед Эмин меняется в лице,

Мыслящая гильотина! восклицает, а Мамед Эмина спас Коба, в ком я вижу... но не достаточно ли того, что я сказал о нем - и сказал не за спиной, а прямо ему в лицо?

- Мы оба ровесники избавителей-покровителей: ты - Ленина, я - Кобы, такие шутки истории! И не учли: с какой стати империи должна лишаться нефти? Вот и подбрасывают нам, чтоб резвились, всякие идеи!

- Но Азербайджан независим!

- Вот видишь! И ты поддался игре слов! Пленники толкуют о независимости!

- Враждовать с Россией, скажу мягче: игнорировать ее - это безумие! Опора на Турцию? Но турки далеко. К тому же им не до нас, собственные интересы для них превыше всего.

- Зато великая тюркская держава, мы не можем не надеяться на неё.

- Ей бы справиться с собственными проблемами!

- Так что же? Быть в вечной зависимости от России?

- Не в зависимости! Творить собственную историю, опираясь на Россию.

- Но она не позволяет творить собственную историю, и ты это не хуже меня знаешь.

- И согласиться с тобой хочу, и как говорил добрый мой приятель Мелик Мамед: плывешь на корабле - не ссорься с его капитаном. Или иначе: окружен соседями - тут и русские, и грузины, и армяне, и дагестанцы, и свои же земляки в Иране, да и сам Иран тоже - не враждуй с ними, не отгораживайся от них, найди с каждым общий язык, живи в согласии, будь уступчивым.

- Вот-вот!.. А если на тебя нападают? Алчно взирают на твои богатства? Хорошо еще обстоятельства сложились в нашу пользу, я имею в виду Карсский договор, и Нахичевань сохранился за нами.

- Ленину спасибо скажи.

- И Мустафе Кемалю тоже!

- И с Карабахом обошлось,- Мамед Эмин наступал. - А ведь чуть было и Карабах не подарил!

- Нет, - сказал твердо, - о Карабахе, чтоб отдать, не было и речи.

- И Зангезур мог бы по праву остаться за нами.

- Но во имя будущих добрых отношений... - Мамед Эмин перебил:

- Мы только и делали, что уступали: персам, османцам, русским. А постоять за себя - этому, увы, не научились, как наши соседи армяне и грузины. Нас резали, кроили и перекраивали, кромсали, и север не наш, и юг... Я непременно напишу об этом. Уже написал!

- Издашь если, подари.

- Сомневаешься?

- Так тебе и позволит твой покровитель!

- Ему мало почитания, он жаждет обожествления. Я его скоро покину! Мы еще наплачемся! - заключил Мамед Эмин. И добавил, усмехнувшись: - Это поэтическая строка, а не политический тезис.

Но была, это надо четко обозначить, РЕШАЮЩАЯ ГЛАВА, или ТРИУМФ, победное шествие на юг, из Советской России в Баку, где новая власть: Нариман - победитель, а Насиббек - побежден: уступили давлению красного войска, дабы избежать кровопролития, тем более, что вооруженные силы Азербайджана сражаются на Карабахском фронте, отбивая яростные атаки соседней Армении; сочли благоразумным капитулировать, поставив, правда, условие перед новой властью, что судьба республики вверяется полномочному представителю тюркского народа, и названо было при этом имя Наримана Нариманова.

А как торжественно встречали его на бакинском вокзале в тот теплый майский день двадцатого года в качестве победителя! Кто в гимнастерке, подпоясанной военным ремнем, кто в косоворотке, и почти у всех фуражка с красной звездой, а один - при шашке, которую приставил к ноге. Но лишь он, Нариманов, в штатском: светлый костюм, да еще с жилетом,

белая сорочка с крахмаленным воротником, при галстукe, к которому привык, и открытая голова, большой высокий лоб, специально, чтобы подчеркнуть, что революция свершилась - довольно крови, надо строить новую жизнь.

Только что была телеграмма из Москвы Советскому правительству Азербайджана за подписью Председателя Совнаркома РСФСР В. Ульянова (Ленина), где почти через строку - о независимости: приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что независимая республика Азербайджан совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока - от империализма. Да здравствует независимая Советская республика Азербайджан!..

Что ж, советизация Азербайджана, это теперь ясно, была облегчена той беззаветной яростью, с какой независимые Азербайджан и Армения столкнулись из-за территориальных споров в Карабахе, а там, после Баку, до Армении рукой подать: за горло ее! И Грузию невниманием не обидеть!

Скажи кому, что у Наримана среди важных бумаг хранится портрет Гаджи... - вот он, бывший миллионер, Тагиев Зейналабдин, смотрит недоверчиво, боль внутри,- какую б бурю подняли юные левые: заигрывание с буржуазией! утрата классового чутья! симпатия к душителям свободы!.. Нариман приложил немалые усилия, чтоб спасти Гаджи в двадцатом: данной ему властью председателя Ревкома велел оставить старика в покое, пусть доживает свой век, почти сто лет ему, в дачном своем имении, выстроенном в миллионерскую пору.

Казалось: началась с нуля новая жизнь, строй её, но втянут в круговорот, и ему на стол - список К экспроприации (это Кара Гейдар). Тут же бросилось в глаза: Тагиев Г. З., Гаджи!

И с этого начинать?

Кара Гейдар стоит над душой в своей неизменно чёрной рубашке, дюжина их у меня! сказал как-то, чтоб не думали, что в одной и той же ходит. Кара Гейдар испытать его вздумал: действительно ли Нариман выгораживает буржуев-капиталистов?

- Список к расстрелу,- и так спокойно, как само собой разумеется, вполне деловая ситуация.

- И многих успел прикончить, пока я сюда ехал? - а самого трясет, как в детстве лихорадка-малярия.

- Когда революция... - Нариман резко отодвинул список.

- Чтобы убить, большого ума не требуется!

И вдруг... - сам Гаджи явился в ревком! Шел тяжело, опираясь на простую палку, чуть кривая, но изящная, в сером пиджачке, невысокой папахе, слегка суживающейся кверху, оттого лицо продолговатым кажется, весь седой, короткая борода, как углем нарисованные глаза, взгляд озабоченный, это у него всегда, не смели задержать, пропустили к Нариману, а у него Кара Гейдар, о котором Гаджи наслышан.

- А мы только что о тебе тут толковали... добро пожаловать, Гаджи! Нариман поднялся навстречу, и к Гейдару: - Ну вот, сам явился, можешь арестовать,- дескать, попробуй, посмей.

Гаджи вспыхнул: - Еще не родился человек, который бы меня за решетку упрятал!

Нариман улыбнулся: - Не зарекайся, Гаджи, такой человек уже давно родился. - Усадил и, придвинув стул, сел напротив. - И ты садись, - к Гейдару, - можешь за мой, председательский. - Пока решал, куда сесть (так и будет стоять), Нариман продолжил: - Кое-кто хочет всех пересажать, твоя тюрьма в пять этажей, которую ты некогда подарил царю, слишком мала, не может всех вместить, зря тогда не выстроил еще одну.

Напоминание о тюрьме пришлось Гаджи не по душе: - Не тюрьму я тогда построил, - поспешил оправдаться, - мельницу, даже успел в ней разместить мукомольные машины, выписанные из-за границы, губернатор выпросил под тюрьму, дескать, городская, расположена на острове Наргин, неудобна, служащие испытывают трудности от поездок по

морю, да и арестантов возить накладно.

- С чем к нам пожаловал Гаджи? - спросил Нариман, обращаясь на манер персиян, будто к кому-то постороннему. И вдруг его осенило: неужто чтоб получить свой долг, ведь не расплатился он сполна! - Если за долгом... Гаджи не дал Нариману договорить:

- Потом, потом! (Скоро расплатится деньгами новой власти, на купюрах типографским способом подпись: Н. Нариманов). - Пришёл подарить новой власти в твоём лице текстильную фабрику.

- А! понял, что и так отберут!- вступил в разговор Гейдар, полушутя, тоном, царящим здесь. Гаджи насутился. - Небось, сами рабочие и приняли решение, - такая информация поступила к Гейдару, - чтобы фабрика стала советской.

- Твоя правда, - согласился.

- Так что о даре говорить не приходится.

- Пусть так, но фабрику свою я вам дарю,- и посмотрел на Наримана в упор.

- Её уже отобрали, и твой визит, достопочтенный Гаджи, напрасен.

- Может, напрасен, спорить с тобой, Кара Гейдар, не буду, но я думал, что услышать из уст хозяина этой фабрики, - снова посмотрел на молчащего Наримана, - что он чистосердечно дарит её новой власти, не помешает, - и, чуть помедлив, - пригодится для истории.

- Ах, ты хочешь попасть в историю? - Гейдар отбросил полушутливый тон, ему показалось, что Гаджи высокомерен с ним.- Нет уже вашей истории, революция теперь нашу историю пишет!

- Если хотите знать, и у меня перед революцией заслуги есть! - вспыхнул Гаджи.

- Какие? - искренно изумился Кара Гейдар.

- А кто посылал деньги иранским бунтовщикам, по-вашему революционерам? Из-за этого, ты должен помнить,- обратился к Нариману,- меня даже к градоначальнику Мартынову вызывали, донос был, что потворствую революции в Иране! Российская империя,- говорил мне градоначальник,- связана узами дружбы с персидским двором, а вы... Шах, дескать, недоволен, а я ему, градоначальнику: во-первых, да будет вам известно, что мы с шахом в родстве, ибо моя старшая жена - из шахского рода Каджаров! А во-вторых, я помогаю не бунтовщикам, а сиротам и вдовам, так шариат повелевает!

- Скажи кому: Гаджи - революционер!.. - засмеют.

- А шолларский водопровод? Это вам сегодня кажется, что ничего особенного: работает, снабжая город, и вас тоже, новую власть. Я специально в Россию человека посылал, чтобы на мои деньги привез целый состав машин, насосов и прочего оборудования, у меня все-все в расходных книгах отмечено!

- Одной рукой грабили народ, а другой - щедро тратили, ведь так?

- Когда было худо Бакинской коммуне, я ей сто тысяч наличными вручил! А школа для девочек-мусульманок?

(Помнится,- мог сказать Нариману,- в моей школе учились и твои племянницы, я и сейчас помню их имена: Набат, Гумру, Ильтифат; а дочерей своих, Сару и Лейлу, пошлет учиться в Смольный девичий институт, их, правда, поначалу не примут, ибо не дворянского происхождения, но тут возмутится жена Гаджи Сона-ханум, дочь царского генерала Араблинского, и детей примут как генеральских внучек).

- ... Захотел, мол, Гаджи - и разрешили. Даже если и деньги есть, притом немалые, дело не сдвинется. Тут и смекалка нужна, хитрость, кого попросить, через кого выйти на нужных людей. Все мне тогда отказали, даже покойный император Александр III, и не без воздействия мусульманских духовников, с ними разлад у меня был. Как говорят наши кочи, не чашка-ложка были мы, ни мира, ни любви, возмущались: чтобы девочки-мусульманки в школу ходили?.. допустить противное шариату богохульство?.. - Разговорился Гаджи, за тем

ли сюда шел? Но кому рассказываешь о своих благодеяниях? Кара Гейдару? Даже Нариману, который молчит, и не поймешь, о чем он думает? А Гаджи говорит как ни в чем не бывало: будто и революция не свершилась, и кровь не льется от пуль и штыков армии, старое доброе время, он в гостях у Наримана, решил навестить человека, которому много-много лет назад помог, приютил, и пришел, чтоб спросить: Как ты тут, не нужна ли тебе моя помощь? и некстати разговорился: - А хитрость моя, что школу для девочек-мусульманок назову, в знак высочайшего уважения вашим именем, матушка мусульман Александра Федоровна, так и сказал императрице, если будет на то царское благословение, и в банк, честь честью, полторы сотни тысяч на нужды школы. Но прежде пригласил служителей ислама, из друзей, чтобы благословили, и они одобрили начинание, как иначе? Разве не сказано в Коране, что Наука важна для всех мусульманок и мусульман что Наука нужна всем от колыбели и до могилы? В мечети даже кое с кем из особо фанатичных спорить пришлось: У тебя недавно дочь заболела, кто ее лечил? У нас-то врачей нет! Усатый Амбарцум! И вылечил, хвала ему. Наши богатыри, которых я посылаю учиться, привозят жен из Англистана, Франкистана, Москвы, ибо их не устраивают наши лишенные грамоты девушки, и рождаются от таких браков дети, которые... - вдруг опомнился: где он? о чем говорит? другие времена, другие нравы: - Так вот, фабрику свою я вам дарю, а что касается других моих богатств, - тут он слегка повернул голову к Кара Гейдару, -то их я вам дарить не намерен, можете взять силой, у вас теперь и армия, и пушки, и броневики, разорьте мои нефтяные промыслы, рыбные мои промыслы на Куре и Каспии, рубите мои леса в Кубе и Евлахе, забирайте пароходы и грузовые суда, типографии мои (где я тебя печатал, Нариман), да, это я вам не дарю и дарить не намерен, впрочем, все вы уже забрали, но одно утешает, что до моих лесов в Энзели и Реште руки ваши не дотянутся, потому что Иран не позволит, хоть и помогал я тамошним бунтовщикам свергнуть шаха, но персы не злопамятны, как некоторые из моих сородичей... - Поднялся, чтоб идти.

- Поймай, Гаджи! По декрету, подписанному мной как новой властью, национализируются...

- Я не намерен, - перебил его Гаджи, - обсуждать ваши грабительские законы.

- Отчего же грабительские? Мы национализируем нефтяную промышленность, дабы остановить хищническую эксплуатацию недр. Каспийский торговый флот...

- Знаю: морские и речные суда, береговые сооружения, конторы, склады, агентства со всем движимым и недвижимым имуществом! И про водопроводные предприятия знаю, стоном стонут хозяева Загульбинского, Бинагадинского, Биби-Эйбатского и Каспийского водопроводов!

- Мы определим им жалованье, пусть работают.

- Силой отбираете телефонные предприятия, лесные склады, разоряете братьев Адамовых, Биерингов, Сименсов, реквизируете стальные ящики банков, платину в слитках и монетах!

- Но дай досказать в отношении тебя. Твоя жизнь и жизнь твоих близких в полной неприкосновенности,- еще решение не принято, но Нариман говорит как о свершившемся факте.

- Спасибо... Мой в четыре этажа особняк в Москве, напротив Кремля, который я выстроил в семнадцатом, отняли русские, сказал я: Россия далека, земля русская, так тому и быть, но я надеюсь...

- Гаджи,- Нариман понял, куда тот клонит,- твой дом в Баку не тронем, выбирай, где хочешь жить: в городе или на своей даче.

- А там и здесь нельзя? Ладно,- согласился,- буду жить на даче.

- Еще бы не жить ему в Мардакьянах,- заметил Кара Гейдар, когда Гаджи ушел.- Четырнадцать комнат внизу, столько же наверху, роскошный сад, виноградники, бассейн,

собственная динамо-машина, подающая электроэнергию.

- Добавь ещё, - словно подзадоривая Кара Гейдара, бросил Нариман в топку его зависти, - баню, специальную тендирную-пекарню для выпечки собственного хлеба, огромная кухня выложена, пол и стены, фигурным кафелем да из фигурного же паркета полы залов и комнат!

Кара Гейдар уловил издевку Наримана:

- Что ж, со временем экспроприруем в пользу трудового народа.

- Без меня! - отрезал Нариман и, глянув на Кара Гейдара, подумал, что тот может ложно интерпретировать его слова: мол, Нариману нечем возразить, потому не желает, чтобы впутывали в это дело.

- Выразился не точно,- поправился.- Хотел сказать: после меня!

(А и отберут, как только Нариман покинет Баку.)

И ГОНИТ ВПЕРЕДИ СЕБЯ

сначала поймали Наримана, потом Гюльсум,- Кара Гейдар с конным своим отрядом.

- я ж наказывал,- сокрушается Нариман,- чтобы не приезжала! - о сыне ни слова, чтоб не обмолвилась, где он, слышат - заберут.

но Гюльсум успевает шепнуть:

- он у твоей мамы, - Нариман не удивляется, что мама жива. потом их развели.

- по какому праву? - повысил Нариман голос на Кара Гейдара, когда остались одни. - как смеешь?!

Кара Гейдар ехидно улыбнулся: - таков приказ.

- чей? я председатель ревкома!

а тот ему тюркской поговоркой: повыше верблюда есть слон! мол, и над тобой есть начальник.

- кто в Азербайджане превыше меня?

Кара Гейдар назвал незнакомую Нариману фамилию, он, как ни странно, не переспросил, поверил, что такой человек есть.

- иди вперед, - ему Кара Гейдар, - не оглядывайся. Нариман ступил на горбатый помост, сейчас выстрелит в спину.

вдруг его стали обливать водой, густая из шланга струя, и он тотчас промок, слышит голос Кара Гейдара - спокойный, без тени угрозы:

- это Коба подсказал, чтобы было небольно, левую часть, где сердце, подморозить.

Нариман не может ответить, чувствует, как тело немеет, гаснет стремительно мысль, погружаясь в черноту, то ли пробудился, то ли не спал, разыгралось воображение; минуту-другую тревога не покидала Наримана, потом вздохнул довольный, что Гюльсум с Наджафом в безопасности.

Угасло сонное сознание, доволен удачной фразой, надо записать. И позвонить Гюльсум: как они там?.. Пусть приезжают.

Случится в те же дни курьез, когда хлопчатобумажная фабрика Гаджи на Зыхе, став достоянием рабочего совета, пригласила Наримана на торжества по случаю присвоения ей имени Ленина. Алые кумачи, портрет над входом в красных лентах, полотнища, белые блузки, яркие платки. Нариман выступил, зачитав текст только что подписанного им декрета:

- ...Все предприятия Кавказского акционерного общества для обработки волокнистых

веществ,- и полностью имя,- Гаджи Зейнал Абдина Тагиева,- вместе с принадлежащей этому обществу хлопчатобумажной фабрикой на Зыхе национализируются. (Бурные аплодисменты.) Впредь фабрику именовать Красная фабрика имени Владимира Ильича Ленина. (Бурные аплодисменты.)

Возвращаясь, встретил по дороге одиноко бредущего Гаджи, остановил машину, чтобы предложить аксакалу довезти его до дому, но тот вспылал, и слова Гаджи, с подачи шофера, очевидно, молниеносно разнесутся по Баку:

- Я уважаю Ленина,- молвил Гаджи, - но в компаньонах его не имел, акциями моими он не располагал, в родственных связях с ним не состою, и потому не могу понять, по какому такому праву фабрика, выстроенная мной и на мои деньги, отдана ему?

Нариман возразил:

- Фабрика отдана рабочим, а не Ленину.

- Но мне прочли слова, аршинными буквами намалеванные на красном полотнище, кстати, моя бязь: Фабрика Ленина.

- Имени Ленина, Гаджи, только и всего.

Гаджи побрел дальше, точнее, свернул за угол в узкую улочку, куда машина въехать не могла.

ГЛАВА ТАКТИЧЕСКАЯ, и по обе стороны - пропасть.

Все помнят, как резали их, но никто не помнит, как резали они.

А ты сам?

Что я?

Ах, да, ты написал повестушку о трагической любви тюрка и армянки.

Тогда резни не было, она зрела, я решил упредить.

Потом была резня. И все молчали.

Сабир не молчал.

Ну да, Интернационал: меж вами дьявол-ибليس, то бишь русский царь, которому выгодно, чтобы вы, о безмозглые армяне, о глупые тюрки, резали друг друга. Правда, высокочтимый Сабир, мир праху его, горько сетовал при виде земляков: дьявола увижу - не боюсь, змею увижу - не боюсь, гидру... и так далее, и все нанизано на единую рифму, а как увижу земляка - боюсь, боюсь... Но мы отвлеклись! Так о чём мы?

О тебе! Твоей телеграмме!

На радостях дал ее, эту телеграмму, дабы положить конец кровопролитию: Азербайджан дарит Армении так называемые спорные земли, и отныне все пограничные столбы пойдут на слом!

Ну, зачем их ломать, скажи в своем романтическом стиле: лягут в фундамент всемирного братства народов.

Да, я дал телеграмму и не раскаиваюсь!

По совету, уж признайся честно, кого: кто был рядом. И дирижировал издалека.

Хотелось разом отбросить войны, взаимные оскорбления, фальшь, разорвать цепь обманов, а там не за горами - мировая революция!.. Да, немало было лжи как с той, так и с этой стороны. И у нас, в республике нашей, постарались, пока не советизировали её!

Занятое слово: советизация!

Скоро отбросим.

Как ложное?

Нет - в угоду гладкому ходу истории: не пришли, чтоб навязать (...изация), а возникла потребность, и помогли установить Советскую власть. Так вот - ложь наших состояла в том, что якобы армянское население в городах и деревнях Нагорного Карабаха встречает славные тюркские войска с хлебом и солью, принимает азербайджанское подданство, оружие сдается добровольно, жизнь вошла в нормальную колею, установились теплые отношения между

мусульманами и армянами.

А теперь о геноциде.

Может, не надо?

Нет, внести ясность, дабы положить конец диффамациям.

Ты о Балканской войне?

Цепочке измен! Да будет известно, разве я не знаю? первенство в депортации населения, которое подозревается в симпатии к противнику, принадлежит царю! Именно он в начале войны выставил турок, которые здесь жили, за свои границы, сочтя неблагоденственными, хотя никаких мятежей не устраивали, и невольно подсказал султану проделать то же в качестве ответной меры против собственных мятежных армян!

Ты о Ванском восстании?

И каталикос, чья резиденция на территории России, на основе сведений, полученных от патриарха Стамбула и армянской национальной Ассамблеи в Турции и зная о готовящемся мятеже, просит Кавказского генерал-губернатора передать государю чувства верности турецких армян, а в ответ - обещание царя содействовать созданию на обломках Оттоманской империи Армянского государства от моря до моря. Впрочем, и Лондон, дабы поощрить к возмущениям и ослабить Турцию, учредил Комитет по возрождению Армении, кухню пропаганды. В политике президента Вильсона вторым пунктом после расчленения Оттоманской империи было создание Великой Армении, тамошняя диаспора в течение десятилетий вела активную работу во имя осуществления вожденной мечты, всякая осторожность была отброшена, тот же Пасдермаджян... - повторяешься? Нет: это слова ванского депутата Папазяна, который, перейдя на сторону царя, понял: Державы нас обманули, принеся в жертву собственным интересам!

И ЗРЕЛИ ПЛАНЫ,

о чём в донесении первого (и последнего) посла, точнее, полпреда Российской Федерации в Грузинской республике - в канун ввода частей Красной Армии для захвата и советизации Грузии.

- Нашего Мироныча?

- Впрочем, не только донесение, как нагрянуть, застать врасплох и вернуть в материнское, еще со времен Екатерины Великой, лоно: хоть и полпред, но смотрит глазами хозяина, но и записка члена бюро Кавказского краевого и Бакинского комитетов нашей партии, мощные рычаги, Микояна.

Армянское правительство, имея грандиозные планы расширения собственной территории и создания Великой Армении, а также пользуясь сочувствием, зачеркнул: надо сильнее! - поддержкой союзников и Деникина, всемерно их поддерживает (поддержка - поддерживает!.. сойдет, важна мысль!), а с Деникиным находится в тайном военном союзе.

Внутри страны анархия, господство вооруженных шаяк, голодные смерти, эпидемии, и к тому же организованное истребление мусульман, которое ежеминутно может вызвать объявление войны Азербайджаном.

В Грузии при благоприятных внешних обстоятельствах (каких - пока не уточнять) возможен большевистский переворот. Главное (звено цепи?) Азербайджан, нефть! Здесь, в Азербайджане, власть как на море, так и в городе в руках англичан, а национальное правительство под их каблучком выполняет роль жандарма. Бакинская организация ставит очередной задачей захват власти в Азербайджане, для чего имеются уже огромные военные базы. Дашнаки дожидаются присоединения Карабаха к Армении, но само армянское крестьянство Карабаха на пятом своём съезде решило примкнуть к Советскому Азербайджану. Необходима помощь деньгами, работниками, особенно мусульманами, литературой, главным образом, на тюркском, а также на русском, армянском и грузинском языках.

А в заключение - уже Киров, передав информацию, известил, что давно пора кончать с играми в независимость, Россия задыхается, нужна нефть, у Кирова припасена на скорое будущее восторженная фраза, когда войска войдут в Баку, - обвенчаться навеки с Азербайджаном, и не важно, кто кому муж, а кто - жена.

Помнишь? Ты часто цитировал к месту и не к месту: ночь революции, обручение, поистине перепуталось, где жених, а где невеста? А коль скоро свадебно-любовная терминология, тут не до ревности.

Далее пунктиром, еле заметно, для понятливых, множество актов или действий с мизансценами, суфлерами, масками, они на обложке книги Наримана, где собраны его комедии и трагедии, скоро выпустят в Москве, если линии от кончиков губ идут вниз, то плач, унынье, страдание, если вверх, то радость, смех, довольство жизнью.

Акт первый - отзыв Наримана из Астрахани в Москву (для тайных переговоров?).

Акт второй - доклад Наримана Ленину: Я откровенно и ясно изложил свои мысли. Какие? Ленин одобрил мои предложения (перед решающим третьим актом?). Два часа беседы и занятные ходы ровесников, почти в один день появились на свет - один в Симбирске, другой - в Тифлисе, неторопливость, чтоб отшлифовать детали, ибо главное - решено. Речь вождя умиротворяет, срезая зигзаги, и не собьешь, к тому же не экспромт, а рождены после долгих размышлений, не то что у Наримана: импровизация. Ещё встречи-репетиции, но уже без Наримана, за его ненужностью.

А в финале ликование масс, вызванное крылатым политическим лозунгом, выговорен со сладковатым тюркским акцентом, - глас народа в устах наримановского выдвигенца из сельских низов: Расия Баку революсия качай-качай, а Баку Расия нефть качай-качай! Все встают, Коба, Серго, Микоян, Киров, долгие продолжительные аплодисменты, ай да молодец, истинно большевистская выучка! читается внучка, опечатка, спешат наборщики. Да, впору б родиться внучке, - сын родился, хрупкое существо, но с очень сильными ногами, руки тоже не поддаются, Гюльсум не справлялась, Нариман держал ноги Наджафа, когда Гюльсум его пеленала, вырывался из пут, каждую ручонку, с трудом выпрямляя, соединяли с тельцем, и Гюльсум крепко завязывала ребенка. Так и спеленали нас всех. Сын... Что они, вожди, ему оставят? На время даже забудет о сыне, увлеченный идеями мировой революции. Агрын алым - да возьмёт он горести сына. Гурбанян олум - да принесет себя в жертву сыну, чтоб не знал, как ничтожно малой стала цена человеческой жизни. И жертва его никого не спасёт. Тогда верилось, а ныне... скачущий сквозь пыль и дым пожарищ сын - умчался, исчез... Виденья точны, но не конь, уносящий сына, а танк, объятый пламенем, и в нём юный танкист Наджаф, тщетно пытается вырваться из тисков искромсанного железа.

И держит память, скача по годам: наконец-то! Проще, без затей, нечего было Нариману ломать голову в Москве: лихим налетом вторглись, подавив, апрельская ночь была теплая, тихая, ярко светила луна, на мосту пограничном обманули караул, дескать, явились для мирных переговоров, обезвредили доверчивых бойцов, короткая стычка десантного отряда с национальными частями, застигнутыми врасплох, расстреляли казармы из броневигов и пока в блиндированном поезде офицеры думали-гадали, что к чему, части Красной Армии ушли далеко вперед, а утром, когда рассвет чист и прозрачен, арестовали как заложников иностранных дипломатов, именно в эту пору решивших нанести визит национальному правительству Азербайджана,- Баку был взят.

И прописью цифра ДВАДЦАТЬ СЕМЬ: дней - из отпущенных Нариману? ступеней к новому титулу? комиссарское число - ведь остался в живых! количество глав, и собраны страницы?

Уже свершилось: прежняя власть пала, не успев обрести хоть какой опыт, лишь двадцать три месяца, и в них вместились детство, отрочество, и, минуя зрелость, старость республики. Так надо, говорят Нариману, чтоб два портрета рядом, Ленина и Нариманова:

Великий вождь революции на Востоке наш товарищ Нариман Нариманов. Пригасить пыл, эта выпренность и неумность в выражении (или скрывании?) чувств.

Кара Гейдар ищет Мамед Эмина Расулзаде:

- Скрывается сволочь,- проговорил Кара Гейдар.- Но мы его поймаем, никуда от нас не спрячется.

- Коба о нём спрашивал.

Не поверил Кара Гейдар, решил, что Нариман хочет выгородить. Прячется за имя большого наркома, а у них здесь, пусть помельче, но есть свои наркомы.

- Непременно поймаем.

- Но чтоб доставить сюда живым.

- Это - смотря по обстоятельствам.

- Мамед Эмин отстреливаться не будет. Потому что не знает, как это делается. Так что учтите - это мой приказ. Такими,- подчеркнул,- не разбрасываются, хотя мы по-разному с ним думаем.

А Мамед Эмин тем временем... Но о том никто не знает, и Кара Гейдар со дня на день ждет вестей - напали на след, прячется где-то под Шемахой. Кое-кто (Ломинадзе, Саркис, Кара Гейдар) распоясался вовсю: безжалостная, беспощадная месть толстосумам, разбой под флагом революционного гнева, страсть к экспроприациям, и обо всех этих жестокостях Нариман, будто избавляясь от груза, давящего на сердце, напишет в Центр, но прежде вызовет из лап неистовых левых тюркских генералов, известных еще с царских времен: полного русского генерала Мехмандарова, да, именно его, военного министра бывшей республики, и Шихлинского, тоже генерала, понимая, что найдут предлог, если случится Нариману забыть про них, и снова засадят, чтобы на сей раз, не мешкая, прикончить,- Нариман только и делает, чтобы перестали перед носом размахивать шашкой. Где их спрятать, единственных у тюрков генералов, особенно Мехмандарова (впрочем, и Шихлинского тоже!); передали Нариману, что был Мехмандарова приказ об аресте - вашем, Нариман, аресте!.. - ужесточить против Мехмандарова?.. Спасти генералов во что бы то ни стало!

Столько дел навалилось: декреты и декреты - нефть, флот, банки, электричество, железопрокатные и сталелитейные заводы, телефонная сеть, канатные фабрики, гвоздильный, стекольный, льдоделательный и кирпичный заводы, бондарные мастерские - Черномордигов и К°, - по вывозу нефтепродуктов, табачные фабрики братьев Мирзабекянц, а также товарищества Айюлдуз.

Еще и еще: об амнистии - давно бы пора! - об учете и охране памятников искусства - произведений живописи, скульптуры, художественных предметов, как-то - перечислить непременно: оружие, посуда медная, ткани, старинные ковры, мебель, утварь; особо - о национализации кинематографических предприятий.

Провести всеазербайджанскую перепись населения - это декрет. Декрет и о регистрации лошадей, экипажей, повозок. И приказ - о переходе в ведение Азревкома фотографического ателье Меерсона, бывшего английского, что на Малоканской, 9; и сам Меерсон переходит на службу в Азревком и зачисляется на все виды довольствия по первой категории. И еще приказы: об организации двух комитетов - по введению в учреждениях республики делопроизводства на тюркском языке и борьбе с малярией, почти в один день. А меж этими приказами декрет: открыть шестинедельные курсы, обучить женщин-мусульманок письму на пишущих машинках.

Ещё декреты, особенно этот, взбудораживающий: о праве граждан изменять свои фамилии и прозвища - чтоб освободиться от дурных и нелестных, унижающих человеческое достоинство; избавляются от Аллаха: были Аллахвердиевыми, Богом данными, или Аллахгулиевыми, Рабами Божьими, стали просто Вердиевыми и Гулиевыми. Посыпались

просьбы, в том числе родичей Кардашбека, грузом, видите ли, давит им на сердце бек: нельзя ли, опустив, упростить? Смешно: и Коба о том же, когда речь зашла об Азизбекове - бек, мол, путает карты в нашей символике 26 бакинских комиссаров. Еще вспомнил, как Коба как-то шутил с Микояном (Нариману - ждет случая - выскажет всерьез, что бросил комиссаров, покинул их):

- Как это вышло, Анастас, что, едучи в одном корабле, находясь в одной камере, стоя под одними дулами винтовок, кто-то, сраженный пулей, попал в священные двадцать шесть, а кто-то, - подмигнул Нариману, - то бишь двадцать седьмой, уцелел?.. Некогда и мне, что я - двадцать седьмой бакинский комиссар.

- Да, история о том, как были расстреляны двадцать шесть комиссаров, и только один из них, товарищ Микоян, остался в живых, темна и запутанна.

- Я не был комиссаром, комиссаром был он, - рукой на Наримана.

- Здесь проще, а как ты спасся, будучи в одной тюрьме... - Микоян прежде рассказывал, Сталин не поверил: когда в Красноводской тюрьме начальник полиции зачитал список комиссаров, которых увозят в тюрьму Асхабадскую, и при этом не был назван Микоян, тот подошел к Шаумяну и шепнул ему, что хочет, чтоб и его включили в их группу: Я, мол, вам пригожусь (думая об организации побега). Попробуй, - ответил Шаумян. Но полицейский отказал Микояну в просьбе.

- Свидетели есть? - спросил Сталин, сам же ответил: - Нет свидетелей!

Микоян тогда всё ж довершил рассказ, что видя такое, Шаумян отвел его в сторону и сказал: Это ничего, что твою просьбу отклонили. Вас освободят, ты вместе с моими сыновьями проберешься в Астрахань, оттуда в Москву, встретишься с Лениным... - здесь бы назвать и Кобу! когда сообразил, было поздно: следующая фраза произнесена! - обо всём ему расскажешь, от моего имени сделаешь предложение непременно арестовать нескольких видных эсеров и меньшевиков, объявить их заложниками, предложить закаспийскому правительству в обмен на нас.

- И что ты ответил? - спросил Сталин.

- Что в точности исполню.

- И не сдержал слово!

- Но нас еще долго держали в тюрьме.

- Что ж, похвально попасть в список двадцать седьмым. - И неожиданно, с улыбкой: - Но кто б нам теперь заменил тебя в наших кавказских воспоминаниях и пирушках?.. Впрочем, думаю, когда-нибудь история снимет чадру, как говорят истинные бакинцы, с этой тайны.

КРОВЬ НЕ СМЫВАЮТ КРОВЬЮ, снова из Корана.

Скоро начнется!..

В Центре, о чем уже было, с помощью, разумеется, местных туземных стратегов, и ты среди них, на шахматной доске расставлены фигуры, и чья-то рука, будто неведомо тебе - чья, держит коня, не зная, на какое поле его поставить: решено карабахской авантюрой отвлечь пешие и конные войска Азербайджана с северной границы, чтобы беспрепятственно вторгнуться в пределы республики и захватить Баку - черного короля, или Короля нефти (шифр из банальностей).

И отвлекли: национальные войска отбивают атаки соседей, которые вознамерились во что бы то ни стало захватить Карабах и прибегли к хитрости, ферзевый такой гамбит, вздумав в весенний мусульманский праздник Новруз спойть в Ханкенды национальный гарнизон, - офицеры напились, и пешки-новобранцы - непьющие, ну и вовремя раскусили замысел соседней республики, а там подоспела подмога - войска, снятые с севера и оголившие границу с Россией (чьей-то рукой фраза карандашом по-тюркски: Каны канла йумазлар, или Кровь не смывают кровью).

Разговор по прямому проводу Нариманова и Орджоникидзе:

У аппарата Орджоникидзе. Здравствуйте. Сейчас я говорил с Чичериным по поводу Карабаха и Зангезура. Я предлагаю немедленно и безоговорочно присоединить их к Азербайджану, дав им автономию. Завтра вечером выезжаю к вам.

Тут же телеграмма Орджоникидзе в Москву, Ленину, Сталину, Чичерину: Я уверен и мое глубокое убеждение, что для укрепления советской власти в Азербайджане, а тем самым сохранения за нами Баку, что крайне важно, следует присоединить Нагорный Карабах, а о Низинном Карабахе, то есть плоскооснове, и речи быть не может, ибо эта территория всегда являлась азербайджанской.

Между тем Серго срочно выехал в Карабах за частями Красной Армии. Райский уголок эти земли, особенно Шуша: на низине жара, здесь прохладно, воздух напоен запахами трав. Не до лирики - телеграмма Серго всесильной тройке в Москве (Ленину, Сталину, Чичерину):

Ночью вернулся из Карабаха, армянская часть Шуши, плоскостные села армян совершенно разгромлены, то же самое сделано армянами в Зангезурском уезде с тюркскими селами. Армяне и тюрки с радостью встречают красные войска. Думаю, что и Нахичевань, Ордубад и Джульфа тоже будут заняты без сопротивления.

Назревают разрушительные события, калейдоскоп, за которым не уследить, и ломкие осколки прилипают к пальцам, больно раня. Но ведь надо же, чтобы когда-нибудь узнали! Начать... но с чего?

Оглушим мощным потоком, чтоб весь мир услышал, - Серго воодушевлён, что между советским Азербайджаном и советской Арменией не существует никаких границ, и скоро грядет мировая революция (о чем на весь подлунный свет протрубил в сердце России сам Зиновьев!), и кому, как не Нариманову, в чьем большом доме мы собрались, выступить на торжественном заседании Бакинского Совета, огласив вест о советизации Армении, и, как подобает вождю, изумить человечество актом щедрости? Умный, мудрый, опытный, дальновидный... все чудесные эпитеты отдаю тебе, друг Нариман, понять надо, что территориальные интриги - это дашнакские козыри, три туза: Нахичевань, Зангезур и Карабах, и бьют они нас этими тузами, мешая полной советизации Армении. Выбьем с тобой два туза - Нахичевань и Зангезур, чтоб ослабить, будь они неладны, переиграем их тактически, а потом...- Еще какой довод, чтобы убедить? - А иначе масло в огонь межнациональной вражды.

Публика рукоплещет: Советский Азербайджан объявляет, что отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов: армян и тюрков-мусульман... - Стоп. Передохнуть. И - с красной строки: Территории Зангезурского и Нахичеванского уездов являются нераздельной частью Советской Армении, а трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения!

(А далее о том, что Советский Азербайджан широко раскрывает свои ворота перед Советской Арменией к неисчерпаемым богатствам: нефти, керосину и другим продуктам. И финал: Да здравствует мировая революция, несущая мир, братство и освобождение угнетенным мира! - несмолкаемые восторженные рукоплескания, крики ура!)

Потом Серго, Я сегодня, как бакинская скважина, фонтанирую! о мусульманском Востоке, который некогда ходил на поклонение в Мекку к гробу Магомета, а ныне обращает взор к белокаменной Москве и что, снова красная строка: Зангезур, Нахичевань и Карабах для русского уха, не посвященного в содержание этих слов, ровно ничего не значат. Какой-то Зангезур - горы бесплодные, ни хлеба, ни воды. Там нет ничего. Какая-то Нахичевань - болота, малярия и больше ничего. Какой-то Нагорный Карабах. Что в этом Карабахе? Ничего нет. И вот товарищ Нариманов говорит: Берите их себе. Берите эти бесплодные земли для Армении!

И тут же, сразу после заседания:

- Но я не говорил о Нагорном Карабахе!
- Как не говорил? - удивился Серго.
- Ты, наверно, плохо меня слышал, Серго.
- Извини, глуховат на левое ухо, но что по существу?
- Я говорил не так, как изложил ты.
- А... понял, вот ты о чем! Ну, какая разница? Тут такой праздник, к тому же, отдав Зангезур и Нахичевань, чего скупиться?
- Что значит отдав?! Это не торг, а политика.
- Но договорились ведь: отказался от территорий временно! - И вспыхнул вдруг: - Мы говорим о всемирном братстве людей труда против капитала, а ты моя земля, мой край... Не ты ли только что говорил: Пора кончать с территориальными спорами, используемыми дашнаками для кровавой вакханалии и межнациональной розни? - Успокоился, и уже готов уступить: - Ладно, это ж митинг, всплеск праздничных чувств, а какие границы и прочее, ваша нефть, ваш керосин... мы к этому еще вернемся, когда (обнял Наримана за плечи) сполна выполним программу.

- Какую?
- Ты что же, Грузию хочешь обидеть? Советизировали Азербайджан, Армению, очередь теперь за Грузией.

АХИ-ОХИ, КАК ОТДАЛЁННЫЕ РАСКАТЫ ГРОМА, и бороды отпустить в знак траура: переговоры Анкарского (Ангорского) правительства с советскими республиками Закавказья, внушительная победа Мустафы Кемалья над союзными войсками, Карсский договор между Турцией и АССР (это Азербайджан), ССРА (это Армения), и ССРГ (а это - Грузия) при участии, ясное дело, России, и выписка на память, статья пятая, о Нахичеванской области, аналогичная статье третьей Московского договора, слово в слово: Нахичеванская область образует автономную территорию под покровительством Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората никакому третьему государству (помимо гарантов - Турции и России), став буфером между независимыми государствами - Турцией и Арменией, чтоб остыли обоюдные страсти.

Договориться с ближайшими соседями в эти напряжённейшие дни конца июня - начала июля (и четко год: 1921), измотан переговорами.

27 июня. Заседание в ЦК Азербайджанской КП в связи с работой в Тифлисе Комиссии по установлению границ между тремя республиками.

Решение Политбюро: Ввиду экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану предложение т. Бекзадяна отделить местности с армянским и тюркским населением соответственно к Армении и Азербайджану, неведомо как изрезав земли и запутавшись между селами, считать неприемлемым. Поручить т. Нариманову передать в Тифлис мнение Политбюро.

В тот же день разговор по прямому проводу.

В Баку: у аппарата Ширвани. Нариманов находится на заседании Совнаркома. Вопрос о Нагорном Карабахе в постановке т. Бекзадяна наше Политбюро считает неприемлемым с точки зрения административной и экономической целесообразности. Единственным разрешением вопроса может быть широкое вовлечение армянских и тюркских масс в дело советского строительства, как это явствует из декларации т. Нариманова. Вопрос должен быть решен в этой плоскости, иначе Совнарком слагает с себя ответственность, ибо если советская Армения этим актом желает произвести известное впечатление на дашнаков, то не надо забывать, что тем самым мы восстанавливаем в Азербайджане такие же антисоветские группы, как дашнаки. Кстати, т. Нариманов явился.

Нариманов. Если в Тифлисе ссылаются на мою декларацию и телеграмму, то в них буквально сказано следующее: Нагорному Карабаху предоставляется право свободного

самоопределения.

В Тифлисе: у аппарата Гусейнов. Хорошо. Все передам. Думаю, что наше решение будет встречено здесь холодно.

Нариманов. Я вчера беседовал с т. Серго, который прямо говорит, что Карабахский вопрос есть вопрос чести всех советских республик, и его нужно решить именно в том смысле, чтоб это было раз и навсегда, то есть в том виде, как я вам передал.

Гусейнов. Создалась тяжелая атмосфера. С одной стороны, Совнарком Армении посылает своего Чрезвычайкома в Нагорный Карабах без нашего ведома, хотя товарищи армяне, прибыв сюда, утверждают, что это делается с нашего ведома и тем самым дезориентируют Тифлис и Москву, а с другой, мы посылаем в Карабах телеграммы, которые аннулируют их решения, ущемляющие наши интересы. Я не знаю, как быть. Ясно, что товарищи армяне исключительно думают о территории, а не о благополучии карабахских армян и тюрок-мусульман.

Нариманов. Мне нечего добавить к тому, что вы сказали.

В тот же день: Тифлис, заседание Президиума Кавбюро ЦК РКП. Присутствуют: члены Кавбюро тт. Орджоникидзе, Киров и Фигатнер (бывший нарком Терской республики), а также наркоминдел Грузии Сванидзе, наркоминдел Азербайджана Гусейнов, председатель АзЦИК Гаджиев, наркомвоенмор Грузии Элиава. Слушали: Переговоры т. Гусейнова с т. Наримановым по вопросу о Нагорном Карабахе. Постановили: Созвать экстренный Пленум Кавбюро и послать тт. Нариманову и Мясникову телеграмму:

Президиум Кавбюро ЦК РКП предлагает выехать на экстренное заседание пленума Кавбюро. В порядке дня вопрос о размежевании закавказских республик. В Тифлисе находятся 6 членов Кавбюро, и в случае вашего неприбытия решение находящихся в Тифлисе 6 членов Кавбюро будет считаться обязательным. Настаиваем на немедленном прибытии как членов Президиума Кавбюро в Тифлис.

4 июля (жара!) Нариманов прибыл в Тифлис и с поезда - прямо на заседание Пленума Кавбюро, уже вечер, жара чуть спала, но душно.

И Сталин прибыл, член ЦК РКП, присутствует на заседании в качестве наркомнаца и как посланник Ленина. Разговор, это чувствуется всеми, предстоит долгий и утомительный.

Члены Кавбюро: т.т. Серго, это прежде всего, председатель, Махарадзе, Совнарком Грузии, Мясникян (пишется Мясников), Совнарком Армении, он сам, Нариман, Киров, Назаретян, секретарь Кавбюро, Орахелашвили, он же Мамия, секретарь ЦК КП Грузии, Фигатнер Юрий Петрович (он же Яков Исаакович), секретарь Кавбюро, юнцом посещал ленинский кружок революционеров в Париже... Кажется, все. Вопрос о Карабахе, вернее - его Нагорной части.

- Пусть Коба ведет, - это Серго. - Как нейтральное в Кавбюро лицо.

- А где Мамия?

- Вышел на минутку.

- Здесь я!

- Что тебе, - это Коба, - на месте не сидится, Мамия?

- Перебор грузин.

- Не в очко играем, кацо! - Серго шутит (обстановку не разрядить никак).

- Тем лучше, что нас больше (Махарадзе?). Ответственность возрастает... Ты чем-то взволнован, Серго? (Протокол скуп.)

- ...Земляки мои кричат,- вскочил с места Серго, разгорячен (записка была?).- Оккупация! Захват власти! Незваные правители! Подавление демократических свобод независимой Грузии!.. Я, значит, незванный, и я оккупант! В споры пустопорожные вовлечь меня хотят.

- Пусть попробуют! (Это Коба.)

- Но факт: не приди сюда Красная Армия, народы уничтожили б друг друга, война до победного конца... Забыли про армяно-грузинскую войну? про армяно-татарскую, извините, азербайджанскую войну? привела всех на край пропасти, превратила Кавказ в развалины. А что касается свободы, о которой толкуют грузинские меньшевики, дашнаки и мусаватисты, мы, а точнее сказать, вы, господа бывшие...

- Их здесь нет (с места голос).

-...вы, господа бывшие,- повторил,- еще не доросли, ибо свобода понимается вами как разбой и насилие!

- Серго,- перебил его Коба,- агитка нам не нужна, сядь и успокойся, давай говорить по существу (некая переливчатость чувств, эмоций, без перекуров, но гвалт и дым, просачивающиеся в замочную скважину, такое громадное слово-агрегат в нефтяном деле, и Нариману о нём думать - для обозначения воздушной щелки.

- ...Высказались все.- Это Коба.- Сформулирую, будем голосовать... А где Мамия?

Был - исчез. Снова появился.

- Жарко!

- Если жарко, сядь у окна... Множество было предложений, я их все выписал себе. Есть, как я понимаю, три варианта решения злополучной карабахской проблемы: оставить Нагорный Карабах, как часть Большого Карабаха, в пределах Азербайджана, с которым он связан территориально, передать Нагорный Карабах Армении, с которой практически он не связан, горы мешают, и третий вариант: разрезать эту землю на мусульманскую и армянскую части, и пусть каждая республика, как может, забирает свою долю. Третий путь, я советовался с товарищами, думаю, путь негодный, смехотворный, потому что дело невозможное, я бы даже сказал, абсурдное: горы-холмы не разрезать, села-деревни не разделить, тропки-дороги, речушки-водопады тоже, так что остаются два варианта, вопрос надо решить кардинально, раз и навсегда... Ставлю на голосование, по пунктам, для протокола. Пункт а. Нагорную часть Карабаха оставить в пределах Азербайджана. Кто за, прошу поднять руку. Считаю: Нариманов, Махарадзе, Назаретян. Трое, значит. Кто против? Снова считаю. Серго, Мясников, Киров... и ты, Фигатнер, тоже? Итого, четверо против. Кто воздержался? Рук не вижу.

- А Мамия? Мамия, где ты - за или против? - Это Серго.

- Снова вышел... Придет, доголосует, пошли дальше (так и не явится...). Пункт б. Плебисцит провести во всем Карабахе с участием всего населения армян и тюрок-мусульман. Кто за. Нариманов и Махарадзе. Двое, значит. Против... против остальные, то есть пятеро. Пункт в. Нагорную часть Карабаха включить в состав Армении. Кто за? - Подняли руки те, кто был против оставления Нагорной части Карабаха в пределах Азербайджана (Орджоникидзе, Мясников, Киров и Фигатнер).- Кто против? Ясно, те, кто был за...Нариманов, Махарадзе, Назаретян.- Ещё пункт г,- Сталин методичен.- Плебисцит провести только в Нагорной части Карабаха, то есть среди армян и тех тюрок, которые живут здесь.- За пятеро (за исключением Нариманова и Махарадзе). Итак, оглашаю постановление Кавбюро: Нагорную часть Карабаха включить в состав Армении, и плебисцит провести только в Нагорном Карабахе.

- Прошу слова для заявления! - Нариманов встал. Спокойно, волноваться тебе нельзя.

Серго: - Но ведь решено!

Киров: - Надо двигаться дальше, уже поздно, а вопросов тьма!

Мясников: - Если снова о Карабахе, то ни к чему!

Серго, обращаясь к Сталину: - Коба, не снижай темп! Нариманов стоит и ждёт.

Сталин: - Не будем давить на товарища Нариманова, дадим слово, пусть выскажется.

Нариманов: - Голосование поспешное. Решает семь человек, и отсутствует товарищ Орахелашвили. Могло быть четыре на четыре, впрочем, и перевес в один голос в таком деле

не может рассматриваться всерьез. (Шум в зале.)

Сталин: - Что вы предлагаете?

Нариманов: - Азербайджан с таким решением никогда не согласится. Как председатель Совнаркома, если такое решение останется в силе... мне ничего другого...- волнуется,- я буду вынужден сложить с себя полномочия.

Чей-то голос (кажется, Кирова): - Ультиматум?

- Нет, это не ультиматум,- не глядя ни в чью сторону, смотрит через головы в высокое окно, за которым ночь,- а мое убеждение, что одна крайность вызовет другую, и я не уверен, что Азербайджан в этих условиях не прибегнет к ответным экономическим действиям.

- Каким? - тот же голос.

- Каким? - тишина в зале.- Я имею в виду нефть и керосин. (Снова шум.) Короче, я предлагаю: ввиду той важности, которую имеет Карабахский вопрос для Азербайджана, считаю необходимым перенести его на окончательное решение ЦК РКП.

...Сквозь шум и возгласы неодобрения голос Махарадзе:

- Поддержать!

И кажется, Назаретян о том же.

Сталин: - Не будем обострять. Уважим просьбу. Что может измениться за день? Подумаем, взвесим, соберемся завтра. А в протокол запишем: Ввиду того, что вопрос о Карабахе... а точнее. Нагорной части Карабаха, вызвал серьезные разногласия, Кавбюро ЦК Российской Компартии считает необходимым перенести его обсуждение.

- Я бы добавил, - это Серго: - На окончательное решение ЦК РКП.

- Согласен. Но должны сначала решить вы сами здесь, в Тифлисе, на Кавбюро.

5 июля, вечер. Пленум Кавбюро ЦК РКП. Присутствуют те же: член ЦК РКП Сталин; члены Кавбюро: тт. Орджоникидзе, Махарадзе, Киров, Назаретян, Орахелашвили.

- Но его нет, а мы снова указываем.

- Мамия заболел. (Это Филипп Махарадзе.)

- Вычеркнем. (Не вычеркнул.) Далее Фигатнер, Нариманов и Мясников, а также наркоминдел Азербайджана, в порядке наблюдателя, Гусейнов. Как вчера договорились, попросим грузина Серго изложить армянскую точку зрения, а армянина Амаяка Назаретяна - тюркскую, для объективности. Пусть эриванцы и бакинцы послушают тифлисцев Серго и Амаяка.

Слушали (из протокола): Серго излагает, обосновывая позицию армян, ибо голосовал, поддерживая Армению, а Назаретян - точку зрения Азербайджана, и возбуждает вопрос о пересмотре постановления предыдущего пленума о Карабахе.

Серго (из нововведений чудака-протоколита: лишь точки).

Назаретян (то же, что и у Серго).

Сталин: - Есть еще желающие выступить? Нет. Я не тороплю... Что ж, если желающих нет, перехожу к повторному голосованию. Кто за?

- Коба, сформулируй четко.- Это Серго.

- Кто за то, чтобы Нагорную часть оставить в пределах Азербайджана... У меня есть ещё дополнения, точнее, обоснования, я тут себе пометил, но важно сначала решить вопрос в принципе. Итак, кто за? Называю поименно: Нариманов, Махарадзе, Назаретян... ты, Серго, тоже?

- Амаяк меня убедил.

- Так... Кто против? - Ни одной поднятой руки! - Повторяю, кто против? - Выждал. - Что ж, против ни одного. Кто воздержался? Называю поименно: воздержались Мясников, Киров, Фигатнер. А теперь полный текст постановления сформулирую, Назаретян подготовил, с учетом замечаний Серго. Но прежде скажу, что я не хотел предвирать голосование своими пожеланиями, но замечу, когда восторжествовал здравый смысл, справедливости ради

подчеркну мысль, она у Амаяка практически прозвучала, я придам ей поэтическую форму: нагорнокарабахская земля своим географическим и экономическим лицом обращена больше к Азербайджану, нежели к Армении, с коей карабахцы никогда ничем не были связаны, тут помехой не только горы, но и нечто более значительное: исторические корни помехой! Именно к Азербайджану стекаются лесистые нагорья этой земли, бегут ее дороги и реки, спешат люди, неся с собой интересы экономические, выгоды бытовые. Баку и Азербайджан для населения Нагорного Карабаха являются источником жизни, и об этом нельзя забывать, если, конечно, не задаться целью искусственно разжечь рознь между армянами и тюрками. Итак, - после паузы, - постановили: Исходя из необходимости (это во главу угла) национального мира между тюрками и армянами, а также (это подчеркнуть) экономической связи Верхнего, Нагорного и Нижнего, Низинного Карабаха, постоянной связи Карабаха в целом и его частей с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджана, предоставив широкую областную автономию с административным центром в городе Шуше, входящей,-и уточнил: Если Шуша, то входящей, если город, то входящем, так? - в состав автономной области.

(Спросит потом Нариман у Орахелашвили в Москве, где оба избраны кандидатами в члены ЦК, почему тот отсутствовал при голосовании по Нагорному Карабаху:

- Председательствующий во как мне надоел!
- Но твой голос мог многое решить.
- Без меня решилось.
- Как ты хотел?
- Стану я потакать неправым притязаниям?)

Сколько придется Нариману участвовать в обсуждении проблем Нагорного Карабаха, принимая решения: о развитии кожевенной и стекольной промышленности, - индустриализацию Азербайджана начать с Гянджи, Шеки, Мугани и - Карабаха, приступив к оборудованию фабрик и заводов, могущих получить сырьё там же, хлопчатобумажных, кожевенных, шерстоткацких, шелкоткацких, маслосточных, стекольных; а в голове, когда обсуждали, помнит, мысль не давала покоя: достигнем ли изобилия царских времен, как это наблюдалось в пассаже Гаджи на Бяратинской, где продавались мануфактурные и полотняные товары с мудреными названиями, о которых прежде понятия не имел?.. Найти бумажку с их перечнем (писательская привычка!): драп, кастор, шевиот, камгард, драбедам, фурюр, урс, либерти, канаус, атаман, кретдемин, родомес, бумазая кипорная, пикеевая, суровая обыкновенная, твильс, фуляр и муслин, шторы конгресс... - отвлекся Нариман; отделка статей Конституции Нагорного Карабаха (Почти райская,- сказал Серго); хинин - Карабаху, сотни пудов ячменя, кишмиша, пуды мыла, соли, чая, строительный материал: лес, стекло, гвозди на сумму двадцать тысяч рублей червонцами; отпуск полутысячи комплектов обмундирования для милиции Карабаха: Борьба с бандитизмом и темными лицами, сеющими национальную рознь путем убийств, грабежей и агитации,- всё тот же Серго, он готовится к Политическому отчету Кавбюро РКП (б) на I съезде коммунистических организаций Закавказья,- должна быть поставлена в лучшие условия и снабжена интернациональными работниками; во всех уездах разрешить свободную торговлю, возвратит владельцам или сдавать в аренду частным лицам или артелям заводы, мастерские, мельницы, не приносящие дохода государству.

В каждой республике,- говорит Серго,- имеется много национальностей, они в прошлом вели между собой отчаянную борьбу. В Грузии при меньшевиках произошел разгром Южной Осетии, Абхазии и Аджарии. Помимо того, меньшевики вели войну с мусульманами-тюрками в Ахалкалакском и Ахалцыхском районах. Настоящая война была между Арменией и Грузией. То же в Азербайджане: какая из-за Карабаха жестокая война! При дашнаках был разгромлен город Шуша, армянская часть города стерта с лица земли. Кавказские

коммунисты с гордостью могут сказать, что в Грузии запутанный национальный вопрос разрешён успешно. То же в Азербайджане, где раньше шло полное истребление друг друга армянами и мусульманами-тюрьками: полный мир!

А потом танцевали: Серго, Микоян и прочие. Неслись по залу с легкостью пуха, едва касаясь пола: Асса! Асса! Асса!..- раздавалось отовсюду. Волчком вертелись, с размаху стремительно кидались на колени, ловкие присядки (Будённый плясал гопака), буйный темп вращения. Что еще?.. Микоян в танце был грациозен и легок, наслаждался каждым движением. А Серго шутил:

- Знаете, какая самая важная клятва у ингушей? Клянусь Аллахом, который сотворил два чуда: Владикавказ...

- Но он же чеченский! - перебил кто-то.

- Ингушей там немало.

- Осетин, кстати, тоже.

- Какая разница, кацо? Тем более что чеченцы и ингуши - одно и то же!.. Дайте досказать. Так вот, ингуш клянётся Аллахом, который сотворил два чуда: Владикавказ и пистолет-маузер!.. (любя чеченцев, подтрунивать над ингушами).

Но ещё не раз после декретирования автономии Нагорного Карабаха придётся телеграфировать в Москву, напоминая ЦК:

Территория Карабаха входит в состав Азербайджана, и парторганизация является частью АзКП. - Секретарь АзКП Киров.

Отказались армяне от Шуши как столицы Нагорного Карабаха, учредив её в местечке Ханкенды, или Ханское село, куда, покидая горы, где расположилась столица Карабахского ханства Шуша, спускался перезимовать Хан Ибрагим Халил в недалеком прошлом,- скоро переименуют в Степанакерт, в честь вождя бакинских комиссаров Степана Шаумяна. В те же дни - декрет о тюркском языке, который провозглашен государственным в пределах республики, за ее пределами - язык русский, в сношениях с Карабахской автономией - язык армянский, каждый имеет право пользоваться своим родным языком.

Что же дальше?

Дальше-то что?!

И неясные до сей поры знаки, чьей-то рукой, карандашом.

ГЛАВА ОЧЕВИДНОСТЕЙ, или ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРДОН ЗАГАДОЧНОСТИ

Нариман выстраивает в памяти хронологию ареста и казни бакинских комиссаров: скоро перезахоронение их останков, привезут из Асхабада, где похоронены, по настоянию Бакинского исполкома и просьбе семей Шаумяна и Джапаридзе (Фиолетова и Азизбекова тоже?)- послана телеграмма Ленину, расходы берет на себя Москва: приурочить ко второй годовщине казни комиссаров.

Нариману держать речь на траурной церемонии, но прежде - понять течение событий после его отъезда из Баку.

Рассказать, как было на самом деле. А как было? Множество версий, осколки-стеклышки с ломаными лучами-зайчиками.

Из очевидностей: бурные день за днём июльские дебаты (после отъезда из Баку Наримана), когда от жаркого солнца плавятся думы, а знойное марево кажется игрой морских волн, и народнические фракции Бакинского Совета настаивают на приглашении варягов-англичан, дабы противостоять Кавказско-исламской армии - турецким частям, пришедшим на подмогу юной тюркской республике, учрежденной в Гяндже, но желающей утвердиться в своей столице Баку, такая вот триада, вдохнуть глубоко, чтоб проговорить на выдохе.

На площади, отсюда не видимой, хоть окна Бакинского Совета высоки, с пола до потолка, неумолчный гул вооруженной демонстрации революционных войск, в чьем составе (перечислить для колорита) батарея полевой артиллерии и броневой взвод Петрова, прибыла-

таки советская подмога из Москвы, Красная инструкторская школа, моряки Каспийской военной флотилии, пехотные части Кавказской Красной Армии, во главе которых нарком Корганов и полковник Аветисов (из добровольческих армянских отрядов Андраника), и при штабе одним из комиссаров - Микоян; ну и казачьи части полковника Лазаря Бичерахова (из осетинских казаков) - остатки царских войск, переброшенные сюда из Персии с согласия Шаумяна. Так кто же он, Бичерахов? Англофил? Честный гражданин, готовый защитить интересы отечества, а точнее, России, которой он присягал? Все ваши условия признаю, ответил Шаумяну, который однажды обжегся, положившись на верность сородичей, и вождь армянского народа Андраник, на чью реальную поддержку Шаумян надеялся, кого настоятельно звал сотрудничать с Коммуной, его подвёл. Спасение России вижу в Советской власти, всякое выступление против неё считаю преступным предательством, ни к власти, ни к какому ответственному посту не стремлюсь, ни в политике, ни в социализме ничего не понимаю, к строительству новой жизни не подготовлен, я казак, умею немного воевать, немного понимаю в военном деле, и только.

Две власти в Азербайджане: Коммуна в Баку (непременно удержать для Советской России нефть, при невозможности - предать промыслы огню) и Демократическая республика в Гяндже, рвущаяся в Баку.

Бои уже идут: сначала терпели поражение войска республики (вся надежда на турецкую армию), а потом - силы Коммуны, состоящие из бывших добровольческих частей, и прибыла только что подмога - бронированные автомобили из России и казачьи войска Бичерахова.

Пала Шемаха, пали Сальяны - Кавказско-Исламская армия движется к Баку, и оттого настроение здесь, как сообщается в газетах, малоустойчивое.

Речи, дебаты, прения - поражение комиссаров при голосовании: большинство в Совете, а главное, рабочие и матросы Каспийской военной флотилии, высказалось за приглашение англичан - пусть помогут отстоять Баку от тюрко-турецких войск.

Чем турки с варварским деспотизмом против России и нас,- Сакоян застрельщик приглашения,- лучше англичане из страны великих демократических реформ.

Демарш честолюбивого Лазаря Бичерахова: ввиду деморализации частей, ибо воевать никто не желает и не может, он снимает с себя ответственность, казачьи его части, покинув фронт, уйдут вскоре в Сумгаит, а оттуда на север к Дербенту на соединение с отрядами родного брата Лазаря - Георгия Бичерахова, восставшего против Терской республики, и мечта с помощью Деникина создать бичераховскую Кавказско-Каспийскую республику. Плюс измена военачальников - кичливых хумбапетов и хумбов: Аветисова, Амазаспа и Казарова, он же Казарьян, потомки станут потом Казаровецкими... И коль скоро Бакинская коммуна, не собрав большинства, пала, Шаумян с соратниками демонстративно покидает заседание Совета, бросив с болью в сердце и проклятием на устах крылатую фразу: История вам этого приглашения англичан не простит! Коммуна сложила с себя полномочия, эвакуируется в Астрахань, где советская власть.

Побег?! Не успев покинуть бакинскую бухту, пароход по предписанию новых властей - Диктатуры Центрокаспия под угрозой потопления возвращается.

Переполюх: комиссары вздумали увезти ценности Совета! Господа Шаумяны, Джапаридзе, Коргановы задумали эвакуацию денег, дабы прикарманить народную казну: полмиллиона золотых!

Арест комиссаров: судить за измену! Но... гремят выстрелы, пальба, взрывы, слышна канонада - Кавказско-Исламская армия уже под Баку, паника в городе, власти бегут, национальные армянские части спешно покидают казармы, устремляются к пристаням, захватывают суда, пароходы, лодки, чтоб убраться кто на север, кто на восток.

Микояну (он договорился с командой парохода Севан) удаётся в последнюю минуту зарезать убегающего сородича Велунца, он важный чин в Диктатуре Центрокаспия, вырвать

у него записку на имя начальника Баиловской тюрьмы с приказом сдать арестованных комиссаров конвою. Они освобождены, спешат с семьями на пароход, увозящий беженцев. Но Севана у пристани нет, уплыл. Есть надежда сесть на пароход Туркмен, отплывающий в Астрахань. По пути встречаются роту Татевоса Амирова, чей родной брат - большевик Арсен Амирян, только что освобождённый с комиссарами, - вооружённые бойцы и помогли им втиснуться в битком набитый беженцами пароход (и сесть самим).

В Астрахань? Где советская власть? Подвергнуться конфискации?! Беженцы взбунтовались, к тому же поднялся норд, движение на север затруднено, не хватит ни воды, ни топлива, до Астрахани не дотянут.

- Надо заставить, чтоб повернули на Астрахань! (Это Микоян).

- Как? (сомнения Джапаридзе).

- У нас вооруженный отряд! (Микоян удивлен наивности Джапаридзе).

- Что ты предлагаешь?

- Выбросить в море всех, кто станет сопротивляться! Пригрозить капитану расстрелом!

- Кто-то сказал о гуманности. - К черту гуманность!

- Как это выбросить в море?! Ты зверь, что ли? (это Джапаридзе).

Микоян промолчал. И чего кипятится? Не хотят - не надо. Пролез под стол в кают-компании, лег и быстро уснул.

Пароход, выйдя из линии ветра, поплыл в Красноводск, куда вскоре и прибыл (17 сентября).

Обыск на пароходе: - Пошевеливайтесь! - угодили прикладом в Сурена, сына Шаумяна.

- Что за список? - оплошность Корганова (или Зевина?): в кармане список зачисленных на довольствие в Баиловской тюрьме, 27 имен, но двое зачеркнуты: Канделаки, командир бронепоезда,- заболел и выбыл, попав в больницу, и Сурен Шаумян (был выпущен из тюрьмы на поруки, тоже вычеркнули). О, какие в списке знатные фамилии! Шаумян! Джапаридзе! Пушкарь Петров! И два тюрка затесались в их компанию, Азизбеков и Везиров, 25 человек, все, очевидно, комиссары, - по списку под арест!

- Не смеете их трогать! - Амиров загораживает брата, Амиряна.

- А ты кто?

- Коммерсант! Почетный гражданин!

- Ну, тогда будешь двадцать шестым!

Комиссаров - семеро, остальные - по стечению обстоятельств Баиловской тюрьмы. Гвалт на пароходе: - Вот этого еще! (на Микояна). Этих тоже! (семья Шаумяна, жена и двое сыновей Сурен и Левон, жены Фиолетова, Джапаридзе и Татевоса Амирова, Мартикян, Туманян... - к тем, кто в списке (плюс Амиров) ещё тридцать с лишним, всех в тюрьму!

Телеграмма в Асхабад: такая добыча - что делать с бывшими бакинскими комиссарами? Азербайджанской морской радиостанцией перехвачена телеграмма Лазарю Бичерахову в Порт-Петровск: Мною задержан пароход Туркмен с бакинскими комиссарами во главе с Шаумяном и Джапаридзе. Наше мнение передать их военно-полевому суду. Жду распоряжений. Кун.

Перехвачен и ответ: С мнением согласен. Лазарь Бичерахов.

Новая радиограмма на французском, сообщение Франс-пресс, со ссылкой на англичан: В Закаспии выловлены и расстреляны бежавшие из Баку советские коммунары Шаумян, Джапаридзе и други.

И первые свидетели, до коих дошли слухи в субботу масличной недели, что комиссары 20 сентября расстреляны.

Еще слухи: в Индии, мол, комиссаров скосила эпидемия (или убиты при попытке совершить побег?), и даже известна среди безымянных могил в Дели, в парке Виделгарден, могила Кавказского Ленина Шаумяна, куда приходят поклониться паломники-армяне.

Асхабад. Раскрытые могилы. 26 гробов поездом до Красноводска, далее парходом, на бакинской пристани начало похоронной процессии к площади Свободы. Несут портреты пяти, символ интернационального братства: Шаумяна, Джапаридзе, Зевина, Азизбекова, Фиолетова; потом с чьей-то подсказки, Кобы? в качестве символа останутся четверо, без еврея Зевина: закавказцы и русский. Похороны у фонтана, где устроен склеп, в котором, это из речей, вожди нашли успокоение.

- Мы мифам не верим, но есть обстоятельства, когда в интересах пролетарского дела надо создавать легенды, - Коба Нариману говорит. - Я читал имена бакинских коммунаров. Случай свел их, большевиков, эсеров, меньшевиков, дашнаков, беспартийных. Комиссары - это вы, который жив, Надя Колесникова жива, даже Микоян, хотя комиссаром не был, я имею в виду его заслуги, но зато какой букет интернациональный эти расстрелянные товарищи, даже латыш Берг, грек Метакса, ну и евреи тоже, а главное - мы, кавказцы, много армян, это понятно, народ подвижный,- заглянул в список, - братья Амиряны, Корганов, Авакян, Борян, Костандян, Осемянц... - запнулся.

- Шаумян еще,- Нариман подсказал.

- Да, конечно, он главный... - Нариман знал: Коба недолго любил Шаумяна. И тут же: - А грузин и тюрок... хотя какие вы турки? (молчит Нариманов). Называетесь мусульманами, для армян вы туркес, или турки, для отсталых моих грузин татары, унифицироваться вам надо, вы, по моему разумению, азербайджанцы! - Много лет спустя так и назовут, при паспортизации, ибо приказ, исходит из уст человека, который к тому времени уже четвертый профиль, но у троих, Маркса, Энгельса и Ленина, головы полумесяцем, усечены как бы, а он - полная луна.

- ... Грузин и вас, азербайджанцев, в комиссарах по двое, такова реальность, один, правда, подкачал, Азизбеков, карты нам бек путает, можно, конечно, срезать-отрубить, а? Азизов звучит неплохо, ну да Аллах с ним! Но, в первую голову, особо подчеркнуть, - русские, нация ведущая!

МИФЫ, или СМЕШЕНИЕ КРОВЕЙ: ТУРАНСКОЙ, ПЕРСИДСКОЙ, АГВАНСКОЙ, ИНДИЙЦЫ ТОЖЕ! И РУССКИЕ! ДАЖЕ АРМЯНЕ?! КТО-ТО ЕЩЕ?

Сожженные книги! Изданы, мол, арабскими буквами - рассадники мракобесия!.. Это могли быть стихи Сабира, лирика Вагифа, комедии Мирзы Фатали! Успел, настоял, чтоб увековечили память Сабира - в день десятилетия со дня смерти заложили сад имени поэта и соорудили памятник у Крепостной стены.

Грабеж ханских имений: сады уничтожены, библиотеки сожжены, картины изодрали, бросив в костер, топорами изрубили все, что напоминало о барстве, не пощадили даже рояль.

А самосуды?

Тюрьмы переполнены. Баиловская, где томились революционеры, снова набита сверх всякой меры, каждого, кто подозрителен, бросают за решетку. И это - социализм, за который проливали кровь? Превратить Баку в тюрьму этого вы хотите?

Помню, говорили: возьмем сначала в руки власть и тогда установим на земле рай. А посмотришь - сменилась лишь вывеска.

Сначала состоятельных домохозяев грабят красноармейцы, реквизиция, потом бедняки... - может, довольно?

- Но советизация здесь еще далеко не завершена,- это Саркис Нариману, не упрек, а констатация, и в поддержку ему Ломинадзе:

- В Москве и Петрограде никто из революционеров не задается вопросом, говорит, и ему согласно кивает, увы, наградил меня Всевышний сверхчуткостью, и слышу даже, кто о чём шепчется, какие кидает на меня взгляды, не дослушав, Кара Гейдар, будто только что прибыл из старой и новой столиц, готов засвидетельствовать в пользу Ломинадзе, - как производить обыск в доме того или иного купца или буржуа, и наш Баку в ряду пролетарских

центров не может явиться исключением. А что до тюрок-магометан, которые толпами идут к вам жаловаться, ибо никто из вас не знает их языка! особенно женщины, их рыдания разносятся по этажам ревкома... - Развел руками, мол, ясно, кто они и с чем явились: нашли в революционной цепи слабое звено, нечего потакать обывателям, за дверь их, вас легко разжалобить, к тому же не выносите женских слёз!

- Но обыски на женской половине! Мусульмане доведены до отчаяния бесконечными реквизициями, конфискациями, эти уплотнения квартир, против которых... (шум в зале, не слышно), что совершенно противоречит бытовому укладу народа и рассматривается как тяжкое оскорбление вековых обычаев.

- Мы реквизировали двести пудов серебра, десять пудов золота, ковров несколько тыщ забрали, не счесть золотых колец, и все это для нужд революции!

- Срывать с ушей жен серьги и кичиться, что революционный акт!

У нападающего речь убедительна, не то, что мой лепет, заранее аргумент припасен, заманит простака и ударит:

- Жен, добавьте, буржуа! (Без стенограммы)

- ...считали бы полезным, - текст скоро телеграфом пойдет в Москву, пребывание в Баку высокоавторитетного товарища Сталина для руководства политикой на Востоке (пусть рассудит). Но на каждый чих (услышал впервые, полюбилась поговорка) не наздравствуешься.

На трибуне Сталин, не спешит, ищет, каким емким словом ударить, чтоб ядром подавились:

- ...уметь раздеть буржуазию, честь вам и хвала, но вот-как подойти к вопросу практически, надо у русского пролетариата поучиться, потому и вас ругать надо, и старика,- в сторону Наримана,- похвалить не за что, иллюзия сердобольности. При этом не забудьте, что нам выгодно демонстрировать независимость Азербайджана, хотя действительной независимости для коммунистов быть не может. Подведем итоги: Серго, думаю, необходимо оставаться пока в Баку, приняв на себя общее руководство Азревкомом...- и уже отстукано на машинке, ремингтонировано, буквы напечатаны вкривь и вкось, постановление Пленума: считать все положения, высказанные товарищем Сталиным, правильными и немедленно приступить к их осуществлению.

Кара Гейдар зачитывает (аплодисменты), одна мысль сверлит мозг: уговорить Сталина не забирать Мамед Эмина, такой крупный зверь попался, сколько охотился за ним... Дней пять прошло, как ворвался к Нариману и, ликуя, сообщил:

- Мамед Эмина арестовали!

Два события разом в одной географической точке, и оба - через запятую примечательные: то ли Кара Гейдар и впрямь обрадовать хочет Наримана, то ли что выпытать, и глаз косит.

- Рабочий клуб вашего имени в поселке Лагич открыли, там же арестовали Мамед Эмина. Молодец Ширвани!

- Как Ширвани? - краска залила щеки.

- Будто не сами его послали!

- С инспекцией - да, посылал.

- На ловца и зверь бежит! Ловец - это я, сию в Шемахе и вдруг Мамед Эмина ко мне приводят. Вот так встреча! - говорю ему, рука к кобуре тянется. Ширвани мне: В Баку,- говорит,- доставить надо, я и сам знаю, что надо.

- Надеюсь, помните о нашем разговоре.

- Каком? - притворяется.- А... ну да, нет-нет, жив-невредим, скоро предстанет перед судом.

Так глупо попасться!.. Мамед Эмин сменил в Лагиче семнадцать домов, поселок - как

на ладони, слухи пошли, решил - пора, хватит подвергать хозяев риску,- через местечко Кара Марьям, или Черная Мария, выбраться тайными тропами в Тифлис, столицу независимого государства. Не успели (он и провожатый), преодолев крутой спуск в глубокое ущелье, перебраться через некогда полноводную, ныне присмирившую реку Кирдман на тот берег, как столкнулись с конниками новой власти, и его узнал Ширвани, доверенное лицо Наримана,- на радость Кара Гейдару!

- Что такое?! - Чего-чего, а этого не ожидал: под рубашкой Мамед Эмина - флаг Азербайджанского демократического государства! Расхохотался Кара Гейдар: - Надеешься, что вернется прошлое? Никогда! - рассвирепел Предстанешь перед судом мировой революции!

- Что за суд такой? - Мамед Эмин знал, что рано или поздно схватят: не успел тогда бежать со всеми из Баку, затянулось прощание с матерью, женой и детьми, самому младшему, которого в честь республики назвал Азером, всего три месяца... Перед тем снял с древка знамя, обернулся им, спрятал под рубашкой, сверху пиджак, и когда пришел на станцию Баладжары, что под Баку, здесь узел дорог, поезд уже ушел.

- Поставят к стенке, узнаешь, что такое революционный суд!

Нариман приказывал, когда торжественно встречали на вокзале в качестве председателя Ревкома:

- Никаких арестов прежних властей (как горох об стенку), ибо сдали власть добровольно. - Смотрят недоуменно. - Понимаю: обезопаситься и так далее. Но если кто оказывает вооруженное сопротивление.

Так бы сразу: можно не сомневаться, что нам объявят войну.

...Мамед Эмин вздохнул: в его подполье доносились вести о карательных акциях Кара Гейдара, кара - черный, карканье воронье. Спокоен от сознания недавно заверченной работы: начисто переписал и вручил хозяину дома: Побереги, тут описана вся наша судьба.

- ... Но учти,- заметил Кара Гейдару: - Посеяв ветер, пожнете бурю! Вспомнишь меня, когда твои приставят тебя к стене (а и случится!).

...Возвращаться нельзя - бежал из Баку в Шемаху. Но здесь оставаться опасно - на виду у всех, надо в горы. В лунную ночь с помощью медника, с которым учились в школе, перебрался в Лагич. Хозяин рисковал - но как не спрятать друга сына?

Несколько книг на полке. На фарси (давно не читал) Шах-наме, сказание о шахах, Фирдоуси. Не успел вчитаться, как его осенило: вот она, книга, созвучная горьким думам о судьбе родного края. Плененный мелодией строк, прочел о легендарном Сиявуше и его трагической участи, он - это все мы, а теперь сядь и напиши о сегодняшнем Сиявуше, так и назвать труд: Сиявуш нашего века.

Сиявуш - дитя враждующих народов: турок и персов, Турана и Ирана, сын персидского шаха и турчанки. Тщетно стремится Сиявуш примирить враждующие стороны - персидскую и туранскую, чьи крови смешались в нем. И не в силах их примирить - гибнет. Не так ли складывалась и судьба Азербайджана меж двух империй: в одной - вера предков, в другой - язык предков, и развито в нас изящество персов и мужество турок, чуткость одних и нестигаемость других. А потом на вершине горы, где владычил персидский лев, воссел царский орел, и северный Азербайджан стал Российским. Это неожиданно обернулось для Азербайджана благом: он возвратился к самому себе, обрел неповторимость и, вкусив плоды революции, которая разрушила империю, учредил государственность, возродился.

Мы имели своих богатырей. Первый - наша нефть, второй - руда, третий неистребимая тяга к свободе. Свои символы, национальное достоинство и армия. Сломленная было культура обрела крылья. Встав на ноги, мы воспрянули. Но не о нас ли сказал Фирдоуси: И впились алчные взоры, потянулись цепкие руки туда, где богатство и красота,- в юную республику вонзились отовсюду штыки, наступили ее черные дни, начались новые игры.

Азербайджан обратил взоры к Турции, чье воинство помогло вернуть республике ее столицу Баку. Но, увы, народ поверил в сладкозвучную ложь,- и Мамед Эмин назвал, предчувствуя, имя Кара Гейдара (один ли он?),- дескать, Красная Армия спешит через Баку на помощь нашим братьям - войскам Мустафы Кемалю, а заодно - положить, де, конец всяческим притязаниям на азербайджанские земли, прекратить Карабахскую войну.

Наши богатства снова потекли на Север.

... Напали на след Мамед Эмина, надо менять местожительство: сочинение начал в доме школьного товарища, продолжил в лачуге слепого гармониста, далее - в здании поселкового ревкома и управления милиции со множеством входов и выходов - во двор мечети, на улицу, к реке Кирдман, еще потайные двери.

Схватив, повезли в Баскал, далее в Шемаху, оттуда в Баку. Ну вот: все та же Баиловская тюрьма, откуда в давние времена он вызволил Кобу!

Кара Гейдар прикончил бы Мамед Эмина - что ему наримановский запрет? Помешал Сталин: арест совпал с его приездом в Баку (жил в спецвагоне на запасном пути, а у входа - часовой).

Через юного земляка, вертлявый такой и услужливый (заместитель председателя Азербайджанского ЧК, Берия его фамилия, Лаврентий), велел, чтобы срочно доставили к нему Мамед Эмина, вызволив из тюрьмы.

Мамед Эмин оброс, в рваной одежде... в сопровождении двух милиционеров повезли в фаэтоне в город, купили на деньги ЧК одежду, завели к парикмахеру, потом в баню и - на вокзал.

В спецвагоне ждал Сталин.

...Спустя час с лишним, устав ждать, тюремщик постучался в вагон.

- Что вам надо? - недовольно Сталин.

- Извините,- робко заметил,- арестант значит за мной, я его должен сдать начальнику тюрьмы.

Сталин взял предписание и начеркал на нем: Арестованного Мамед Эмина Расул-заде принял. Нарком Сталин.

Повёз в Москву, поручит в Наркомнаце заниматься восточной печатью, изданиями и прочее.

... При встрече в Москве с Нариманом Мамед Эмин не скажет ему, что и его, Наримана, имя названо в книге, которую сочинил, прячась от новых властей, и не в лестном ряду: де, формально правят нариманы, ставя лишь подписи под законами, а властвуют микояны из Центра. Что ж, история рассудит, кто был прав - Нариман или он. Убеждение Мамед Эмина, из какого источника? Однажды вознесенное знамя более не склонится.

Увидев в Москве Наримана, Мамед Эмин поначалу долго смеялся. - До смеху ли?

- Ты прав,- вздохнул Мамед Эмин,- в пору плакать.- И после паузы: - Я убежал от тебя, когда ты с Красной Армией шел в Баку, и чудо привело меня в Москву, а ты бежал от тех, с кем шел. И оба мы изгнанники: я изгнан тобой, а ты своими соратниками, такая вот комичная ситуация... - Фраза после хохота, чтобы отчетливо прозвучала, упрек или констатация. И еще: - Мы с тобой разными глазами смотрим на нашу нацию.- И, не дожидаясь встречного вопроса: - Ты смотришь извне, а я изнутри.

- Выстраданная формула, не рождена импровизацией, угадал?

- Я перебрал свою жизнь и жизнь тех, с кем свела меня судьба, когда скрывался от ищеек Кара Гейдара (и ты к этому причастен), в том числе и жизнь твою (и что сочинил трактат... - рукопись так и не доставят Мамед Эмину: черновик затеряется, беловик сгорит).

- И что же?

- Изволь, объясню. Я, как ты знаешь, родился в семье моллы, на Апшероне, в самой что

ни па есть гуще тюркского народа, а ты - в краю грузинском, где, как любят хвастать, уживаются на пяточке площади церковь, мечеть и синагога, привык соотносить взгляды с мнением инационального большинства, потом жил в Баку, единственно компактное время, столь продолжительное, когда находился в гуще собственного народа, впрочем, Баку город особый, пестрый, а потом - Одесса, Астрахань и Москва, и, после двух лет отсутствия, снова Москва.

- Спасибо, что пристально наблюдал за вехами моей биографии.

- Более того: ты даже не успел посетить края наибольшей мусульманской и тюркской наполненности, Иран и Турцию, хотя и много работал с персами и турками, даже, помнится, обменялся телеграммами с Мустафой Кемалем, которого, по моим сведениям, венчают Отцом турок, это имя, надеюсь, закрепится за ним, звучало б оригинально: Ататюрк.

Да, Нариман действительно обменялся телеграммами... как его назвал Мамед Эмин? с Ататюрком, нет, не телеграммой: послал письмо, в котором пожелал Мустафе Кемалю победы турецкому национальному движению и заверил, что мусульманские коммунисты приложат все усилия, чтобы помочь Турции в справедливой борьбе за независимость.

- ...Ты мне о Шахнаме Фирдоуси и его герое Сиявуше, а я тебе о Низами, все наши сюжеты оттуда.- Нариман пытался спорить.

- Все, да не все,- уклончиво ответил Мамед Эмин.- Но согласен: немало поучительного.

- И о нашей судьбе тоже. Помнишь в Семи красавицах? Там, где Низами рассказывает о туркестанской царевне? Сын Соломона и Балкис парализован, не в состоянии шевельнуть ни руками, ни ногами. И будет парализован до тех пор, пока родители не покаются, не скажут всю правду о себе, ничего не утаивая. Это ли не символика нашего с тобой времени? Сын - наша с тобой парализованная республика, а родители - вожди. Хотя бы мы с тобой. - Мамед Эмин молчал. - Помнишь, как у Низами? Балкис призналась, что очень любит Соломона, он добр, красив, нежен, властен его перстень над вселенной дивной, но если увидит юношу-красавца, не в силах побороть греховных желаний. Едва прозвучали ее слова, как сын вдруг зашевелил руками, и Соломон признался: у меня несметные богатства, горы золота, перлов, серебра, но я всегда смотрю на руки посетителя: с чем ко мне идет, хорош ли его подарок? И только Соломон произнес эти слова - сын пошевелил ногами, поднялся и пошел. Так и мы... Я о бесстрашии признать собственные грехи во имя возрождения Азербайджана. Признаемся же, что, крича о любви к народу, думаем прежде всего об удовлетворении неумных тщеславий, амбиций, жаждем власти и почитания, славы и богатства.

- Это ты о себе?

- О тебе тоже!.. Нет, мы никогда не признаемся, что... Впрочем, я уже повторяюсь.

И такой финал с Мамед Эмином - в дни, когда Нариман в торжественной тишине объявлял состав союзного Совнаркома, предлагая в его председатели Ленина (прикованного к постели), - исчезновение, побег Мамед Эмина!

ВОЛЧЬИ ВОРОТА

Не успел Нариман, вернувшись в Баку, переступить порог Совнаркома, как Кара Гейдар навстречу:

- Говорят, Мамед Эмин за границу бежал? Ничего не скажешь, отблагодарил товарища Сталина!

- Почему бежал? Сталин сам ему разрешил,- придумал с ходу. Поди объясни недругам, - подумал за Кобу, - отчего такая дружба с лидером бывшей мусаватской партии! Хороший человек? Спасал не раз? Ерунду говоришь! самому б себе ответил Коба: надо выдворять, тем более что есть ленинский циркуляр - личное послание Дзержинскому: К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Якобы Мамед Эмин поехал в Финляндию за бумагой для типографии Наркомнаца, используя старые связи с финскими коммерсантами, еще до революции был компаньоном

какой-то бумажной фирмы, и остался там, решив не возвращаться. Из Финляндии в Польшу, иллюзия языковой близости. Далее Париж, где друзья-приятели, отрезанные от родины.

Стамбул. Пять лет напряженного труда и постоянная нужда: выпускает газету, восстанавливает по памяти дорогое детище - сочинение о Сиявуше, что-то утрачено, копия бледнее оригинала, но труд завершен, и это - главное.

Потом изгнание, но прежде вызов в иностранное ведомство: турецкие власти, руководствуясь принципом нейтралитета, которым Мустафа Кемаль дорожит, запретили на своей территории, дабы не дразнить грозного северного соседа, какую бы то ни было эмигрантскую деятельность - ни русскую, ни выходцев из Азербайджана. Что ж, благополучие самого великого тюркского государства в интересах всех тюрков. При этом выразили личное сожаление Мустафы Кемала (вроде б уважение проявили к лидеру бывшей Азербайджанской республики). Просил аудиенции у Мустафы Кемала, нашлись ходатаи, и встреча состоялась. Обычно неразговорчивый, Мустафа Кемаль на сей раз (очевидно, речь азербайджанца пришлось по душе) долго не отпускал собеседника, предаваясь воспоминаниям, и тогда глаза смотрели мягко, а то грозен и решителен, суровые нотки в голосе.

- ...Вам ведомо, как мы наказали высокопоставленных наших чиновников за их заискивающие перед англичанами заверения, что якобы новая Турция готова объединиться с горцами Северного Кавказа, Дагестаном и вами в некое федеративное государство, буфер между Западом и Востоком, и, в случае необходимости, мобилизовать для борьбы с большевизмом под руководством турок и при поддержке Англии. Но мы обязаны своей победой России, она в сравнении с другими государствами ведёт игру честную, пока!.. - Разговор продолжился, записанный по свежим следам в тот же день Мамед Эмином:

- ...строжайший запрет и на деятельность русских белых, более значительную, нежели туркестанская и ваша, просят о новой отсрочке для пребывания в Турции. Мы предоставили возможность, с согласия Москвы, жить у нас Троцкому, но он не белый, к тому же у меня с ним хорошие отношения. С Россией,- усмехнулся,- шутить опасно.

Прилив-отлив, как на апшеронском берегу, и такая вдруг тоска охватила Мамед Эмина: неужели никогда не ступит его нога на мягкий желтый песок, и плеск шелковых волн.

- ... Впредь, как президент, я наложил строгий запрет, и это нашло отражение в конституции, на участие Турции в какой бы то ни было войне, затеянной большими государствами, иначе - исчезновение Турции как государства.

Вчера - Сталин, сегодня - Мустафа Кемаль, кто завтра? Завтрашний, с кем доведется беседовать, еще не возник на горизонте - Гитлер!.. Последняя надежда Мамед Эмина, покончив со скитаниями, вернуться в родной край победителем.

- Дразнить зверя, чтобы растерзал там наших родных?

- Я надеюсь, что Коба... Мир не позволит большевикам творить беззакония.

Нет конца скитаньям Мамед Эмина. Его последышу Азери почти девять такая долгая разлука.

В Варшаве - съезд мусаватской партии (в изгнании). Как разбитая армия, скликающая оставшихся в живых.

Влечение к полячке Лильяне... Измена жене? Семье? Никогда никому не признается - утратил надежду на встречу с родными. Такое редкое имя,- назвал на тюркский манер Лейлой, станет постоянной спутницей (и закроет ему глаза, когда придет срок).

Во Францию, где средоточье земляков (и эмигрантские дрязги). Лекции, за которые не всегда платят. Нет, не могут без интриг, поклепов, клеветы,- вся Россия в Париже представлена, и каждая эмиграция ищет виновников вовне.

И подвергнули земляки сомнению искренность лозунга Мамед Эмина надо, вынести в заглавие:

ОДНАЖДЫ ВОЗНЕСЕННОЕ ЗНАМЯ БОЛЕЕ НЕ СКЛОНИТСЯ, или КНИЖНАЯ

ГЛАВА

Разумеется, - строчит недруг, - азербайджанские политические деятели вправе требовать от г-на Расул-заде объяснений, ибо не могут допустить, чтоб г. Расул-заде, молчаливо предавший большевикам нашу родину, не только продолжал выступать в качестве представителя национального Азербайджана, но, какой позор!! ещё называться "национальным шефом", как его величают приспешники.

О побеге его - в кавычках: мол, перед тем, как удачно (с заковыркой!) бежать от большевиков, а точнее, до своего так называемого приезда сюда из Москвы, где Мамед Эмин гостил у Сталина, присылал угрожающие письма по адресу азербайджанской делегации, вынужденной жить за границей, в особенности ее председателя покойного Али Мардан бея Топчибаши, чтобы мы прекратили, де, лить грязь на большевистскую власть, то есть власть своего кремлевского друга...- хоть бы одно письмо Мамед Эмина в доказательство!

Рой вопросов на голову Мамед Эмина в национальной прессе за рубежом от имени (в этом мы отменные мастера) народа, и все вопросы помещены для наглядности столбцом:

правда ли, что вы способствовали передаче нашей власти, родины, демократии, а следовательно, и всего Кавказа (!) большевикам?

каким чудом вам все-таки удалось спастись от все сильного ЧК? почему вы всячески препятствуете работе нашей, направленной против большевистской заразы, против поработителей нашей родины? опасаетесь навлечь гнев Сталина, нарушив данное ему обещание молчать?

Германия. Именно здесь - новая надежда: а вдруг?.. И могучее немецкое оружие, покорившее полмира, пробивает путь к свободе родного края, триумфальный въезд в новый независимый Азербайджан!.. Прежде - пленение Сталина. Впрочем, Гитлер не уступит никому своего пленника... - Мамед Эмин снова его спасает? знать бы заранее - дал бы утопить в нефтяном чане?

Жила в нем месть, не скроет. Не обмануться б снова, понадеявшись на могучих немцев, как однажды в Турции, однажды ли?..

Много бесед-допросов, прежде чем допустили до фюрера, и он удостоил Мамед Эмина, узрев в нем лидера, личной встречи (будет еще одна - перед тем, как Мамед Эмин сбежит, как некогда - от Сталина): Гитлер передает в руки Мамед Эмину политическое руководство азербайджанским легионом, из числа военнопленных, и Мамед Эмин призван оправдать доверие фюрера, участвуя в битве с нашим общим врагом большевизмом.

- И в будущем независимый Азербайджан? Равноправный союз миров тюркского и немецкого на обломках сталинской империи?

Сомнения возникнут после: неужто удел Азербайджана - быть всегда колонией, московской ли, берлинской, турецкой? И единый цвет знамени у всех троих - кровавый? Лишь смена имперских одеяний? Но не довольно ли играть звонкими фразами в восточном стиле, пребывая в мире несбыточных иллюзий?.. Из словесной вязи ткется узор меморандума: он порывает с Гитлером, выступая против имперских амбиций фюрера,- не для того большевики ссадили меня с коня, чтобы затем сесть на осла.

Бежав из Германии, укрывался у давнего приятеля - посла Турции в Бухаресте. Но опасно и подвергает хозяина риску, надо уходить в горы, как некогда в Азербайджане: там - нагорья шемахинские, здесь - швейцарские. Прячась в Лагиче от большевиков, находил утешение в обществе великого поэта Фирдоуси, а прячась от фашистов - утешение находил в обществе другого великого поэта - Низами (И ты - моя великая поэтесса, увы, ещё не признанная в мире, - говорил Лильяне, а она отвечала: Я пишу их для себя и в твою честь. Стихи, написанные для одного человека? - спрашивал он и добавлял: Какая, однако, судьба нам выпала: польские стихи, посвященные тюрку и сочиненные на чужбине.

О Низами сочинял по памяти, это было данью восьми векам жизни земляка-гянджинца.

Тянет Мамед Эмина в этом хаосе бомбежек, разрухи, беспокойства (то триумф фюрера, то победы красных, и от обеих вестей тревога в душе) говорить о вечном в поэзии Низами - любви, и такая она земная с тайнами, изменами, коварствами, ревностью - без пошлой стыдливости и сентиментальной слащавости. Видение Бога в прекрасной женщине - самое совершенное. Как выразить, какими словами - лишь язык оригинала фарси хранит непередаваемую мелодию, и двое немолодых мужчин, Нариман и Мамед Эмин, оба познавшие сладость власти, отраву интриг, горечь изгнания и тщету надежд, будто поняв вдруг брэнность мелких неурядиц и дрызг, и что упустили в погоне за призрачными благами, съдаемые тщеславием и честолюбием, нечто важное, спешат вернуть утраченное поэтическим состязанием, дуэлью,- декламируют по памяти строки любви Низами.

Кто б со стороны подглядел: в голодном и холодном Кремле, в чьём воздухе разлита вражда, жаркий поединок образов любви; Нариман - Мамед Эмину, Мамед Эмин - Нариману, и не вспомнить теперь, кто первый умолк, не сумев ответить строкой о земной любви.

Мамед Эмин: Она как жемчуг - не просверлена, а Нариман - похожее: Жемчужину рубином он просверлить хотел.

М.Э.: И поладил с ней, как с нижней верхняя струна.

Н.Н.: Миг один ему остался - крепость сокрушить, и бушующее пламя влагой потушить.

М.Э.: Редкий жемчуг, сокровенный, в раковине был, он жемчужницы бесценной створки отворил.

Н.Н.: Но железо было остро и горяч огонь.

М.Э. (не помнит, но прежде им было произнесено): То, о чем не подобает разговор вести, говорю тебе, читатель, Бог меня прости.

А Н.Н. ему в ответ: Мощь духовная в уменье страсти побеждать.

На это М.Э. (вспомнил!): Рыба вольная из сети в водоем ушла, кажется, так.

...Прятаться не от кого, разве что от бывших своих: конец войне, перебрался в американскую зону (визу в швейцарский Фрайбург не получил), а оттуда в Стамбул. Земляк явился, Али Туран, солдат бывшего азербайджанского легиона. Что вы? - доказывал он американцам, в чью зону бежал.- Какой я азербайджанец? Я тюрок! - чтоб союзники не выдали его советским оккупационным войскам: предательская договоренность есть - всех пленных по национальным квартирам, а это - гибель. Но если тюрок - может отправляться в Турцию. В Стамбуле встречал Мамед Эмина, когда тот прибыл сюда с Лильяной-Лейлой, бездомный, почти нищий,- приютили, помогли. Мамед Эмин спас его однажды от гибели: вздумали смельчаки разыграть в плену историческую драму Самеда Вургун Вагиф, она была популярна диалогами персидского шаха-тирана Каджара с вольнолюбцем-поэтом Вагифом, везиром Карабахского ханства. Донёс земляк-одноклассник, их всем классом тогда на войну отправили - Али Турана, Зию Первого, который донёс, потом избрал себе псевдоним Роман, мол, жизнь моя - это роман, дескать, Али Туран декламирует стихи коммунистического поэта. Да,- сказал Мамед Эмин, идеолог легионеров, гестаповцам, отводя от Али Турана беду,- поэт живет в коммунистическом Баку, но клеймит в образе шаха Каджара кровожадного тирана Сталина (скорее, подумал при этом, вашего Гитлера, нежели Сталина, пред которым!), так что стихи формируют у легионеров гнев к большевикам.

Еще у них был одноклассник, призванный в армию, тоже Зия, но Второй, драчун из драчунов, сумел выйти из окружения, потом... - дороги войны неисповедимы: Зия Первый с горсткой отчаянных легионеров защищал Рейхстаг, а штрафник Зия Второй штурмовал его, о чем они узнали, встретившись стариками на каком-то международном форуме мира,- первый как подданный Турции, а второй... не ясно, какой страны гражданин: СССР рухнул, в Азербайджане хаос.

Сердечный малый Али Туран: рыжая копна волос на голове, женился недавно на

знатной турчанке из султанского рода, заглянет к Мамед Эмину с какой новостью, восторженно горят глаза:

- Трумэн Сталину нос утёр, ультиматум послал, чтобы убирался из Иранского Азербайджана, не то бросят на Москву атомную бомбу!

- Не радоваться, - озадачил гостя Мамед Эмин, - а плакать! - И пояснил: - Дело шло к объединению Азербайджана, некогда разделенного царем и шахом на северный и южный, если б не ультиматум Трумэна, заставляющий Сталина покинуть Иранский Азербайджан...- Отдышаться, астма замучила, Али Туран терпеливо ждёт: болеет аксакал. - ...Империя Сталина не вечна, и тогда Азербайджан остался бы единым государством. А ныне что? - И про себя: О каком единстве толкуешь? Мустафу Кемалья вспомнил, как тот ему: У вас, мне говорили, вы все еще делите нацию на бакинцев, гянджинцев, ленкоранцев... напомним еще, - и Мамед Эмин напомним про шекинцев, карабахцев... - а мы, добавил Мустафа Кемаль, - запрещаем употребление различительных племенных наименований, все мы турки, это закреплено в конституции.

... Наримана давно нет, Кобы-Сталина тоже, умер в день, когда в Турции праздновалось пятисотлетие завоевания Константинополя, ставшего Стамбулом, Ислам бол, или Много ислама, пишет воспоминания о своем давнем спасителе, которого прежде не раз спасал сам, кто мог знать, кого спасал? - записки пространные, договорился с газетой Дюнья (Мир), из номера в номер будут печатать- о величайшем тиране всех времен и народов, плюс демагоге, диктаторе, террористе-казнокраде, императоре, достойнейшем потомке всех прошлых неронов и чингисханов. Еще о чертах его духовной физиономии: ограниченный и хитрый, мстительный и вероломный, завистливый и лицемерный, наглый и хвастливый, упрямый... - сколь наивны были предшественники, и Нерон - дитя. Скоро, чувствует, и его самого не будет. Одно лишь близкое существо - верная полька Лильяна, его Лейла. Поймал бакинскую волну, родные звуки: и речь, и музыка Узеир-бека. Мамед Эмин вычеркнут из памяти народа, кто о нем знает? Впрочем, вычеркнут и Нариман, это вроде утешения, объявленный... - о, гримасы истории: Нариман, который трубил о братстве наций, поддакивая лицемерным вождям, - националист?! Возглавлявший, как о том кричали со всех трибун, власть трудящихся, и - враг трудового народа?.. Волна, на которой только что звучал божественный голос Бюль-Бюля (газель Низами Без тебя), и стамбульская квартира Мамед Эмина была залита щемящей мелодией, она плыла над огромным городом, самым красивым в мире, вдруг заглохла, пошли хрипы-помехи, мешанина чужих речей, а потом гнетущая тревожная тишина. Узнать бы: в раю Нариман или в аду?

По деяниям быть тебе, Нариман, в аду, но помыслы твои были чисты и искренни, и потому блаженствуешь, надеюсь, в раю. Мой путь, как ты видишь, привел к тупику, но и твой не вывел на светлую дорогу. Хоть изредка поглядываешь на земные дела, Нариман?

ГЛАВА ПУНКТИРОМ, или КЛЮЧИ В РАЙ,

и республика заживет свободной, счастливой, множество эпитетов выстроилось, независимой жизнью.

... Наримана младолевые обвиняют в попустительстве к бывшим: к Гаджи, к царским (и мусаватским!) генералам - военному министру Мехмандарову, его заместителю генералу Шихлинскому... - удержать нити власти, не поймет, накоплен уже достаточный опыт,- кто реально правит здесь, в Азербайджане.

Ты правишь. Ну да, декреты. И безответные просьбы.

Ты о Соловках, чтоб сосланных оттуда вернули?

Что ж, пора во всеуслышанье рассказать о некоторых итогах советского строительства в Азербайджане, этой изнурительной борьбе.

Думал, на блюдечке? Вот тебе власть, а с нею ключи от врат рая.

Увы, как началось - так и пойдет. И обвинят во всех грехах потомки тебя: ты поверил,

ты пригласил, ты изгнал, а теперь, снявши голову, плачешь по волосам (тюркский бы какой вариант!).

Но еще не поздно.

Хотя бы предупредить!

Кого?

(Взять в губы травинку, как это бывало в Астрахани, и задумчиво уставиться, не ввязываясь ни в какую борьбу, в медленно текущую реку со всею неторопливою на ней жизнью - баржами, пароходами, гудками, рябью, веслами, парусами, плеском волн, тиной, выброшенной на берег, птицами) - написал и вычеркнул, но оставил, не вымарал, читается, хоть и зачеркнуто, это как в учебнике по логике, который штудировал, чтоб экстерном сдать экзамены, получить диплом для поступления в университет: вычеркнул, ибо неостроумно, банально, но отсюда вовсе не следует выводить силлогизма, что все невычеркнутое - остроумно и оригинально).

НЕМЕРКНУЩИЙ, ибо под фитилем, кого держит поплавок,- неиссякающее масло нефтяное, МАЯК как будто светит, и Нариман никогда до конца не признается, что ошибался, служил неправому делу.

Изначально идея (мысль?) была - опереться, забыв о былых притеснениях, на мощь Красной Армии, погасить братоубийственные войны... - нет, об армии ни слова, отложить армейские свои возмущения: грабежи, бесцеремонное хозяйничанье... и, завоевав независимость (но с помощью армии!), стать властелином судьбою данного тебе богатства - нефти, образцом - тут не может быть иных мнений - для всего мусульманского, тюркского мира.

Нет, упреки есть поважней. И не упреки - беда. Так и заявить, подводя итоги и не веря, что эти мои записки, коих накопилось немало, способны хоть что-то изменить. Новая безответная телеграмма в Москву, копия ПредЧК: В связи с созданием АзКрасАрмии и недостатка комсостава, владеющего тюркским языком, вернуть офицеров тюркского происхождения, высланных из-за ссор (шифр: репрессированных) в Холмогоры Архангельской губернии, - будто в Москве не знают, где находятся эти Холмогоры. Освободить из концлагерей, тюрем, домов заключения лиц как гражданского, так и военного ведомств, подвергнутых репрессии, пока я был в пути, следуя в Азербайджан за армейскими частями, впрочем, и сегодня тоже, Особыми отделами 11-й армии, АзЧК, Моргика, Водтранса, другими учреждениями. Ввиду неполучения ответа текст передаю вторично. Может, превратим Баку, как и всю страну, в тюрьму, откроем новые дома заключения? Или на бумаге так пишется - выволить из рабства угнетенный Восток? Когда в древности строился дом, во главу угла лилась кровь. Если во главу нашей политики тоже нужно положить кровь, то кровь непременно прольется.

Съезд народов Востока - новые имперские игры, общее впечатление таково, и я его выскажу, что мы хотели показать собранным у нас в Баку представителям народов Востока, как умеем, в том числе и я, красиво и вдохновенно произносить речи, какого совершенства достигло у нас фотографическое дело, когда ораторов снимают в позах, пугающих европейский капитал. Ллойд Джордж, получив фотографическую карточку, где представители народов Востока, воинственно выпучив глаза, а это лишь признак базедовой болезни, держат в руках обнаженные кинжалы, шашки и ножи, нацелились в объектив дулами револьверов, был наверняка страшно напуган и дрожащей рукой написал Чичерину: Сдаюсь! Вы победили! Диктуйте ваши условия!..

На словах одно, на деле - другое: наше лицемерие беспредельно, норовим обмануть не моргнув глазом, вы скажете: это политика! простодушного афганца, который поверил, что мы - сама справедливость, единственная в мире страна, по-братски к ним настроенная. Клочок земли, некогда захваченный царем, стал поводом для бесконечных раздоров, и Англия, играя

на этом, доказывала Афганистану захватнические наши устремления. Но отчего нам не уступить, дабы реально показать, что не преследуем империалистических целей, тем более что эта земля - исконно афганская?

Чичерин, когда я ему это предложил, от неожиданности опешил, в глазах зажегся гнев: отдать?! Но сказать нет, выдав тем самым себя,- ни за что! И ловкий ход: надо-де посоветоваться. С кем? Военным ведомством, разумеется. А там ответ ясен: что захвачено - моё. Карахан подлил масла в огонь, барским голосом сказав при мне послу Афганистана: Еще неизвестно, позволим ли существовать Бухарской республике! Сказать такое афганскому послу: для него самостоятельность Бухарской республики наиглавнейшее доказательство значимости революции в судьбах окраин бывшей империи,- смотрит на меня недоуменно, и в глазах его читаю: Смеешь утверждать, что вы независимы!

- После того, что я от вас услышал,- говорит посол Карахану,- можно ли верить вашим заявлениям и декларациям, подписанным Лениным? - И снова на меня взглядом: Нет, верить вам нельзя! Что ж,- после паузы,- если таковы ваши намерения, поеду в Европу, может быть, там нас поймут лучше.

- Из Москвы, - говорит Чичерин, - нет дороги в Европу. - Нарком оскорблен, видите ли, что посол - не робкий малый.

- Тогда вернусь в Кабул и поеду в Европу оттуда.

Сколько усилий мне стоило уговорить посла не делать этого, преодолевая упрямство и оскорбленное грубостью Карахана и нелепой фразой Чичерина самолюбие посла. И я убедил его, не надо было убеждать! не поддаваться эмоциям, и конфликт был погашен.

Что ты хочешь сказать? Мало что изменилось в империи?

Я лишь об ошибочной восточной политике, которая привела к басмачеству и авантюре Энвера-паши.

Неисправим! Может, напомнить, что сказал о тебе однажды Чичерин? Видя детали, не замечаете целого. Это простительно,- смягчил,- художнику, а политику - нет.

В Баладжарах, когда меня торжественно встречали, один старый мой друг заметил: Твой приезд кстати. Может, будет положен конец тем безобразиям, которые происходили здесь до тебя. - И, видя недоумение моё, добавил: - Под знаменем большевизма грабят и растаскивают Азербайджан.- И чтоб я не подумал, что бесчинствуют лишь пришлые, уточнил: - Твой ревкомовский президиум тоже, наши юные левые.

Первое, что я сказал, собрав Ревком: - Без моей санкции никого не смей подвергать репрессии, а тем более расстреливать!

Что началось!.. Истерика младокоммунистов, недоумение Кара Гейдара, возмущение Гусейнова, моего зама, которого тут же поддержали Серго и Микоян. Это тот самый Гусейнов, который в 18-м году ругал меня за мои призывы к союзу с Россией, а теперь выставляется националистом. Урезонил, погасил наскоки и не успел закрыть заседание, как является ко мне почтенная дама, вся в слезах:

- Защитите,- просит,- честь семьи.- И в страхе оглядывается.

Короче, узнаю, что Гусейнов просил руки ее дочери, та отказала, мол, любит другого, но каждую ночь агенты ЧК врываются к ней в дом, терроризируют семью, производят обыски, дети нервничают, издерганы все. Вызвал Гусейнова, категорически его предупредил, а Микоян мне при нем: - Ну и дура, что не выходит за такого красавца, как наш Гусейнов!

Рассказываю Серго, а он: - Это пустяки, лучше о революции в деревне давай подумаем.

И какой она видится, эта революция? Ломинадзе (Серго согласен):

- Сжечь ханские и бекские усадьбы, дать понять крестьянину, что революция пришла бесповоротно.

- Почему жечь? - спрашиваю.

- Так сделано в России,- отвечает.

- Но мы не Россия. К тому же в Азербайджане беки - одно лишь грозное имя, и почти все истинные сбежали, не лучше ли предложить переселиться в усадьбы, ежели пустуют, чем жечь?

Я, мол, защищаю беков и помещиков! Шатуновская им поддакивает, а я, наивный, толкую о нашей наиважнейшей задаче - строить. И не отвлекать массы на расправы, экспроприации, поджоги и грабежи.

Да, соха, топор, телега, колесо, лошадь, мазанка-землянка, малярийные дети, солончаковая земля... картины родных просторов.

Держа живейшую связь с Советской Россией и не особенно рассчитывая на ее помощь, ибо сама бедствует,- напротив, с первых же дней мы бросили лозунг: Помочь Советской России керосином, бензином, нефтью! - без весов и бухгалтерских записей, морем и по железной дороге, без, как говорится, акцизных чиновников и замеров ёмкостей резервуаров. И первый пароход с нефтью был отправлен в Астрахань торжественно, с пронзительным свистком и пушечным выстрелом.

И при всем при этом надо вести отчаянную борьбу с теми, которые не желают считаться с местными национальными условиями, действуют по общему российскому шаблону.

- Вы голодны и раздеты,- говорят они рабочим,- мы хотим вас одеть, обогатить имуществом буржуазии, а вот Азревком в лице Нариманова не позволяет нам проводить повальные обыски.

Хаос вседозволенности, этот террор, оскорбления, унижения человеческого достоинства,- история нашей революции пестрит страницами анархии беззаконий.

Я неоднократно заявлял: Бакинский комитет развращает рабочих, разлагает партию, но Серго обратил на это внимание только тогда, когда Бакинская партийная организация устроила ему кошачий концерт.

Что ж, я высказал наиболее и не желаю быть соучастником развала революции, гибели нашего общего дела. Пусть продолжают те, кто вместо хлеба кормят народ красивыми революционными фразами,- их говорено много, в том числе и мною, увы, тоже. Что дальше?

Ежедневное явление представителей наркоматов с аршинными мандатами инспектируют Азербайджан как свою вотчину: войдут бесцеремонно, хватают за жабры и давай выкладывай, будто в чём провинился,- впечатление скандальное!

Извинения Чичерина? Да, было однажды: мол, Наркоминдел безусловно признает необходимость ограждения азербайджанских властей от произвола как военных начальников, так и налетающих с мандатами из Центра чиновников, но что толку?! Чаше - без извинений, накажут, пригрозят, в демагогию ударятся: Ах, свободы вам? И припугнут перенесением столицы республики в Гянджу, а стратегический Баку передадим в состав России!

Нариманов нам нужен только для вида,- говорил Микоян. Центр его отозвал, но Микоян оставил здесь своего надежного наследника - Саркиса, который выдвинулся исключительно благодаря своей изощренной революционной демагогии. Ярый коммунист, всегда до тошноты выступает против дашнаков, чтобы снискать доверие и сыграть роль покойного Шаумяна, кого копирует.

Дружба Серго с Микояном? Впрочем, что такое для Серго, который всегда в колебаниях, дружба с кем бы то ни было? Заметил однажды Нариману: Противно, когда знаешь, что этот человек (о Микояне) безчеловечно (с 3) настроен к дашнакам.

А доносы Гусейнова Чичерину, устные и письменные, - не слушай, сын мой, а то ожесточишься сердцем! - с пеной у рта доказывает, что он, Гусейнов, занимает левое крыло, прогрессивен, а Нариманов - правое, не дает революции развернуться вовсю.

Текст послан Ленину с нарочным, следом телеграмма (копия Сталину): Мною отправлен в Москву рабочий Касумов специальным докладом и письмом. Прошу принять, выслушать. Нариманов.

Дни бегут.

Вызов в Москву, грозные нотки в приказной телеграмме Сталина: немедленно выехать (для обсуждения поставленных вопросов). А устно - может, отступит? Чтоб не мешать революционной поступи - шагать по трупам? Перед поездкой - новая телеграмма: Ленину (копия Сталину).

От предлагаемого не отказываюсь и не откажусь. Если вызов в Москву имеет другую цель, то это излишне.

Слякотный октябрь, 21-й год. Заседание Политбюро. Как в тумане. Думы, окрашенные в немыслимо серые тона. Голоса вдруг пропадают, диковинные жесты, шевеления губ. Клыки им еще нарисуй, атакующим. Рога с отточенными концами. Час, два... Может, хватит? И Серго здесь, срочно вызваны из Баку младокоммунисты, воинствующие левые. Председательствует Ленин: Потребовать прекращения фракционной борьбы. И только? Нет, еще, по настоянию Ленина: оказать политическое доверие Нариманову. И завершающий пункт: инцидент (слово искали долго, нашли и обрадовались) считать исчерпанным.

Голод. Воспоминания о старорежимных обедах: чай с повидлом, а в перерыве между заседаниями - пирожное на сахарине.

Встреча с Мамед Эмином. Усмехается. Нариману чудится издевка: над его наивностью смеется: перегрызете, мол, друг другу горло, кто чью кровь раньше выпьет. Знает младокоммунистов.

- Еще не раз прибудешь, - говорит Нариману, - в поисках правды.

- Тебе что? - И русской ему поговоркой: - Твоя хата с краю.

Будто ничего не было - отшумела гроза, и все по-старому.

Был вопрос Серго, еще в 20-м году: - Должна ли Азербайджанская республика существовать самостоятельно или войти как часть в Советскую Россию?

Кара Гейдар (а следом Гусейнов): - Никакой самостоятельности нам не нужно, Азербайджан необходимо немедленно присоединить к России (понравиться Центру, доказав свой интернационализм).

Серго - к Нариману: что он думает по этому вопросу?

- Мне важно знать ваше мнение.

Нариман: - Азербайджанская республика непременно должна быть самостоятельной. - И, видя недоумение Серго, смалодушничал, никогда не простит это себе. - Во всяком случае, до советизации Грузии и Армении, добавил. - Почему-то перед глазами неизменно сын Наджаф, кто ему расскажет, когда подрастет, как было на самом деле? Слушали Наримана молча. Потом нарастал гул. Перебивали. Выкрики с мест. На новом обсуждении летом 23-го без Ленина. Философия осечки?

В моем требовании проявить максимум внимания к тюркам левые видят национальный уклон. Сейчас Серго нужны силы для борьбы со своими грузинскими и тюркскими противниками, среди них он числит, очевидно, и меня, поэтому и опирается на тех, кто спекулирует броскими революционными лозунгами.

Центр доверяет Серго, а он - тем, которые для укрепления своего положения лакействуют перед ним, крича о национальном уклоне в Азербайджане (и Грузии). Никто в Баку так не разложил рабочих ультрареволюционностью, как Микоян. Он, правда, не доводил дело до подкупа рабочих подачками от реквизиций, как его ставленник Саркис, который играет на низменных настроениях масс, взвинчивая истерию классово-борьбы, дабы прославиться как настоящий коммунист; я предлагал ему ехать в Армению, где острая нужда в истинных коммунистах, - отказался (не пожелали с ним работать и в Армении); наконец-то, уразумев что к чему, потребовали его отъезда, и что же? Тут новая комедия: Гусейнов приказывает отцепить вагон Саркиса и распространяет слух, что рабочие не желают расставаться с ним и потому, де, отцепили вагон, бесстыдная ложь! Но вот Саркис уезжает, и

его место занимает Мирзоян исполнителем плана престолонаследования по национальному признаку выступает умело действующий в Центре Микоян, как более умный из них.

Я открыто говорил и скрывать не намерен, хотя понимаю, что могу выставиться в кривом зеркале, что с учетом исторической реальности необходимо в первое время категорически воздерживаться от назначения товарищей армян на руководящие посты в Азербайджане, причин тут немало, и в моих предложениях ни в коем случае нельзя усматривать антиармянские настроения: о том, как отношусь к братьям-армянам, говорит вся моя прошлая общественно-литературная деятельность, мой роман Бахадур и Сона. Первая среди причин - мартовская бойня тюрок, три кошмарных дня разгула озверевших дашнакских банд, о чем я умалчиваю, дабы не накалять страсти.

Сначала они, потом мы, снова они, и мы в ответ, и уже трудно разобрать: кто первый бросил камень.

- Мы изгнали! - восторженный рёв, пальба в небо, и не подумают, что целятся в Господа.

- Мы победили! - Но и тот, кто победил сегодня, изгнав чужих из собственного их дома, разбудил в соседе зверя и будет растерзан завтра. Катится-перекатывается огонь, разруха, смерть через горы и леса, по улицам и домам, черный дым, ни пахаря, ни кузнеца, некому жить на этой земле, проклята Богом.

Оба гонимые, оба гонители, палач - жертва, жертва - палач.

Завершить мысль: неужто, как о том пишут персидские и турецкие газеты, всё это посеяно коммунизмом и взошли всходы? Вот что несет Востоку коммунизм: террор, истерия борьбы, народ на народ, сын на отца, обируют даже женщин-мусульманок, срывая с них чадру в поисках драгоценностей, ожерелья-жемчугов, золотых украшений, а заодно поглазеть, чтобы удостовериться: не враг ли прячется под чадрой? Я уже говорил и повторюсь: мы добровольно объявили нефть собственностью всей страны, но зачем нужно было создавать в республике монархию во главе с королем Серебровским, который лихорадочно и подчистую вывозит нефть, хищнически опустошая недра и ничего взамен не отдавая Азербайджану? И при этом тюркский крестьянин, не имея керосина, зажигает лучину. Невежество и малярия косят людей. Я целый год воевал с Серебровским по поводу процентного отчисления нефтепродуктов в пользу Азербайджана - все впустую!

А что ответственные работники-мусульмане? Председатель ЦИК Агамали-оглы? Предсовнаркома Мусабеков? Да они выдвинуты на эти высокие посты для того, чтобы помалкивали!..

На одном собрании мусульманских рабочих Агамали-оглы, дабы прослыть атеистом и понравиться младокоммунистам, в религиозный праздник Шахсей-Вахсей нелестно отозвался о шиитском великомученике Гусейне, сыне Али и внуке Мухаммеда, память о котором священна:

- Сдался вам Гусейн, нашли кого оплакивать: он ведь был трусом! Что началось!.. Еле успокоили возмущенный народ, нашелся к тому же рабочий, который, выйдя на трибуну, уличил Агамали-оглы в невежестве: мол, имаму Гусейну предлагали управление целой областью, но он избрал путь борьбы с несправедливостью. Трус не тот, кто с семьюдесятью плохо вооруженными сторонниками воюет с превосходящим его в десятки раз противником, а сам Агамали-оглы, который, боясь левых, скрывает от народа истинное положение дел в республике, вводя в заблуждение партию, из-за портфеля, из-за кресла гнусно врет!

А потом узнаю о вопиющем факте, до которого никто прежде не додумывался: организовать, разжигая атеистическое пламя, суд над пророком Мухаммедом, вчинив ему иск за проповедь и практику многоженства!.. Мало нам нелепых литературных судов, затеянных книгочеями над Раскольниковым, Обломовым, Онегиным, погубившим поэта Ленского... - не хватало суда над пророком Мухаммедом! Подобной, с позволения сказать, пропагандой мы

окончательно угробим... - и тирада Наримана про дело построения на земле нового общества.

Истории эти поучительны, я резко выступил против подобной ультрареволюционности, и что же? Новое возмущение против меня!

Киров приказал выставить вооруженную силу против религиозных обрядов и - открыть огонь по траурному шествию, сочтя, что это - бунт. А что до Серго, то кто-то - Ленин, вот кто! - очень или слишком переоценивает его государственный ум: спасение революции Серго видит в затыкании ртов и мордобитии. К каким только приемам не прибегал он, пользуясь поддержкой Кобы (в скобках: Сталина) на последнем съезде коммунистических организаций Закавказья, чтобы изничтожить своих противников!.. Стыдно обо всем этом говорить. Мы были сильны пропагандой в Европе, привлекательными лозунгами, мир, затаив дыхание, ждал, как мы будем их претворять. То, как мы создаем, точнее, насильничаем, пугает Европу и Азию, пред людьми встает вопрос: так ли он хорош, этот новый мир, куда нас зовут?

Можно, конечно, население маленького Азербайджана, постепенно отесняя, вовсе устранить, дабы не мешал возводить величественное здание социализма. Но из кого тогда будет состоять республика? В собственной республике, ее столице, турки поневоле должны обращаться, устно или письменно, к служащим Баксовета, Нефтекома, членам Правительства, в партийные организации на русском языке, так как там, куда они приходят, не говорят по-туркски. Иной вождь, приезжая в деревню, не может говорить с народом на его языке. В Грузии иначе, крайность другая: все на грузинском и по-грузински. Хочется верить, что этот канцелярский идиотизм скоро сойдет на нет, и все серьезные работники - русские, евреи, армяне, грузины, немцы, представители других народов, избравшие родиной Азербайджан, будут знать туркский язык, если и не вполне читать-писать, то хотя бы понимать его, говорить на нём.

При царизме, при Керенском, когда была городская Дума, такого, чтобы стеснять туркское население, заведомо игнорируя его естественное право жить в условиях свободного бытования родного языка, сроду не было. Разве обо всем этом не ведают товарищи Киров, Мирзоян? Они знают лишь одно: выкачать из недр нефть, опустошая землю. Я фиксирую все это, чтобы история знала, кто виноват в нашем крушении, которое неминуемо, если будет продолжаться то, о чем пишу. Мы на краю пропасти. Жить самообманом до катастрофы? Этот документ не имеет возможности увидеть свет, но настанет время, когда народы поставят известный российский вопрос: Кто виноват?

Мысли, как это часто, обгоняли слова, а слова торопили мысли.

- Я все имена записал (Сталин - Нариману, после доклада).-Из вашего выступления.-И стал считывать с листа: - Серго, Кара Гейдар, Гусейнов, Микоян, Саркис, Мирзоян... насчет эстафеты крепко сказали! Агамали-оглы, Киров и так далее, еще Серебровский, даже два Раскольникова в игре вашей литературной, зачеркнутое подглядел.

- Привычка чекиста?

- Конспиратор из вас никудышный.

- И что же?

- Не нужно было касаться личностей.

- Но дела делаются конкретными людьми и должны быть названы.

- Для будущих поколений, разумеется?

- Мой доклад К истории нашей революции на окраинах. Все, кто играл ту или иную роль в Азербайджане, должны быть охарактеризованы.

- Не достаточно ли того, что сказал о Серго Ленин в известном письме, рукоприкладство и прочее.

- А что прочее?

- Чрезмерная аляповатость, фельдфебельство.

- Зиновьев сказал резче, вы слышали: Серго зарвался, а Сталин, вместо того, чтобы остановить Серго, его поддерживает.

- Ах так? - насупился.

Серго оскорбил Филиппа Махарадзе, бедняга, как и я, строчит записки в Москву, надеясь, что покончат с приемами гражданской войны в условиях мирной обстановки: мол, надоело считаться со стариками с седой бородой, никак не поймут, - Серго выполнял наказ Сталина заклеить националов, кончать с их особым мнением, - что самостоятельность, о которой мы толкуем, есть пропаганда (в уме - фикция). Не успеем тем татарам рты заткнуть, всякого рода султангалиевщина, как эти татары языки распускают, заклеят потом словом: наримановщина! А их угомоним, грузины демагогию разводят, дашнакские недобитки наглеют, каждого допросить надо, каким крестом крестится (это Сталин сказал Серго по-грузински, зная, что Нариман понимает, но ты промолчал, дескать, не разбираешься в тонкостях языка). Серго постарался оправдать доверие Сталина: пригласил в гости слабовольного Кабахидзе, чтоб тот поддержал Кобу, выступил против духанщика Мдивани, а Кабахидзе, рассказывали про грузинский инцидент, вспыхнув, словом обжёг Серго и получил в ответ кулачные удары, - мол, лично был оскорблён (сталинским ишаком назвал его Кабахидзе).

- ... Оба вы к тому же, ты и Серго, не доверяете тюркам, хотя своих земляков тоже презираете.

- Не доверяем? А Кара Гейдар?

- Человек, у которого руки по локоть в крови.

- Крови противников новой власти! А Гаджи Бала? - вспомнил еще одного тюрка, которому благоволил Серго.

- Вот-вот, Гаджи Бала! Чего только он не творил в Азербайджане, выдвинутый Серго: воровал, брал взятки, гарем устроил из сельских красавиц, а когда народ взбунтовался, Серго всполошился. И что же? Прилюдно судил? Нет, дал директиву: признать ненормальным. А терпел, потому что тот служил хорошим орудием против меня.

- Личные счёты сводите?

- Я открыто высказался против Серго, а он начал мстить.

- И в чём она, месть?

- Серго нужно было удалить меня из Азербайджана, развязать руки в проведении своей кавказской политики. Сказал Мирзояну, а тот: Мы только ждем твоего согласия, - оживился, - и Нариманова здесь не будет! И Серго выступил с инициативой отзыва меня из Баку, в Центр выслать!

И ты смеешь толковать о ссылке: сосланные - те, что в Соловках!

Но я требовал, чтобы их вернули! Писал Ленину?

Его молчание воспринял как желание разобраться. И больше не напоминал, считая, что достаточно и письменного протеста, успокоился и отошел в сторону. Ах да: продолжал бороться с интернационалом недругов: армяне-грузины, Киров и тюрки-младокommунисты.

Еще было из-за чего Кобе раздражаться - Нариман ему письмо принёс, Мамед Эмина, адресованное своему спасителю, опубликовано в Стамбуле (из Наркоминдела прислали): уязвить? припугнуть благодарностью классового врага?

Пока слово в слово Нариман переводил, замешательство Кобы сменилось беспокойством - Мамед Эмин обнародовал некие подробности их отношений, мало ли у Кобы недругов, и не поймешь, чего больше в моих врагах: соперничества? зависти? высокомерия - чего он, туземец, смыслит в их деле, особенно Троцкий и его подпевалы.

Вряд ли кто еще узнает о письме: презираемая им интеллигентская щепетильность Наримана в данном случае - во благо, не разболтает.

Какое, однако ж, длинное письмо! Примите благодарность,- переводил Нариман, - за

чудо спасения в условиях, когда всего лишь принадлежность к мусаватской партии, а я был ее лидером, каралась расстрелом или ссылкой, и я признателен Вам, что, помня о прошлом, вызволили меня из бакинского плена, приютили в Москве, предлагали работу, простите, что покинул страну, не поставив Вас в известность.

- С удовольствием, - перебил Наримана, - отпустил бы на все четыре стороны, зря с ним нянчился, как волка ни корми... Поучает ещё из недосягаемой дали, смелый какой,- достану всюду.

... жить в условиях засилия Коммунистической партии, которая узурпировала власть, видеть имперскую политику, процессы денационализации, ассимиляции.

- Покажите-ка, - не поверил, Нариман показал выделенные в письме курсивом слова: ещё русификация.

- Старые песни,- Коба вслух, будто кто может подслушать.

... насильственное подавление ростков национальных свобод на Украине, на Кавказе, в Туркестане, с особым упором на преследуемые тюркские народы и вообще мусульман. Рано или поздно рухнет ваша деспотическая система, диктаторство русского империализма.

- Тоже мне пророк! - усмехнулся Коба, и следа нет от прежнего раздражения, даже доволен будто.

Что ж, пора собирать новый актив, точнее - конференцию бюро ячеек организаций АКП(б), чтобы окончательно решить с д-ром Наримановым, который лечить нас вздумал.

- Чисто писательский подход.- Сталин с глазу на глаз, без Серго, инструктирует Ем. Ярского. И я некогда стишками забавлялся. Несовместимо это: поэзия и политика. Я так думаю. Докторов тоже лечить надо. Мозги вправлять, чтоб в верном направлении думали.

ПСИХОНЕВРОПАТИЧЕСКИЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ НЕСТЕРПИМОЙ ЖАРЫ

А вечером, когда жара спадет, она только слегка отпускает, но так же душно: днем невоготу прятаться за толстыми каменными стенами и вести утомительные беседы Ем. Ярского с членами ячеек: выспрашивать, допрашивать, задавать наводящие вопросы, притворяться порой простачком.

Да, на партактиве в Баку (точная дата: 12 июля 1923 года), без Нариманова, всего один вопрос и, как водится, разное (Информация о болезни т. Ленина), ох, трудно в жару собрать народ - назначили в семь вечера, а уже тридцать пять восьмого, сердится,- наконец-то!

Председатель собрания секретарь ЦК АзКП(б) Мирзоян предоставил слово Ем. Ярскому (и все его громкие титулы): По поводу докладной записки, поданной т. Наримановым в ЦК нашей партии.

- С корабля на бал... Если по Нариманову, как это ясно прочитывается из его записки (хоть бы какое шифрованное письмо его попало!) между Азербайджаном нынешним и царским нет разницы, сменилась только вывеска... Выписаны отточенные формулировки, пунктиром из доклада Нариманова:

- нет истинных коммунистов;
- процветает откровенный шовинизм;
- нарушается национальная политика: эстафета одна Сталин - Серго Киров, эстафета другая Микоян - Саркис - Мирзоян;
- атакуют, наскоки за наскоками, молодые левые за его, Нариманова, поддержку нэпа (против нэпа Киров, Мирзоян, Гусейнов, Кара Гейдар, кто еще?);
- неслыханные бесчинства славной освободительницы: 11-й Красной Армии (мародерство);
- нечеловеческий титанический труд народов - во имя чего (маловерие?); итд.

И вдруг с чего-то о кемалистских (Мустафы Кемалья Ататюрка?) турецких агентах... - Пауза, чтоб кто-то возразил, несогласный.- А ведь Нариманов, высказать заранее заготовленное,- будь он здесь, тут же ополчился б против слова кемалисты: дескать,

кемалистская Турция - нам друг. Кто спорит? Друг-то друг...

Серго реплику бросил: - В каждом мусульманском уголке есть турецкий агент, который ведет бешеную агитацию против нас!

- И я Нариманову о том же! Что с того, что в свержении мусаватского режима принимали участие и кемалистские офицеры, были с нами чуть ли не в ревкомах? Им важно было нашими руками решать свои задачи.-Это надо внедрить, вышибив из тюрок кемалистский душок.

И Серго снова в подмогу: - Да, турки дали нам, большевикам, возможность советизировать Азербайджан, Дагестан и Туркестан тоже, но я как-то заметил Нариманову: не забывай, что азербайджанские семинаристы в первый год советизации носили значки-портреты не твои и не Ильича, а Мустафы Кемаля!

- ... Этот душок. - И к наримановской записке, что в пролетарском Баку, руководящие работники подбираются по национальному признаку: Договориться до такого! Один тащит другого: Микоян (оглянулся, будто ищет) Саркиса (ни того, ни другого), а Саркис - Мирзояна, вот он, сидит здесь, председательствует.

С места: Позор!

-Короче, политика вышибания тюрок, их везде задавили, аж кости трещат. И о Серго: мол, какая-то непонятная ненависть к тюркам.

С места: Неправда!

- А я что говорю?! - Тут же риторический вопрос: - Чего заслуживает человек, который освещает перед ЦК ложно положение на местах, вводит ЦК в заблуждение, это, товарищи, вы можете судить сами. Мы приехали, мы разузнали, теперь можем сказать ЦК: Это не так. Нет и следа. Зачем нам подсовывают углубление национального вопроса в Закавказье, когда мы это уже давным-давно изжили?

Сидящий здесь Серго доказал преданность революции не тем, что написал какой-то роман,- глядит в текст перед собой,- о Соне и (по слогам) Бе-га-ди-ре, а тем что без устали сражался за Советскую власть.

Мордобитие? Но кто безгрешен? Якобы тюркское крестьянство ищет и не может доискаться правды у себя на родине, потому что никто не уразумеет языка. Призывает осторожничать при реквизициях, экспроприациях, дабы не разжигать страсти. Товарищи Зиновьев и Радек в свое время ругали Нариманова за его послабление буржуазии, она жила здесь вольготно. И это в то время, когда вот-вот,- сделал паузу, глянув в окошко, и все взоры устремились туда в ожидании увидеть нечто,- грянет мировая революция. Что? Скажете, что не тот накал? Было прощупывание, с Польшей. Помните? Счастье на штыках: Даешь Варшаву! Еще напомнить?

Да! Да! - с места.

И напомним: Даешь Берлин! А лозунг: Тыл Красной Армии впереди! (Далее молчок: это тайна - бригада Коминтерна во главе с Радеком направлена в Германию подтолкнуть революцию в Руре, Саксонии, Гамбурге, и напутствие Зиновьева: К одной шестой части суши, именуемой нами, приобщить еще, как велит пролетариат, ихние пять шестых суши. А что Нариман? Он что же реституции желает?!

Слышно, как муха прожужжала: что за реституции? Оживление в зале: может, речь о проституции?!

- Надо ли пояснять?

Да, да, будьте так добры (голоса с мест).

- А это восстановление в правах бывших владельцев.- Восточное б какое слово: Бережность миндальная! Арестуют, мол, лиц с хорошими фамилиями, а это муллы, беки, всякие разные гаджинские. А моя, извольте спросить, не хорошая, если я стою перед вами? И что Советская власть держится в Азербайджане только штыком. А как же без штыка-то,

товарищи? Вместо благодарности за штык - плевков! Это нам знакомо: мечети сохранить, церкви, вот тут у вас под боком собор высится, золотые купола под солнцем горят, постоянная пропаганда мракобесия. В Москве кое-кого (неважно - кого) пришлось осадить: мол, бомбардировку Кремля допустили, сокровища, Чудов монастырь, летописца Пимена обитель... - на то и вооруженная борьба, чтоб рушить! А на его месте, Чудова монастыря, казармы военной школы соорудить для красноармейцев, имени ЦИК, чтобы вашего Наримана (шутит) защищали.

Гаджи построил театр - может, ему дотации еще выделить?? Иначе, дескать, театру крышка. Придавать значение тому или иному старому зданию, когда речь идет об открытии дверей перед таким общественным строением, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом (аплодисменты). Они хотели бы видеть революцию разодетой в светлые ризы, в перчатках хотели совершить ее, не запачкав свои холеные руки!..- в ударе (аплодисменты).

А что предлагается по кадрам? Вы, говорит нам Нариманов, отстраняете работника, если обрезанный (оживление в зале), берете на службу лишь тех, которые не обрезаны (хохот, переходящий в нервический смех). Это есть величайший вред (чьей-то рукой в исправлено на б).

Говорит, создали монархов вместо руководителей. Земля нефтью беременна, а Нариманов не велит Серебровскому роды принимать, так, что ли?! А чего стоит этот перл (кому надо-поймет)? Что плохого,- читаем у Нариманова,- в том, что я велел отпустить в Шахсей-Вахсей сахар участникам обряда самоистязания? Невежество - не вина, а беда их. Запретить - вызвать недовольство, дать им умереть - античеловечно. Хорошая пропаганда за веру, лучше не придумаешь. Там, где надо жечь каленым железом,- слюнтяйство! Выводы: доклад, предложенный в ЦК РКП (б), Наримановым, клеветнический и порочный. Решительным образом отвергаем обвинения Нариманова в существовании якобы игнорирования (надо откорректировать) интересов якобы тюркских рабочих и крестьянских масс. Особо подчеркиваем успехи Бакинской организации в изживании остатков великодержавного русского, а также других видов национализма и шовинизма в низах организации, воспитании глубоко интернациональных чувств в рабочей массе, выдвижении все новых и новых слоев туземных (не надо бы, но привычка) рабочих, тюрков в особенности, на руководящие посты. Несомненны успехи в деле развития тюркской печати, способствующих успехам - успехи успехам! - на ниве просвещения и культурному взлету тюркских трудящихся. Считаем необходимым подчеркнуть попытку Нариманова дискредитировать руководящую группу товарищей, а что касается якобы имеющей место расправы над сторонниками Нариманова, то таковые не выявлены. - И вне текста, оторвав взгляд: Хочу ответить на записки и тем закончить.

- Вопрос о том, что Нариманов, будучи председателем Ревкома, возвращал конфискованное трудовым народом имущество бекам, банкирам и буржуа, оберегал, чтобы их не трогали, требует дополнительного изучения. Был ли Нариманов в тайных сношениях с Султан-Галиевым? Явных - да, наркомнац и так далее. Но тайных... Мы этого пока не установили. Осталось загадкой и то, как попала записка Нариманова к Султан-Галиеву. Как будто записка ни о чем, но вся светится тайной, душок подпольный, намеки.

- Сам же и передал ему! (реплика Серго).

- При допросе Султан-Галиев признал, что Нариманова считает своим человеком. Сами понимаете: влезть в душу к человеку трудно.

- А надо бы! - голос с места.

- Я с товарищем согласен: надо бы! Какие будут предложения?

Агаев (с места, переводит Кара Гейдар):

- Лицо, разжигающее национальные трения, лицо, которое заставило таких больших и

уважаемых товарищей приехать из цветущей Москвы в нашу захолустную даль и жару,- такому лицу не должно быть пропуска в коммунизм!

Председатель (Мирзоян): - То есть вы хотите сказать, это ваше предложение, считать поведение Нариманова несовместимым со званием члена партии, так? Серго просит два слова по этому вопросу.

Серго: - Да, согласен, никудышный доклад Нариманова, я никогда еще не получал такого обвинения, что я истребитель тюркского народа. Но оставим эмоции, мол, нас обидели - исключить. Кто такой сейчас Нариманов? Кандидат в члены ЦК. Председатель ЦИК. Еще вчера именно он предложил кандидатуру Ленина на пост председателя Совнаркома. Если исключим, то получится, что компартия не знает, что делает сегодня, не знает, что будет делать завтра. Поступил антипартийно? Да. В высшей степени неприлично? Да. Ошельмовал товарищей? Да. Исправится после нашей критики - хорошо, а нет исключить его мы всегда сумеем.

Голос из президиума: - Очень слабо! За такое... - не расслышал, что.

- Знаю, что слабо,- развел руками,- иного предложить не могу.

Председатель: - В резолюции: Просить строго наказать, сюда входит какое угодно наказание: исключить, снять с поста и так далее.

- И расстрелять тоже? (Шум в зале.)

- Я же сказал: любое!

Голоса: - Определить четко наказание!

Председатель: - Есть два предложения. (С места: Кончать надо! Прикончить??) Прошу не мешать! Одно предложение - исключить из партии, второе - строго наказать. Кто за первое предложение?.. За второе?.. Проходит второе, явное большинство.

Голоса: - Плохо считали!

- Переголосовать!

Ем. Яр-ский: - Итак, попытка со стороны товарища Нариманова поднять здесь знамя нового басмачества встретила дружный отпор, и впредь... будь то председатель ЦИК или предсовнаркома,- столкнется с гранитной монолитной организацией большевиков!

Объявляю конференцию закрытой и прошу спеть Интернационал.

- Позвольте, - выкрик из зала, - а как же разное?

- Ах да, вспомнил! Относительно здоровья любимого товарища Ленина!..- Пауза. И не спеша: - Увы, ничего радостного сообщить не могу. Одно время даже стоял вопрос о том, сможет ли он и дальше жить с такой болезнью.

- Какой?

- Об этом потом (чтоб отстали). Что сказать? Паралитические приступы. Моторного характера. Эпилептоформные или падучевидные. Выражаются судорожными подергиваниями. Короче, кратковременные потери сознания, иногда галлюцинации. А главное - речь. Спутанность и бессмыслие с возбуждением, импульсивными криками. Говорить так, как ему хочется, он не может. Горькая, но правда, без веселости. Огромный мозг, а что и как - сами понимаете.

- А доктора?

- Что доктора? И Нариманов - доктор! (Это Серго.)

- Теперь споем. - ... до основанья, а затем... - уже полночь, точнее: без двадцати семи.

... Ем. Яр-ский доложил Сталину: По всем позициям дали бой.

Как ни в чем не бывало с Нариманом, даже напротив: спас ведь от наскоков, жаждали крутых мер ваши земляки. Но ведь надо что-то сказать Нариману, и Ем. Яр-ский рассказывает, не отводя взгляда, как после дождливого московского лета въехали в пекло, зной да пыль, о поездке на промыслы, сравнил остроконечные конусы нефтяных вышек с надгробными камнями. А что за земля? Вспахивается примитивно! Колос срезается так, я

сам видел! что у вас за серпы? Они какой-то особой формы - на корню оставляют большое количество соломы. Я прошел по только что сжатому полю и в какие-нибудь две минуты собрал порядочный сноп несрезанных колосьев. Тут еще саранча.- Потом за здоровье: - Какой край! Это же нефтяной резервуар страны! А Каспий? Он может кормить десятки миллионов людей своей рыбой! А водные потоки? Их надо превратить в свет, движение электрических станций!.. А шелководство? Хлопок? - И что надо учиться у немецких колонистов в Гянджинском уезде.

- Успели побывать и там?

Ударился вдруг в странные размышления: вы, дескать, некогда увлекались психологией, и не мне вам объяснять, к тому же врач, что в каждой революции наличествуют здоровые нервно-психические корни и что сумма революционных завоеваний превосходит потери, и жертвы окупаются во сто крат.

- Я понимаю, что с точки зрения старой психоневрологии всякая революция представляет собою явление социально-болезненное, возникающее из коллективных нервно-психических потрясений (голод, ужасы, истощения, войны и так далее) и развертывающиеся за счёт больного или низменного нервно-психического материала грубая стадность масс, разгул зверских инстинктов, развал морали, половая вакханалия, всякого рода утонченный мистицизм... - И тут пожалел Ем. Яр-ский, что не выдал этот свой психологический экспромт Кобе (с врачом Нариманом по-врачебному, чтоб не расстраивался?). Нет, реакция Кобы в отличие от Наримана, который слушал собеседника недоумевая, была б непредсказуема.

ГЛАВА... - сбился со счёту, какая, да и так ли это теперь важно, или УГЛОВОЙ ДОМ

Сейчас, когда я пишу тебе, сын мой, эти строчки, дело наше доведено до того, что самые близкие друзья-коммунисты не могут друг с другом говорить на тему о наших вопиющих недостатках вследствие неумения управлять государством теми, которые после Ленина называли себя законными наследниками его.

Особо подчеркнуть: твой отец имел склонность говорить то, что другие не могли делать из боязни лишиться службы или власти (а то и жизни). Чтоб сын не гнался за властью, потому что она портит человека.

... Убрал со стола бумаги, от глаз Гюльсум подальше: подумает, что пишет завещание. Теплые листки... Бог даст, закончит... - а Гюльсум, когда наткнется на эти листки, спрячет так надежно, что сама не сможет найти, подальше от глаз Наджафа о большевизме, что его не будет!

Когда Нариман, удовлетворенный написанным, словно вернулась к нему творческая активность, прятал листки, из папки выпала карточка: Гаджи!.. Снова он! Гаджи смотрел с укором, будто Нариман в чем провинился. С какой-то обидой. Он казался вечным, не верилось, что умрет: весть о смерти Гаджи пришла недавно, с опозданием. Ну вот и закончил я свой путь. Все мы будем там. Вспомнил последнюю встречу с ним, Кара Гейдар предложил: де, можем навестить, почему-то убежденный, что Нариман не поедет.

- Так прямо и поедем?

- А что? Если он так вам дорог, поедем не откладывая.

... Нариман пожалел, что навестил: Гаджи его не узнал!

- Это я, Нариман,- в который раз повторял он, и Сара, дочь Гаджи, смущенная, что у отца (это случилось буквально за последние дни) начисто отшибло память (Он и меня не узнает, не обижайтесь...), тщетно пыталась объяснить отцу, что сам Нариман Нариманов из Москвы к нему пожаловал, - как потом Кара Гейдар злорадствовал!..

- Нет, не узнаю,- беспомощно разводил Гаджи руками, а потом и вовсе перестал что-либо говорить, лишь смотрел то на Наримана, то на Кара Гейдара.- И его не узнаю.

- А меня, свою дочь, узнаешь? - Ей упрямо не отвечал (Кара Гейдар, когда возвращались, убеждал Наримана: Притворялся! А вы его защищали, наглеца! Контра и есть

контра.

- Наша его защита нужна прежде всего новой власти, а уже потом самому Гаджи.- Нариман был обескуражен, что у Гаджи немыслимо запущенный склероз.

- Как же не узнаете, Гаджи? - настаивал Нариман, напоминая ему, что был у него конфликт с ним,- через обострение всколыхнуть память,- помните, спорил с вами на учительском съезде? И я отказался от вашей помощи - денег, которые посылала ваша контора мне в Одессу? - И что вернул ему долг? Нет, не помнил. Как Гаджи (неужели забыл и об этом?) явился к нему, там находился и Кара Гейдар,- рукой на него,- и сказал, что дарит ткацкую фабрику новой власти, и как Гаджи потом возмущался, что его фабрику назвали именем Ленина? И что просил - дважды! - сдать ему в аренду, в концессию, его же национализированную собственность - фабрику, рыбные промыслы и мельницы.

И тут Нариман, отчаявшись, решил вспомнить первую их встречу:

- Однажды пришел к вам и сказал, что наши студенты испытывают нужду, им надо помочь. Вы велели мне: Возьми бумагу и пиши! Стали диктовать фамилии богачей, чтоб собрал у них, а потом пришел к вам. Кто сколько дал? спросили. Я прочел список и показал деньги. Не услышав фамилии миллионера Мусы Нагиева, вы удивились, почему я не пошел к нему. Я был у него,сказал,- но он ни рубля не дал, якобы весь истратился. Вы засмеялись и, узнав, какую сумму я собрал, пригласили казначея и велели ему дать мне столько же. Вспомнили? - Молчит.

- А русский артист, чей бас чуть духан не снес.

- Теперь вспомнил, - сказал. И добавил: - Устал, пойду отдохну.

... Привести себя в порядок, предстоит поездка в родные города: Тифлис, где сессия, и проездом Баку. Как там Кардашбек в своем угловом доме? Сону, может, увидит? Нет, в Баку не остановится - душа не лежит.

Нариман, когда пошли экспроприации, предупредил Кардашбека, что грядёт уплотнение жилищ, советует, пока есть время, самому уплотниться, поручив это дело... - тут Нариман вспомнил о юном милиционере-шемахинце, из земляков Гюльсум, который зачислен в его охрану: вздумал жениться, а где жить - не знает, много их, братьев, пусть у тебя поселяются. Направит в дом Кардашбека милиционера, и тот, ещё холостой, займет по скромности первые две комнаты в коридоре, близко к лестнице, со старшим братом, у него семья (невестка обхаживает, чтоб женить на своей сестре), а он, Гасан, возьми да умыкни, будет моим отцом, дочь капитана Мелик Мамеда Махфират, мою будущую маму.

Шумел-неистовствовал племянник Мелик Мамеда - Гусейн, влюбленный в Махфират, и многие годы спустя, фортуна такая, занял Гусейн пост Наримана, став предсовнаркома,- шуткой припугнет милиционера: дескать, если обидит сестру, прибьет ухом к дверному косяку... Сгорит во всепожирающем костре, разожженном Сталиным.

Кардашбек с семьей, и Сона с ними, поселятся в светлой восточной части дома, с выходом на Персидскую - зала, две комнаты и кухня, что до других комнат на втором этаже, то Кардашбек сдаст их: немцу-бухгалтеру из бывшего Товарищества Нобель, Киндсфатер его фамилия, и я заглядывал в детстве к ним, в их вечнозалитую солнцем комнату, очарованный ее чистотой, а потом... выброшены книги, большие тома с цветными картинками, прикрыты тонкой папиросной бумагой, - сибирская ссылка, ибо немцы, и глас его внука нынче вещает голосом свободы.

Далее по коридору аджарка Ламия Абашидзе, дочь знатного батумца Аслан-бека, с которым дружен был Кардашбек,- районная активистка, нестираем из памяти её повелительный зов-воплъ-крик: Где ж ты запропастилась? - зовет Сону, и она бежит-спешит-торопится, её раба, чтоб та не гневалась: очередное увлечение ее мужа-красавца Касума с зазывными, манящими, зовущими и притягивающими глазами (словно маслины) - ни одну юбку не упустит, и не терпится Ламии узнать, надолго ль муж остыл к ней (и приворожить),

Сона колдунья, погадает и скажет, снимет ее мученья: И счастье будет, и грех на душу возьмет (кто?), и горе узнает, нет-нет, это Сона про себя, а ей: Сладость мужниных объятий скоро познаешь! - за эти слова, вслух произнесенные, да еще блеск в очах уловила, и к Соне рвнует мужа: Не заговаривайся, мол, Дэли Сона!

Сона шепчет на ухо соседке (Махфират), она беременна, вот-вот родит, глупая, несчастного, не ведает, в каком мире сын жить будет, что все напасти из-за этого Наримана, который посоветовал брату, чтобы тот сам уплотнился,- глазами в сторону Ламии, будь она проклята - столько я ей всякого добра отдала, и перечисляет: медную ступку, кофейную мельницу, телескоп (?), кошелек, шитый бисером, эмалированную миску, даже мясорубку.

Не ты отдала, а та забрала.

Тише, тише,- испугалась Сона,- услышит еще!..

А еще рассказывает Сона-ханум, как Нариман к ней сватался. Про перламутровый поднос никто не верит - как преподнесла царице в девичью пору: вытеснить светлым прошлым нынешние тревоги, тусклые.

Властный клич Ламии взрывает коридор: Сона! Сона!

Иду! Иду!..

КАДРЫ НЕМОГО КИНО

под звуки расстроенного пианино. Чтоб Нариман выведал за неофициальной беседой, пользуясь старым знакомством, тем более что у них с Мак Деллом уже была встреча, о впечатлениях от поездки по Закавказью,- просит Чичерин. Полезно, - добавил, - взглянуть на нас с вами глазами врага.

(Мак Делл сказал откровенно, в конце встречи, перед тем как расстались: - О вас? Разве вы не знаете, что думают о вас ваши новые лидеры в Баку?

- Смотря кто.

- Вот именно!.. Вы, кажется, собираетесь туда?

- В Тифлис.

- Вот и хорошо. В Тифлисе вас уважают. А в Баку... Эх, как это у русских называется?

Считалка, так? Гадалка на цветочке: Любит - не любит, к сердцу прижмет - к черту пошлет,- расхохотался.

- Цветок ромашка.

- Да, да,- обрадовался.- Ромашка! Нет, в Баку не поедет.)

- ...Вы спрашиваете, что изменилось? - И долго рассказывает о Баку. Да, изменения огромны, ничего не осталось от прежнего, бульжные мостовые хорошо замощены, старая конка заменена яркими желтыми электрическими вагонами. Тротуары расширены и обсажены деревьями, между ними высятся столбы электрического освещения, открытые площадки превратились в народные сады. Баку действительно стал европейским городом.

- Ваш рассказ так и просится в печать.

- Как пропаганда за советский строй? Возможно. В окрестностях города, куда нас повезли, построены образцовые поселки для рабочих, песчаные пустыри на нефтепромыслах обсажены деревьями как защитой от пыльных бурь. Меня поразили дороги: машинное оборудование транспортируется на обычных грузовиках, которыми наводнены дороги.

- Признаете благотворность революции?

- Меня в Англии часто спрашивают, что за люди живут в России? Это люди, говорю им, которые быстро поддаются влиянию порыва, они наделены детским энтузиазмом, для них слова значат больше, чем дела. Испытывают утешительную радость от приятных слов и горьких самобичеваний. - Задумался.- В Баку я сознавал, что за мной неусыпно следит и охраняет меня один манчестерский еврей, приставленный к нам в качестве переводчика и гида. Он признавался, что не очень доверяет азиатам, поэтому я услаждал его страшными рассказами о резне и прочих событиях в Баку. А потом был Тифлис... Вам интересно?

- Очень,- искренне признался Нариман.

- Да... - и снова задумался. - В Тифлисе за мной не так строго следили. Тут меньше всего было от советского режима, чем в любом другом городе, где мы побывали. И люди были одеты лучше, чем в России... Знаете, я посетил в Баку могилы расстрелянных комиссаров.

- Их тела перевезли из Туркмении по моему почину.

- Я вспомнил встречи с Шаумяном у него на квартире.

- Вы посещали его квартиру? - Нариман не знал.

- Занятный был первый визит. Дверь открыл его младший сын, ему было лет десять. Я объяснил ему, кто я, малыш состроил рожицу, занял удобную позицию и громко заявил: Буржуй и паразит! Я попросил Шаумяна, зная, что Армянский национальный совет за принятие английской помощи, познакомить с каким-нибудь известным дашнаком.

Известных дашнаков нет,- отчего-то улыбнулся Шаумян.

Но вскоре представился случай, познакомился с юристом Сергеем Арсеном, часто приходил ко мне, мы обсуждали положение в Европе, читали гранки Рейтер, которые я получал из Персии. Сергей Арсен и познакомил меня с известным главой турецких армян Ростом-беем, который и учредил, - как напишет Мак Делл в воспоминаниях, - террор, сделавший дашнаков знаменитыми во всем мире.

Мак Делл вздохнул, будто сожалея о скоротечности жизни:

- Да, особенно привлекали мое внимание в то время трое: Шаумян, Джеваншир, о ком мы уже говорили, но я не все о нем рассказал вам, и Сергей Арсен, о ком я вовсе умолчал. Занятный был человек. Мир - мой театр,- сказал он мне однажды.

- Мысль не нова.

- Но я,- добавил Сергей Арсен,- люблю удобное сиденье. Поскольку оно становится здесь неудобным и, по-моему, станет еще хуже, мне надо уехать куда-нибудь, достал какие-то расписания поездов, путеводители, обсуждал, как ему с семьей выбраться в Европу, и я помог ему уехать в Европу через Персию... Я часто думаю о Шаумяне. Личность его окутана тайной, глубина его политического мышления казалась бездонной. Люди, находившиеся в сфере его интересов, уважали его почти до обожествления. Выражение его лица, вернее, недостаток выражения добавлял загадочности этому человеку. Старые мастера кисти непременно б избрали голову Шаумяна в качестве модели для изображения Христа. Весь облик Шаумяна выражал терпеливое усердие и настойчивость. Он умел прятать свои чувства. Единственный проблеск чувств на его челе - это слабое втягивание ноздрей, словно признак волнения, как у кролика, когда он ест капустный лист... Потерпите, и о Джеваншире я сообщу вам пикантные подробности, вы ведь задумали сочинение о прожитых годах, как я понял во время нашей первой встречи.

- С чего взяли? - смутился Нариман.

- Чтоб социалистический писатель не запечатлел революционные годы? Так вот, Сергей Арсен... Неужели не слыхали о нем?

- Нет, не были знакомы.

- Остроумный веселый человек, желанный в каждом доме. Он, кстати, открыто посмеивался над деятельностью дашнаков. Примитивный народ,- говорил о них. Все трое были связаны работой в одной нефтяной компании и дружескими узами. У Сергея и Джеваншира было много общего - в озорстве, бесшабашности, а вот дружба Джеваншира с Шаумяном казалась необъяснимой - ни общих политических целей, ни единых национальных интересов... Мы, как вы, очевидно, знаете, оказывали материальную помощь союзническим войскам.

- Разве?

- Удивлены? (Мелодии явно расстроенного пианино.) Надо же было хоть как-то

поощрить боевой дух! Мы платили наличными, а французы, они ведь народ скупой, поддерживали морально. К сожалению, первые крупные суммы, переданные им, почему-то достались армянским добровольческим частям, и они ради своих корыстных политических целей стали хвастать, что помощь английской миссии предназначается именно им, что, естественно, не могло не усилить среди тюрок антианглийских настроений. Однажды наш поезд был захвачен в Гяндже протурецкой мусаватской властью. Ее глава Хан Хойский и военный министр в полковничьей форме Эфендиев обвинили нас в перевозке амуниций и денег для армян. Я потребовал, это был мой искусный ход, чтобы наш салон-вагон немедленно обыскали (вентиляторы и задние стенки зеркал были забиты купюрами). Моя настойчивость озадачила Хойского, он стал проявлять вдруг нерешительность, опасаясь, видимо, дипломатического скандала: вагон был собственностью союзников. Я, однако, настаивал, и Хойский согласился.

- Во избежание последующих для вас неприятностей,- предупредил я, предлагаю произвести обыск в присутствии нейтральной стороны,- и указал на персидского генконсула Мирзу-хана.

Он убедил Хойского не допускать обыска, ибо этим, как он сказал, оскорбляются британский и французский флаги и тем самым наносится ущерб престижу недавно образованной демократической республики.

Нам разрешили продолжить путь в Тифлис, а там хаос, федерация и парламент распались, безвластие, анархия. К тому же нет света и воды. Мы достали два ящика минеральной воды, её пили, ею умывались и брились. Брест-Литовское перемирие было подписано, принято русской армией как мирный договор. Армия на всех фронтах превратилась во враждебную и озлобленную толпу, намеренная любой ценой вернуться в свои деревни. С помощью денег мы пытались убедить верные союзникам части вернуться на турецкий фронт, но тщетно: русские были начинены большевистскими идеями, отказывались формироваться, грузины не хотели покидать Тифлис, армяне намерены были защищать только себя.

Из Петрограда на Кавказ прислали Шаумяна как специального эмиссара Ленина. Грузины, делая вид, что они сильны и управляют ситуацией, приказали арестовать Шаумяна. Он ушел в подполье, потом перебрался в Баку. Ко всем существующим беспорядкам прибавились волнения племен по всему Кавказу, занятых объявлением независимости и установлением так называемых республик. Чеченцы на севере воевали с казаками. Ингуши, лезгины, другие мусульманские племена включились в национально-освободительную борьбу, как они называли свое стремление к отколу от России. Недостатка в оружии не было, старое русское правительство имело огромное количество амуниции во множестве полевых складов, которые легко были разграблены. Племена к тому же силой задерживали удиравшие домой войска и отбирали у них винтовки, пулеметы, пушки.... Разве я грешу против истины?

- Я, по-моему, ни в чем вас не упрекнул.

- Мне показалось, что вы... - какое б слово найти? - в душе насмехаетесь над наивностью моих суждений.

Нариман невольно развел руками, взметнул (глядя на себя со стороны?) бровями, много ли им выразишь - языком немного кино, подсказка? да: одно из двух:

НЕВЕДЕНИЕ НАИВНОСТИ (чьей?), или НАИВНОСТЬ НЕВЕЖЕСТВА (чьего?).

... Шаумян объявил себя главой Бакинского правительства. В Баку единственными войсками были армянские части, потому армяне составляли важную часть правительства. Офицеры, почти все армяне, находились под влиянием дашнаков. Кто мог знать, что мартовская война изменит ситуацию в Баку? Трактовка вами мартовской войны...

- Трактовка или правда?

- Ваша правда. Увы, бойня мусульман была невероятная. Флот, армяне и большевики

были брошено против тюрок. Нет, вовсе не хочу сыграть на ваших национальных чувствах, тем более что после войны власть в Баку перешла в руки комиссаров, в том числе ваши.

Мак Делл удивился (растерялся?), когда Нариман сказал ему, что Шаумян прятал Джеваншира у себя в те мартовские дни.

- Что он прятал вас, я слышал, но что прятал Джеваншира - для меня новость. Я часто навещал в те дни Шаумяна, стараясь, однако, не попадать к обеду или ужину. Считалось неприличным бывать у кого-либо в доме в такое время, ибо еда, как знаете, была нормирована. Приходилось часами выслушивать рассуждения Шаумяна о совершенном государстве. Не мог понять: чего в них больше - наивности мечтателя или фанатизма большевика? Я, между прочим, посетил корабль с комиссарами перед их отплытием, это вышло как-то самой собой, случайно, пригласил меня командующий артиллерией Петров, привлекательная, скажу вам, фигура с длинными, красиво развевающимися волосами, одет был в яркокрасную черкеску. Зайдя к ним в каюту, выпил сладкого шампанского с Шаумяном и его коллегами. Отплыли они, захватив меня с собой на борту, они имели бы ценного заложника. Позже я получил строгий нагоняй от генерала... Вы что же, - спросил, заметив недоверчивый взгляд Наримана, - не допускаете личных симпатий, лишенных классовых пристрастий? Даже простого человеческого любопытства? Кто мог знать, что встреча последняя?

Когда Нариман провожал Мак Делла из своего кабинета, столкнулись в коридоре с Зиновьевым: - А, так это вы и есть, британский консул в Баку! Мы в двадцатом году, на съезде народов Востока, вспоминали о вашей роли в расстреле наших товарищей. - Вдруг Наримана осенило: не для того ли Мак Делл искал повода войти на корабль, чтобы удостовериться, что там все главные комиссары, и распорядиться о дальнейшей их судьбе после отплытия? Посреди ночи изменить курс корабля и загнать комиссаров в ловушку?.. Нет, мы неисправимы, подумал, упрекнув себя: что Зиновьев, что Коба, что я!

- Я чист перед вами.

А тут, следом за Зиновьевым - Сталин, из-под земли будто вырос:

- С английским шпионом видите? - Успели доложить! Доносы и шпиономания!

- Я по просьбе Чичерина (чего оправдывается?), кое-что выведать.

- И что же? Клялся в любви к большевикам? Божился, что не причастен к казни комиссаров?

- А вы не допускаете... - нет, не станет повторять за Мак Деллом о личных симпатий, лишенных классовых пристрастий? - Да, и клялся, и божился.

- И вы с Чичериным поверили? Время разбазаривать мы мастера.

И тут окончательно понял: уйти в отставку от всех постов. Где жить? В Баку не поедет. В Тифлисе? Гюльсум одобрит, что сдержался, не вспыхнул, поедет на сессию в Тифлис, потом и решит.

И ПРОЙДЕН ПИК: был долгий подъем на вершину и скорый спуск, как обвал, крученье-верченье, ни сна, ни отдыха, являться с утра на службу и до позднего вечера лицезреть султана (Кобу?), вроде селямлика, пятничного выхода султана на моление, и чтобы каждый был на виду, вождь видит всех, и все видят вождя.

Что значит летать во сне в самолете? В сонник заглянул, тоненькая такая книжка, в Астрахани купил, в магазине татарина. Искал - не нашел, затерялась среди бумаг, а рыться времени нет, спешит на службу, пятничный сбор вождей. Мусульманский сонник составлен был, правда, давно, когда самолетов не было, а тем более гидропланов, на котором летел, но и тогда ведь во сне летали, ковер - не ковер, а собственные руки как крылья. И неотступно рядом какая-то незнакомая девушка, готовая погибнуть за царя-батюшку и убежденная, что и он, Нариман, к кому она прилипла, влюбленность в глазах, разделяет ее верноподданнические чувства. И о какой-то школе авиаторов, что все они там роялисты и

ждут вождя, который бы возглавил. Уж не меня ли прочат в вожди?

- И вы учитесь летать? - спрашивает.

- Вчера я совершила свой двадцать седьмой вылет, сегодня переступлю черту, ведь норма - пятьдесят пять! - Странные, думает, цифры... Она вдруг заявляет: - Разве большевики не враги ваши?

- Но я сам большевик!

- Я знаю вас лучше, чем знаете себя вы сами.- Какая самоуверенность!- И знаю, что жаждете от них избавиться.- Пахнут губы молоком.- Не оглядывайтесь, нас никто не слышит.

Понимает, что сон, но ловит себя на мысли, что хочет узнать, очень даже занятно, что будет дальше. И удивляется желанию, которое в нем родилось: поцеловать её в пухлые губы, ни слова Гюльсум!

- Я могу быть вашей. - Сейчас ее обнимет. - Связойной вашей, отрезвила. - Поднимите рабочих на нефтяных промыслах, они пойдут за вами, и свергнете мерзавцев! Я вам помогу связаться с подпольными группами, - а глаза говорят о другом, обещают, и он понимает, что поддастся искушению, вот-вот ее обнимет, - в Тифлисе, Баку, Одессе, - называет города, в которых он жил, - в Астрахани.

- А в Москве?

- В Москве тоже! Не верите? Думаете, агент и подослана к вам? Заплакала, обнимает её, она доверчиво к нему жметса, целует её в щеку, слезы солёные. - Вырвалась из объятий: - Считаете, что не справлюсь? Я могу сотни девушек мобилизовать. У меня есть опыт. Мы смешиваемся с беженцами, умело притворяемся нищими крестьянками из голодных провинций, даже,- раздумянулась от волнения,- беглянками из закрытых большевиками публичных домов! Вот, смотрите,- сняла туфли,- мы носим тайные письма в подошвах туфель... Пойдем! - и тянет за собой, Нариман послушно за нею следует,- хочу поцеловать.

Какие-то гости, ни одного знакомого лица, множество столов, играют в карты, его провожают в другую комнату, где же она? Бросила его, оставив одного!

- Вы ведь,- хозяин ему,- хотите купить ковер, чтобы сын не простужался, дует с пола.- Откуда им это ведомо? Подводит к лестнице, ведущей на крышу дома: - Пригнитесь, - на крыше ему. - Идите близко к краю! - Безлунная ночь, ноги увязают в мягком кире, которым покрыта плоская крыша. Новая лестница вниз, и - на крышу другого дома.

Шел с нею, держал за холодную руку, снова потерял. Вот она! Встречает у подножья лестницы,- проводила в слабо освещенную комнату и, указав на солдатские сапоги и форму на кровати, велела переодеваться. Но успела жарко шепнуть: Я знаю! Это потом!

Послушно раздевается, неловко, устала на его голые ноги, не забыть из кармана брюк взять портмоне, там деньги, и носовой платок, в пиджаке удостоверение.

- Вы теперь красноармеец.

- Я председатель ЦИК.

- Был! - она ему на ты. Но почему солдатом? Нынче модно: чтоб в длиннополой шинели. Ну да, Коба такую носит. Это у нас как пароль: красноармейская форма. Как отличить нашего от ненашего? Вот же - сапоги! Порядком сношены и неудобны. От неловкости надевает их на разные ноги, это мешает идти, но терпит.

Через черный ход - на боковую улицу. Куда? Пальцем на губы: не разговаривать. Узкий маленький дворик, небольшой дом, за ним - поле, неподалеку море, и он уже летит в гидроплане, она за рулем, ни разу не летал, а тут как будто всю жизнь то и делал, что летал,- вот почему в красноармейской форме: чтобы к гидроплану подпустили.

- К нам примкнут армяне (при чём тут армяне?), Каспийская флотилия и остатки авиашколы.

Команда была, понимает, что ни за что не выполнит, ведь я уже не служу большевикам (а если она пожелает?): сбросить зажигательные бомбы на нефтепромыслы, разбить склад

амуний. Первая бомба-сигнал к восстанию, паника в городе... Вокруг чужая речь, смесь английского и французского, ни того, ни другого не знает, а гидроплан тем временем... И Нариман не знает, сбросили бомбы или нет, она ведь могла не посоветоваться с ним: потом упрекнул (под трибунал!), что именно он и приказал, никому не докажешь, что без его ведома. По воде мчится гидроплан, причаливает, как корабль, к какому-то острову. Наргин, где содержались военнопленные? Тайное место встречи заговорщиков? Вылез сначала сам, потом ей помог, обнял - и такая она легкая, но тут из-за куста выскакивает незнакомый мужчина и, крепко схватив её за руку, уводит, вокруг никого. Но успела шепнуть: Ночью в кафешантане, кабина двадцать семь, переспросил: Может, двадцать шесть? Нет, именно двадцать семь!, ну да, число ее полетов, а всего - пятьдесят пять, и никакой не комиссарский шифр.

Кто-то водку ему наливает. Я же не пью! Мысль: бежать. Но как? Не выберешься с острова, хоть и понимает, что Баку близко. Официант поднес буханку белого хлеба, но только понюхать. Ах, какая пахучая, запах отрочества, царских времен, украсть для Наджафа! Выхватил буханку и бежать... - проснулся. А запах - это с кухни: Гюльсум, встав рано, хлеб на сковородке подрумянивает.

Ну и сон!.. Еще темно на улице, можно подремать. И тут же уснул.

...Стук в дверь. Открыл - два красноармейца, пакет вручают, на улице видно за дверью - черная машина. Письмо с тремя подписями. Но нас в ЦИК четверо! Четвертый сам, и подписи его нет: немедленно явиться в комиссариат. Предписывают взять шифрограмму. Знают! Не может вспомнить, куда отправил главное шифрованное письмо.

- Нет у меня,- говорит красноармейцам,- никакого шифра.

- А шифрограммами как обменивались? - Допрос? Перехвачено! Писал, что согласен возглавить. В комиссариате Коба, рядом с ним... Мак Делл! Предал меня!

- А говорили, что никаких шпионских разговоров.- И к Мак Деллу: - Как вы пели в гидроплане?

- В гидроплане,- возразил Нариман,- мы не пели!

- Нет, пели, - не глядя на Наримана. - Мы роялисты, мы роялисты, свергнем-низложим власть большевистскую. Так ли я вас понял?

Мак Делл кивнул.

- Но я врагам, - рукой на Мак Делла, - не верю. Вполне допускаю, что сочинили про вас, оклеветали. Чтоб тифлисец - и шпион? К тому ж вы реалист, а не роялист, что видите, о том и пишете: влюбились в сладкую армянку пишете о своей любви, темные земляки досаждают - клеймите их... Не знаю только, как с Мак Деллом поступим. Что посоветуете, доктор? Язык, может, вырвать, чтоб не клеветал? Мы сейчас попробуем. - Уже держит в коротких пальцах язык Мак Делла, тащит его наружу, такой он длинный, и вокруг шеи врага, как шарф... - Нариман весь в поту проснулся. Ничего неясного, сон легко прочитывается; быстро записав, выстроить (форма романа?) - про ковер, привезти из Баку, если поедет, материнский, легкий и красочный, вся комната их московская засверкает, можно и на пол, действительно ведь дует, Наджаф часто простужается; про остров Наргин, остров смерти, как его называли, пленные там гибли; про поджог тоже (потрясение от рассказа Тер-Габриэляна); даже песня, которую якобы пели в гидроплане, - перевертышный смысл: давно Гюльсум не пел! }

Тайнопись, шифры...- в открытую надо было Султан-Галиеву, не таиться, выступить, как он против Кобы, дать бой. И фраза Кобы: С английским шпионом видите? наяву и во сне, так что сон логически доказывается и объясняется. Где-то вычитал (в соннике?): время сна - время будущего. Будущее навстречу настоящему? Даже цифра двадцать семь, постоянная ирония Кобы: каждый для Кобы - двадцать седьмой, предатель (не ведает Нариман, что двадцать седьмой день: середина отпущенных дней). А летать - к путешествию, скоро поездка в Тифлис.

День за днем: 1 марта, в воскресенье, из Москвы в Баку прибыл поезд, четверо суток в пути с членами ЦИК и правительства СССР, как отмечали газетчики, почетная встреча на вокзале, духовой оркестр, речи, приветствия, сказано обо всех: Калинин, Петровском, даже молодым Червякове, а о Нариманове, который тоже из этой четверки председателей ЦИК, да еще от Закавказья,- ни слова: ни ему не предложили выступить, ни о нем никто не молвил. К разгадке сна - не было его подписи, лишь три под тем листом, который ему вручили,- вызов в комиссариат.

В Баку - это еще понятно: не рекомендуется после всего, что произошло. Может, Коба наказывал Калинин, предупреждал Серго? Земляки потребовали? Мол, не так нас поймут в свете разбирательства его дела, даже раздавались призывы исключить из партии. Ем. Яр-ский не допустил бы рсстрл'а! Но чтоб и в Тифлисе полнейшее невниманье?!

Вот и Тифлис - лирическая зарисовка с натуры: утренний ветер и солнце тихо сняли с тифлисского котлована легкий туманный покров и, собрав его в розоватые клубочки облаков, вознесли и спрятали в глубине голубизны. И оттого чаша, как добрая ладонь, открытая для празднеств,- этот дивный, вечный, великолепный город (воспетый еще Пушкиным, Бестужевым-Марлинским и Лермонтовым) засверкал своими красотоми, зашумел смешанными говорами народностей, дружной, спянной семьей живущих...- дописать потом. Кто только не выступал под крики урра-а-а!.. (наилучшее воспроизведение в тексте, графически передающее накал, а также растяжимость чувств, находящих отзвук в душах, некую эхость).

Рыков с докладом правительства, Чичерин о внешней политике, и Серго, и Цхакая, многожды Калинин, бурные аплодисменты, переходящие в овацию, прерывали ораторов, духовой оркестр играл туш. Всем не терпелось выговориться: Буденному, Семашко, Микояну... - от А до Я без Н: ни разу не дали Нариману выступить, и он - вот уж не узнавал себя! - ни злости, ни гнева, даже... усмехнулся, вспомнив, как Ленин однажды при нем кого-то по телефону укорял: Быть добреньким хотите? Да-с, церемониться нечего, засудить и никаких! Пауза. Упрекнут? Если упрекнут - наплюйте в харю упрекающим! Снова пауза. Нет, вы мне ответьте: когда у вас появится настоящая злость? Вот вам мой совет, в Шушенском услышал, рекомендую: заведите-ка цепную собаку. Нет? Не хотите? Ну, тогда терпите. И не жалуйтесь, когда вас бьют!

Ни слова Гюльсум, как его оттеснили в Тифлисе - расстроится.

НЕЖДАННЫЙ ВИЗИТ, или ПРОЩАЛЬНАЯ ГЛАВА

Не хотелось на обратном пути делать новую остановку в Баку, но пришлось: уговорила племянница Ильтифат, чтоб погостил день-два у них. Не спеша по знакомой улице мимо Бакинского Совета, дома, где жил, и сохранилась медная дощечка Доктор Нариманов, завернул за угол и чуть вверх - к дому Кардашбека, было грустно, что никто его не узнавал, возгордился, что вождь, и ему, видите ли, больно, что никто не узнает! А все же грустно. Ему, впрочем, тоже не попадались знакомые, словно за эти год-два город стал другим. Шаги сами вели к угловому дому, и не ответит, если спросят: Почему именно к Кардашбеку?

Справа высится собор Александра Невского, чьи золотые купола отражают заходящее солнце, деревья за высокими прутьями, словно пики, железного забора вот-вот зазеленеют (снесут-разрушат, а в фундаменте, или подвальных помещениях, с кирпич золотые слитки). Вспомнил, как Кардашбек возмущался, что собор Золотые купола возведен на месте старинного мусульманского кладбища, усматривали в этом акте унижения тюрок символ царского порабощения. А вот и балкон-фонарь дома Кардашбека, парадная заколочена, как во всех барских домах, открыт лишь черный ход для жильцов, которыми уплотнен дом, железные ворота.

Лестница на второй этаж, волнуется, тихо прошел мимо окон, выходящих в коридор, где-то здесь живет и дочь Мелик Мамеда, юным милиционером умыкнутая, и она, Махфират,

увидела, что мимо её окна прошел коренастый человек, что-то знакомое в облике, где-то видела. К счастью, Сону не встретил, но она услышала его голос и свое имя, произнесенное братом, когда Нариман зашел к Кардашбеку, и ушла во внутреннюю - дальнюю комнату, заперлась.

Кардашбек был потрясён, изумлён, не знал, куда усадить Наримана, такой неожиданный визит знатного гостя!

- Ты? Нет, быть этого не может! Сам, без охраны? А не боишься? Ведь к классовому врагу, хе-хе, бывшему, так сказать, эксплуататору...- Подвижные глаза, суетливость появилась, ее прежде не было, губы насмешливые (уже пожалел, что пришел).

- Гирию твою пудовую не вижу, бросил нарачивать мышцы?

- Не с кем бороться.

- Так и не с кем?

- Я человек смиренный, семейный... А бороться - это для юнцов.

- Угомонился? Помню, гордился, что служишь революции, с восторгом рассказывал, как однажды открыто выступил на сходке рабочих мусульман в Балаханах против собственного класса буржуев.

- Да, было такое... Мне бы теперь лишний раз о себе не напоминать. К счастью, как ты тогда распорядился, чтобы не трогали, они и забыли про мое существование.

- Шел к тебе и вспоминал, кого бы ты думал?

- Сону? - Противный такой взгляд: точь-в-точь как в прошлом играл на его чувствах, заодно испытывать собственную восприимчивость европейских манер: дескать, не восточный ревнивец-брат, готовый расправиться с наглецом, вздумавшим рассуждать о сестре в его присутствии, а вполне цивилизованный мусульманин.

Промолчал. Не сказал правду, что о Соне не думал. Что говорить о ней? Вздохнул: - О несчастном Мир Сеиде вспомнил.

- Не жилец он был. Такие рано сгорают.

- Боевая дружина, провокатор... Сколько чепухи нагородили!

- И это говоришь ты, который варился в большевистском котле!

- В эти игры, к счастью, не играл.

- Я сам видел донос Мир Сеида! - не сдержался Кардашбек.

- Признайся, тебе приоткрыли тайну, ибо сам был туда вхож.

- Допустим, - озорство в глазах, - что с того? А теперь скажу такое, что держись: Служил - не служил, - голосом Наримана. - А кто из ваших не служил? Коба, думаешь, не служил?!

- Ну, скажешь! - А в душе сомнение (и радость?): слухи были, что по доносу Кобы Шаумян арестован. - Сказал здесь, больше такие глупости не повторяй! - Провоцирует?

Кардашбек вдруг скороговоркой, перестарался: - Вечно голодный был Коба, долму нашу очень любил, Сона готовила, боялся, что отравят. Эй, Сона! позвал. Никто не откликнулся. - Чай будем пить!

- Нет, на чай не останусь. А ты не волнуйся, тебя не тронут, мы свое уже отвоевали.

- И ты? - с изумлением. Заискивающе-любопытствующий взгляд. - С чего ты-то? На такую высоту вознесен, и надоело? - Нариман поднялся, чтобы идти. - Чего спешишь? - Чуть задержать, чтоб неопределенность исчезла, ведь не просто так явился! - Недавно у меня, знаешь, кто был? Ни за что не угадаешь: Вышинский! Как ты, неожиданно забрел ко мне, сто лет, говорит, не виделись, ректором университета в Москве назначен, объятия распротёр, энергия так и прет из него, старых друзей-бакинцев решил навестить, какие мы с ним друзья? - Нариман не отреагировал. - Помнишь, его однажды Коба отчитал, и ты там был, помнить должен! - Мамед Эмин, выступая, задел Вышинского, обвинил, кажется, в излишней жестокости боевую дружину, Вышинский не стерпел: мол, прежде чем обвинять, научитесь

сначала правильно по-русски говорить. Мамед Эмин сказал кровопитие, Коба и заступился: Русский язык для Мамед Эмина не родной, попробуй ты выступить по-тюркски! - И Мамед Эмина защитил, и своё знание тюркского продемонстрировал в укор Вышинскому: Агыр отур - батман гял! и сам же перевел: Веди себя достойно и солидно.

Зря явился к Кардашбеку... Нет, не зря: Кардашбек клялся, как показалось Нариману, искренно, что непричастен к гибели Мир Сеида. Кто теперь распутает? Фраза на языке - привязалась, не отвяжется: сжалось сердце от жалости (а жало вонзилось в душу).

ХВАЛЕБНАЯ ОДА ПРОРИЦАТЕЛЮ

После ухода Наримана Кардашбек возьмет обыкновенную ученическую тетрадь и набросает карандашом, вовсе не думая о потомках, нечто вроде воспоминаний, - как-никак, а и у него были заслуги перед революцией: выступал ведь на рабочей сходке! На всякий непредвиденный случай: вдруг да явятся с арестом? Спасибо Нариману, напомнил о его кое-каких революционных деяниях, зря ничего не скажет.

- ... У нас Нариман был! - Сона соседке говорит, аджарке Ламии, Махфират слышит.

- Какой Нариман?

- Нариман Нариманов!

- Так уж и он! - Ох, дурочка, дурочка!.. Ламия качает головой. И впрямь Дэли Сона.

- Не веришь? Он мне: Здравствуй, моя ненаглядная.

- А ты?

- А я смеюсь, мне смешно, смех меня разбирает, фи! такой он старый-престарый!

... Кардашбек пишет и пишет, потом надоело (и не завершит): их беседа с Нариманом, чтобы не забыть.

Раньше времени радовался, что не трогают, вспомнит о нём Кара Гейдар: на днях, проезжая по Базарной улице, увидел на трамвайной остановке Кардашбека, о ком начисто забыл! молодой парень из ЧК, Оганесян! армянина и послать! Вечером тот явился к Кардашбеку (вся семья на даче, у бывших слуг!) и предъявил ордер на обыск. Странно, что пришел один, подумал Кардашбек... К обыскам ему не привыкать, пусть ищет. Тот порылся лишь в ящиках письменного стола: что-то взять, чтобы показать Кара Гейдару (свежие записки!).

- Что же дальше? - спросил Кардашбек, а чекист мнется, странный какой-то.

- Извините,- проговорил после некоторого колебания,- но у меня и ордер на ваш арест есть... - Потом признается Кардашбеку: очень ему было неприятно, мол, миссия тяжелая.

- Ничего,- Кардашбек ему в ответ,- еще молоды, привыкнете.

Следователь тоже какой-то необычный, что Оганесян - что Козлов, фамилию запомнил, оба приветливы, вежливы, конфузятся: - Поступили сведения, что в подполье действует Мусават, готовят переворот.

- Понятия не имею.

- Вот,- листок ему показывает,- прокламация. Хотите взглянуть?

- Не интересуюсь.

- Правильно делаете. Зловредная бумажка, к тому ж примитивная. Мол, различие,- читает,- между николаевской и ленинской Россией лишь в одном: тогда называлась Николаевской, ныне Ленинская. - Как среагирует? Кардашбек и бровью не повел. -И еще: цепь, которой мы опутаны, тогда была черная, а теперь - красная. Определенно сочинитель к ним в мусаватское подполье затесался... Не знаете?

Молчит Кардашбек.

- А что о Мамед Эмине слышали?

- Сталин с ним дружен был,- ляпнул.

- Да?

- Не знаю, так говорят.

- Кто?

Новая неосторожность: назвал Кара Гейдара. Тот замялся, а потом:

- Вынужден вас огорчить,- говорит.- Ваша фамилия значится в списке руководящих деятелей будущего мусаватского правительства.

- И на какой пост,- улыбнулся,- меня прочат? - Тот не расслышал как будто:

- Что вы можете сказать в свое оправдание?

- Чья-то злая шутка. - Кардашбек выразил на лице недоумение. - Я понятия не имею.

- А что за записи? Ваши? Оганесян передал!

- Мои.

- Расшифруйте.

- Это о встрече с Наримановым, чтоб не забыть, о чем говорили.

- В ваших записях два имени, вернее, инициалы: М. Э. и А. В.

- Первый - Мамед Эмин.

- Вот видите! А говорите, что не знаете.

- А. В. Андрей Вышинский. Товарищ Сталин однажды при мне, и Нариман там был, поддержал Мамед Эмина и отругал Вышинского.

- Да? - Не знает, как реагировать, и тут вдруг везение Кардашбеку: срочно Козлова к начальству вызывают. Милиционер отвел Кардашбека в одиночную камеру. День прошел - ничего, еще день - будто забыли о нем. Козлов появился с повязанной головой:

- С бандитами, - сказал, - сражался, в голову ранили... - Неправду сказал, Кардашбек потом узнал: восстали земляки Кардашбека, а повод выходка комсомольцев, которые втащили в мечеть козла, подняли на самую верхотуру - минарет, мучили, пока не заблеет: блеет, никак не остановится вроде как молла, призывающий к молитве правоверных. Не стерпел народ, взбунтовался.

-...Что ж, улик против вас нет, мы вас вскоре освободим. Но есть просьба, от товарища Кара Гейдара исходит, чтобы подробно о Мусавате написали, выразив к нему личное отношение.

В камере и сочинил, ругая гнусную предательскую политику мусаватского правительства. Что тупоголовые идиоты, мнившие себя вождями нации, пытались вставить палку в колесо революции, еще фразы, читанные из книг и всякого рода новейших призывов. А его, как обещали, не выпускают. Целую неделю держали (семья на даче, понятия не имеет). Потом выпустили, вернув изъятые записи. Вышел - навстречу Козлов:

- Как? - удивился. - Только сегодня выпустили?! - Искреннее недоумение. - Ай-яй-яй... - проводил до площади, извозчика нанял, усадил в фаэтон. - Кстати, - спросил напоследок, - вы не досказали про... ээ... э, замялся, как тогда, - другие инициалы в ваших записках... - Кардашбек бровью повел, плечами задвигал, мол, не понимает.- Ладно, в другой раз как-нибудь, - и пожелал Кардашбеку успехов.

- В чем? - спросил Кардашбек. На сей раз Козлов не понял. - На каком поприще успехов вы мне желаете? - Фаэтон тронулся, а Козлов вдогонку: - В сочинительстве!

Дома Кардашбек перечитал старые записи. От листков веяло чужеродным духом, сыростью. Порвал и сжег на медном подносе. Потом, много лет спустя после Наримана, словно чуя новые беды, которые обрушатся, и дабы обезопаситься - даже Нариман, и тот подвергается нападкам! решил кое-что записать отчего-то по-русски: оправдаться или покаяться?. Начал с Мир Сеида. Может, рассказать о своем приобщении к революционному движению?

Мир Сеид... Вспомнил, как познакомились, тридцать с лишним лет прошло, во втором году нового столетия, у артиста тюркского театра Кязымовского, увлекались тогда мусульмане фамилиями на ский: Араблинский, ах, как играл Отелло! Надир-шаха! Сарабский, Эриванский, тарист популярный, а еще был Макинский, из иранского города

Маку, министр юстиции правительства Азербайджанской республики, - надо было узнать у Козлова, какой пост думали предложить Кардашбеку, выкинул недавно бека, став Кардашем.

... Собирались для организации тайного комитета против убийцев мусульман. Мир Сеид был революционно настроенным молодым человеком, любил оружие, его всегда тянуло к террору. Когда волны революции стихли временно под давлением реакции,- из какой-то книжки выписал,- и деятельные боевые организации были приостановлены, Мир Сеид, охладевши к мирной подпольной работе, окончательно отошел от Гуммета, одним из организаторов которого был, и создал группу анархистов, главным ядром являлся сам, а также Шалико и Япон, клички у них были такие, оба грузины. Любовь к оружию привязала Мир Саида к террору. Скоро попался и был арестован у себя на квартире с бомбой. Ему грозил военно-полевой суд, казнь или каторга, и он открыл секреты Гуммета, был освобожден. Вскоре начальником охранного отделения жандармерии ротмистром, фамилию забыл, был назначен обыск на квартире гумметистов. Одновременно были обысканы моя квартира и квартира т. Азизбекова Мешади (расстрелянный комиссар - как пароль). У т. Азизбекова жандармы первым делом бросились в подвал соседнего дома, где хранилось оружие и боевые припасы, место было известно лишь т. Азизбекову, Мир Сеиду и еще одному человеку, фамилию назову потом. К счастью, благодаря бдительности, фамилия потом, за три часа до обыска оружие было переброшено в другое место.

В моей квартире офицер тщательно осмотрел внутренности телефонного аппарата, где хранилась печать боевого штаба Гуммета, место было известно лишь мне и Мир Сеиду. Но так как до обыска за день раньше я был предупрежден переводчиком жандармского управления Алиевым, я изменил местонахождение печати, но маленький чемодан с нелегальной литературой попал в руки жандарма.

Я был арестован и заключен в 10 камеру Баиловской тюрьмы, где находился т. Тер-Габриэлян, может подтвердить. Меня утешал, что твой отец богатый, не даст тебе сидеть, после освобождения не забудь обо мне. Утешение было оправдано на следующий день благодаря 4 тысячам рублей золотом, выданными моим отцом полковнику Зайцеву, и после двух часов допроса лично генералом Козинец и Зайцевым был освобожден как сын потомственных дворян, имевший честь представиться государю императору, может, не надо об этом? в дни коронавания. Полковник Зайцев шепнул мне, что меня выдал Мир Сеид. Вскоре отец отправил меня с Агаевым Ахмед-беком, Француз Ахмед его звали (о Франции не надо, вычеркнул фразу), в Ессентуки.

После моего отъезда Мир Сеид подстрекательством жандарма Орлика решил убить начальника боевого штаба Вышинского Андрея, друга т. Сталина (непременно добавить!). Узнав об этом, решили убрать Мир Сеида. Террор был поручен начальнику дружины Володе Большому (а не Маленький?.. Забыл!), Гогуадзе его фамилия, и члену штаба Аванесу, что было исполнено на Губернской улице возле Армянского собора (Написано, - добавил, - в ноябре 1933 г. в Баку).

Далее о революционной своей... деятельности? работе?.. нет, это слишком - участия в революционной сходке, это точнее, так и начать, спасибо Нариману, ни слова о нем,- напомнил, а ведь начисто забыл, тогдашний страх вычеркнул из памяти:

...В первый раз, когда гумметисты решили организовать революционную сходку рабочих мусульман в Балаханах против буржуазии, бюро Гуммета поручило мне выступление как ответственному организатору района и принадлежащему к громкой фамилии Кардашбековых, против которых не каждый решался выступить. И дату непременно указать, когда это было: осенью 905 года.

Холодная осень стояла, и я нарочно оделся по-буржуазному: меховая шуба, бриллиантовый перстень на правой руке, золотые часы на цепочке. Сходка была назначена возле мастерских миллионера Мухтарова в Забратском районе, где находилась аудитория.

Были собраны тысячи рабочих мусульман. Под гром аплодисментов пролетариата, окруженный революционной свитой я ступил на эстраду. Это было мое первое выступление на многолюдной сходке, я волновался. На меня были обращены тысячи взор готовых к кровавой борьбе пролетариата мусульман - тюрки, лезгины, татары, персы и др. Среди собравшихся было и немало кочи Мухтарова, может пояснить? Но кто в Баку не знает про кочи, наемных убийц? Асадуллаева, желающих сорвать сходку.

Эти имена всегда в памяти Кардашбека рядом; как и рядом были их виллы в Мардакьянах, где и Кардашбек свою выстроил. Получил однажды приглашение Мухтарова (и Асадуллаевы приглашены были: отец Шамси и сын Мирза) осмотреть сложнейшие его гидротехнические сооружения: прорубленные в скальном грунте широкие колодца-амбары, пять на десять метров, и на глубину сорок метров, оборудованные металлическими лестницами, капитальные помещения наверху для насосов и предохранения воды от загрязнения... На такое у Кардашбека средств не нашлось, но Шамси Асадуллаев перещеголял Мухтарова в другом триумфальными воротами своей виллы: состязательный был азарт.

Ну и мода - рассказывать о трусливых миллионерах, их наемных кочи-телохранителях, которые, об этом непременно написать, боясь на революционной сходке мести революционных (кашу маслом не испортишь, вспомнил поговорку) рабочих дружин, спрятались, как мыши по углам. Первым долгом я указал на свое буржуазное происхождение, назвав имя своего отца и нашу фамилию: Вы, товарищи-рабочие,- бросил я в толпу,- верьте тому, что я говорю, и не раздумывая сплотитесь под знаменем Гуммета. Я, сын буржуа, возмущенный кровопийством и жадностью буржуазии, отказался от своих классовых интересов и вступил в ряды борцов пролетариата, и вас призываю на борьбу против буржуазии, к каковым принадлежит мой род.

Мои слова ошеломили рабочих. Началось сильное возбуждение, послышалась брань по адресу буржуазии и их агентов. Я, воодушевленный таким настроением публики, продолжил свою речь. В этот момент я почувствовал за собой кого-то, в голове пробежало мгновенно: не покушение ли на меня готовится? Оглянулся, вижу на эстраду поднимается рабочий - высокого роста, плечистый, в сапогах, шапка надвинута на брови, револьвер в руке. Слышу: Корхма, де! говорит мне, мол, не бойся, выступай, мы все за тобой... Я эти строки пишу со слезами в глазах, как были хороши дни революционной борьбы и где большинство этих честных борцов пролетарской революции? Они все под сырой землей... Так вот: этот рабочий развернул надо мной красное знамя. За ним последовал рабочий среднего роста с черной бородой и обнаженным кинжалом в руке. Агенты буржуазии разбежались.

По окончании сходки рабочие с красным знаменем сопровождали нас до больницы совета съезда нефтепромышленников, где мы сели в фаэтон и поехали в город. (Написано в феврале 1934 г. в Баку). А следом приписка без даты: Многие партийные товарищи, с которыми я работал в дни революции, лежат под землей. Дойдет очередь и до меня. Мысль о том, что страницы революции бакинского пролетариата, которые известны мне или очевидцами коих я был, могут остаться незамеченными, очень меня беспокоит. Я хочу подчеркнуть рельефные места истории. Пока есть у меня силы, буду писать для истории все, что помню и знаю,- здесь точку поставить.

Спрятал тетрадь меж томами энциклопедии Брокгауза-Ефрона, чтоб была не на виду - хорошо, если не бросается в глаза, а как бы невзначай обнаруживается во время обыска: сразу возрастает весомость записей (сочинял, мол, для себя - не в целях самозащиты... Что рано или поздно обыск у него будет, Кардашбек не сомневался).

Но прежде перечел. Не очень убедительно. Грамматические ошибки? Пусть, это даже придает им искренность и естественность. Кем бы из знатных еще прикрыться? Кобой-Сталиным? Опасно... - лишний раз напоминать о себе. О Наримане - ни слова: не в чести.

Нет, ни к чему эта писанина, надо в тень ни о ком ничего не помнит, потому не о чем рассказывать. И забросил (затерялась тетрадка).

БУДУЩЕЕ ОПРОКИНУТО В ПРОШЛОЕ, А НАСТОЯЩЕГО НЕТ (как будто вовсе не было): АЗАРТНЫЙ ГОН

В последнее время Нариману все чаще думалось: где меня похоронят? в Тифлисе? с какой стати? в Баку? недруги не позволят. В Москве? в лютой этой земле? дадут ли спокойно лежать?

и гонители у тебя отыщутся, и гонимые.

волчья стая в погоне за жертвой, или гончая? низкий лоб, короткие уши, высокая посадка на передних лапах, мускулиста и суха, отличается силой и злобностью, без лая в азартном гоне преследует до обморока лис.

а у зайца разрывается сердце.

вождей наплодилось: бросишь камень - попадешь в вождя.

и ты - вождь! никому теперь не докажешь, что думал иначе.

сын... а что сын-несмышлениш? повергать его в уныние,

отнимать веру в идеалы - счастье служить трудовому народу.

ты и сейчас не можешь без заученных фраз, доколе?!

атака за атакой, пока не добьет (и, слушая кинто у власти, чуть не вырвал часть своей шевелюры).

и будешь, Юсиф (Иосиф?) искусно играть земным шаром, как футболист мячом, рисовать в воображении систему заговоров, они впечатляют однорядные умы масс, привыкших к простоте, новейшие хитросплетения тайных умыслов, диверсий, запутанные коридоры двурушничества и предательства.

и стилисты найдутся, одаренные вечным пером и стопкой девственной бумаги, заляпана твоими жирными пальцами.

безукоризненная твоя грамотность, изысканный слог, ни одной орфо и синта ошибки, зпт перед что как который если, доведенная до тчк кипения.

бежит, трясая белой бородкой, шустрый козел, а за ним бараны, захваченные страстью, бегут по кругу, ускоряя гон, и козел многоопытный вдруг резко отскакивает в сторону, и бараны проваливаются в пропасть.

безгласная емкая смесь жарких слов, и все глухие, без энергичной экспирации при артикуляции: рсстрл, к счастью, под давлением масс не отмененный - такова воля многомиллионного люда: требуем! к стенке!

а застрельщик-закоперщик кавказских этих застолий, подавляя в душе страх, плясал лезгинку, грациозный и легкий, как пух, держа меж зубов - асса! асса! асса! - острый кинжал, впился в кончики тонких губ, аж до ушей бескровно разрезая скулу.

но это потом, а ныне - то ли начало века, когда загорелось, то ли его конец, когда всё ещё горит-полыхает, и никак не сгорит, чтоб развеяться пеплом.

... Съел тонкий ломтик черного хлеба с сыром, привез из поездки еще прошлой осенью бурдюк сыра-мотала из Шемахи, родины жены, всю зиму питались, осталось немного и на весну, выпил крепкого чаю.

Он пойдет пешком, недавно сюда переехали, в бывший особняк на Поварской,

спустится вниз, перейдет улицу и снова вниз, до сада, а там вдоль краснокирпичной стены и - на площадь. Если устанет, сядет в трамвай. Вышел за ворота и, неуверенно ступая по слякоти, стал спускаться. Гюльсум предупреждала, чтобы не спешил, на улице в эти мартовские дни скользко. Угомонись, доктор! - а потом, помолчав, добавила: - Знаю, что задумал исполнишь, тебя не остановить, скажешь, что думаешь!.. - А про себя: не перевелись ещё мужчины, не все сменили папахи на платки!

Московская зима угнетала перепадами от лютых морозов до оттепелей, когда дышать становилось трудно, а потом вдруг подмораживало, идешь, спотыкаясь об ледяные комки. Тяготило и скорое наступление темноты, и Нариман, как только переваливало через самую длинную ночь в году, чувствовал некое облегчение, ему доставляло удовольствие, отрывая листок календаря, видеть, как изо дня в день чуть раньше светлеет небо и отодвигается время заката.

Уже март... Эти странные марты, в которых что-нибудь да случается, какой-то рубеж: именно в марте - арест (Метехская тюрьма и астраханская ссылка), трагическое прозрение ложных путей-дорог, семя которого, брошенное все в том же марте - в мартовскую войну, дало всходы позже, и сегодня - тоже март (двадцать пятого года): что-то, очевидно, есть в этом времени года, не зря родилось у земляков: Март уйдет - горести уйдут.

В кармане заявление на имя товарища Сталина. Собирался отдать до поездки, когда и созрело решение уйти в отставку. Ну, и Тифлис, сессия ЦИК, где ударили по самолюбию. В угоду тем, которые изгнали. Присказку вспомнил: Медведь на лес обиделся, а лес о том понятия не имеет. Но он не медведь, хоть партия ныне - лес... Заявление сочинялось мучительно, пока не отлилось в спокойные формулировки: ни тени обиды, ни намека на разрыв, ничего такого, что давало бы повод для кривотолков, без демонстраций.

Всё зависит, так уж получается, и ничего не изменить, от Кобы,

скажет да - отпустят: бумаге по кадровым вопросам дается ход только из его кабинета, и она пробивает дорогу, лишь выйдя из-под его пера. И помыслить Нариман не мог, что в солидные свои годы окажется в роли просителя, судьба будет зависеть от каприза человека, с которым... Мы политики,- сказал ему как-то Сталин,- нам не чуждо сочинительство, но есть границы, за которыми сочинительство превращается в очернительство. (Намек на его записки в ЦК.)

- В отставку проситесь? Логика проста: взывать больше не к кому, защитников не осталось. Всех настроили против себя.

- Решение созрело вовсе не по тем мотивам, о которых говорите.

В УЗКОМ КРУГУ, или ГЛАВА-СКОРОПИСЬ

И на стол генсеку заявление: Многоуважаемый (!) товарищ Сталин... - что же дальше? почти как давнее послание Кобе Мамед Эмина, напечатанное в Турции,- застало Кобу врасплох, и даже тень страха, оспинки на лице вдруг отчетливо проступили. - Я убедительно прошу Вас поддержать мое ходатайство перед Политбюро... - и что же? вот: Здоровье моё и ребенка подвигают меня на этот шаг. Я думаю, что тридцатилетняя моя литературно-общественная работа...

- Вот вы тут пишете... - И цитирует: - Я думаю... История, известно, наука точная, есть даты, есть фиксированные данные.- Не спеша, ибо торопиться некуда.- А с какого года вы ведете отсчёт лет? Двадцать пять нашего, долой еще пять годков прошлого века, год восемьсот девяносто пятый, не так ли?

- Вам было шестнадцать, - подобной наивностью Кобу не собьешь.

- Пойдём дальше. Нет, я не сомневаюсь, впрочем, вспомнил: вышла ваша пьеса Наданлык,- произнес слово чисто, без акцента.- Люблю четкость тюркской речи. Наданлык - это невежество?

И о переводе "Ревизора", тоже как-никак литературная деятельность много ночей из тех

далеких лет.

- Помнится, вы послали рукопись перевода в Бахчисарай, фамилию запомнил, что-то выпрение.

- В дар Исмаил-беку Гаспринскому. Он тогда издавал единственную в Российской империи тюркскую газету Тарджуман, мой перевод был подарком к ее десятилетию.

- Татарин и на ский, ну да, мода тогда была. У турок ведь фамилий не было, спасибо русским, с их помощью обрели родовую устойчивость.

- И некролог о нем написал.

- О националисте до мозга костей?

- Чуть что - ярлык?

- Определенность позиции.

- Мы можем вычеркнуть его имя из энциклопедий, но тюркский мир сохранит в памяти.

- Это идеи вашего некролога? Не станем всерьез воспринимать литературные наивности жанра.

(Нариман настоял, чтоб в словнике новой энциклопедии сразу после Гаспра дали Гаспринский, лично Бухарина просил. Включили. Недавно десять лет минуло со дня смерти, кто помянул? Проследить, чтоб не вычеркнули из словника! Газета раздражала в те годы и видом своим, шрифтом, самой своей данностью, какая-то дерзость во всей этой затее с просвещением мусульман, сплотить на ниве культуры, и лишние расходы властей на содержание штата осведомителей-цензоров, чтоб ни одна буква не миновала пристального ока).

- Но вы говорите, помимо литературной, об общественной работе, в чем она, поясните, пожалуйста.

Напомнить, как ученик, которому задан каверзный вопрос, что общественная деятельность началась с открытия в Баку дешевой библиотеки-читальни, и чутко следящий за культурными событиями в жизни мусульман России Гаспринский, несколько напыщенно прозвучало, в своем Тарджумане поставил Баку в пример древней Бухаре, красивому Тегерану, европейскому Стамбулу и мыслящему Каиру, эпитеты, улыбнулся Нариман, на совести Исмаил-бека.

Немыслимыми каракулями детские письма, посылаемые потомкам?

И про меценатство - новое для мусульман дело и, кто имеет средства, пытается следовать российским обычаям, оно служит возвеличению имени, знатности и популярности в обществе, а часть на расходы зарабатывается любительскими спектаклями, и вырученные деньги идут на приобретение книг, выписку газет, содержание библиотекаря и - водевили, комедии, сценки, некий круговорот, про сватовство еще скажи, как неудача ранила!

- И вы считаете... Дорогой товарищ Нариманов, - Коба, расхаживавший по кабинету, остановился, - мы же взрослые люди, неужели это стоит упоминания в ваших устах?

- Но восьмилетняя моя работа на ответственных должностях по указанию партии дает мне право обратиться в Политбюро с просьбой!

Нарком Бакинской коммуны? Ещё какое указание партии?

- ... Надеюсь, - низвел-таки до роли просителя, - что Политбюро не откажет в моей просьбе.- Уехать отсюда и написать обо всем, что видел, слышал и делал... Как можно спокойнее, что хоть в малой мере чем-то недоволен - уже было, не любит Коба, когда просят в отставку: Демонстративный уход? Мелкая обида на родную партию или осознание долга перед отечеством? Глухая оппозиция или состояние здоровья?

Чтоб за строками не угадывались прежние столкновения! Ну и болезнь тоже, недавно был сердечный приступ. Представляя при сем медицинское свидетельство, я прошу Политбюро разрешить мне жить в Баку, климат которого вполне подходит не только для моего здоровья, но и для здоровья семьи. Если же этому мешает занимаемая мною должность

члена Президиума Ц.И.К. С.С.С.Р. (со всеми точками), то прошу освободить меня от этой должности. Еще в прошлом году врачи высказывали мнение, что климат Москвы,- а ведь непременно перебьет, усмотрев в этом некие намеки и скрытый смысл,- вовсе не подходит для моего здоровья, тем более что здоровье моего ребенка, который часто болеет воспалением бронхиальных желез... И далее: Разрешить мне заниматься литературной работой, что даст возможность поддержать существование семьи.

- Что за литературная работа, которой невозможно заниматься, служба партии? Все мы так или иначе сочинительством занимаемся, кого ни возьмёте, все пишут. Даже трагедии! - А что если в Политбюро спросят: представьте-ка конспект вашей литературной работы, чтобы обсудили. Старые распри в литературной форме? Диалоги?!

И, выведя из себя Наримана, нарушив в нем равновесие протестующего и просящего начал, заглянуть в его душу, - нет, только нейтрально: Я надеюсь... Литераторство тоже: декреты и указы подписывать, когда Нариман дежурит как председатель ЦИК, запятую где подправить, об издании, к примеру, Большой советской энциклопедии, БСЭ, увлечены аббревиатурами, Декрет об основах авторского права, переименовании, тоже из новых страстей (впрочем, было и при царях), Румянцевской библиотеки в Ленинскую; создать Фонд имени В. И. Ульянова-Ленина, приложено личное мнение Наримана: ни рубля на иные нужды, кроме помощи беспризорным, столько их на железнодорожных станциях и пристанях! Торжественное открытие дагестанской выставки (Нариманов председатель); с Крымским Совнаркомом возродить татарскую культуру в Крыму (Нариман поддержал); организовать Музей восточной культуры; экспедиции на юг - в Туркестан, на Кавказ; что по почину Научной ассоциации востоковедения в Мраморном зале Второго Дома Союзов отмечен его юбилей, то же - в Институте востоковедения, бывшем Лазаревском, Доме армянской культуры, - диспуты: откроются ли в Москве дома культуры других народов?

... Заседание закончилось, стенографистка собирает школьные тетрадки, сложенные вдвое, стол завален бумагами, пепельницы полны окурков, но все сидят в ожидании заключительных напутствий.

- Кажется, ясно. Есть еще вопросы? - спрашивает Сталин. и немигающий тяжелый взгляд твой уставился на меня, я к нему привык, это началось не сегодня, уж меня не напугаешь, вдруг, с чего это меня потянуло, ждал, долго готовился, понимая, что бесцельная затея, но я припас это, и наше заседание, будто стенографистки собирают школьные тетрадки, домыслил для большой драмы, неизжитая страсть- ты скажешь слово, я отвечу, выстраивая диалог, надеясь, что не все кончено и удастся переломить ход событий.

но кто? как? какая гвардия? может, закаленные в боях, те, кого не брали ни огонь, ни ссылки? эти лица рассеялись по краю, но можно воплотить в единый тип и призвать к совместным действиям (?) да, ждут твою с нескончаемым первым актом драму, скоро ли финал?

РАЗДВИНУЛСЯ БЕСШУМНО ЗАНАВЕС, и Нариман поднялся на сцену, а впереди ещё занавес, и Наримана потянуло в глубину, он вплотную приблизился к сидящему во главе стола: - Да, есть вопросы!

вы все как будто ждали, что это должно случиться, и старик заговорит, может, путанно, как всегда,- терпели меня, потерпите еще: недавно чествовали востоковеды, произносились речи, и он благодарил, одаривая всех, и вас тоже! только что изданной книгой, а в ней историческая драма о временах двухсотлетней

давности, будто было вчера, и как только завершилась торжественная часть, показали сцены из трагедии, и актёр в роли Надира, он ещё не шах, но уже изгнал тирана, торжественно произносил:

мне больно думать, что твоё имя поминают сейчас недобрым словом. А после смерти? Его произнесут с проклятиями! хочу издать новые законы, чтобы примирить враждующие секты, покончить с раздором! и ты, Коба, после спектакля пожимал мою руку:

доктор,- сказал шутя,- а как наша борьба с оппозицией? думаешь, легко примирить секты?

- Да, эти вопросы меня мучают, не имею права не сказать! - Микоян и Серго насторожились. - Сказать о вашем большевизме!

Что началось!.. Заговорили разом братья по духу и борьбе, чтоб Нариман не смел себя позорить.

- Нет, пусть говорит, выскажется,- и трубку стал чистить, выскребывая блестящей металлической лопаткой черный табак.- Мы тоже кое-что ему припомним!

ты же трус, я знаю.

глинобитное здание с маленькими окнами в решетках, остров смерти, и мы поехали туда, с нами был еще Мамед Эмин, и ты струсил, показалось тебе, что мы можем тебя утопить, говорил-грозился, чтобы отогнать страх.

он шутил, дескать, я тебя трижды спас от гибели, и я тебя погублю! а потом, став вождем, предложил ему неприемлемое: или покаешься и станешь работать с нами, выполняя мою волю, или - я ценю твои заслуги, ибо спасал будущего вождя,- уезжай в любую страну, чтобы не напоминал о давнем твоём страхе.

темно-карие глаза порыжели, усы опалены табаком, дым съел взгляд, белое око в крапинах и желтые кончики ногтей.

рассаживаются, каждому отведено место за массивным столом, три тройки, нечетное число, аксакалы слушались тебя, как малые дети, подчинялись, ненавидя, восхваляли, презирая, и тайну эту никто не сумеет разгадать, неразлучная тройка, потом ты их рассоришь и поодиночке казнишь, справа - тоже четверо: что говорить о них, бессловесных рабах?

Микоян, предчувствуя, что разговор пойдет необычный, бросил стенографистке, она сидела за отдельным столом:

- Это в протокол не заносить!

- Почему? - удивился Коба.- Пусть потомки знают, ведь доктор обращается к ним, не так ли?

Тут и Серго голос подает:

- Дело сделано, ряды крепить надо, а не демагогию разводите!

- Мы тоже вспомним, как пойдут воспоминания. О том, как вы покинули коммунаров в беде! Ну да, болезнь, а по существу, если называть вещи своими именами, дезертировали, покинув поле боя. Вот свидетель! -и на Микояна показывает: нос крючком, почти верхнюю губу задевает, только что был заострен, когда полез примирять, мол, кому это надо, время не повернуть назад, и дело сделано:

- ... Взыграл темперамент, погорячились, свои же, кавказцы, вот на какую высоту, - тост Микояна, - судьба нас вывела!

- Не судьба, партия! - поправил Коба, уточнив: - Ленинская партия!

Конница детализировала: - Товарищ Сталин, вот кто!

махнет рукой Коба, повелит: станцуй!

и ты выходишь в круг, танцуешь грациозно, напевая под нос,
пока легко-легко дышится, - его любимая лезгинка, и зал огромный
суживается до пяточка, на котором отделяешь каждое движение,
выкладываешься весь, чтобы доставить ему наслаждение,
разгневается, если вполсилы.

- Доктор,- это Серго,- остановись! Не забывай, что у тебя сердце не железное! - шутит,
может, пронесет: куда он лезет, чудак, разве не видит?! Копна волос, вздыбилась во все
стороны.

И Микоян: - Муки творчества, писательский зуд, но терзайтесь молча, кому надо мутить
воду теперь? Не по-мужски это! - Ну вот: и здесь про папахи и платки!

-...Теперь,- продолжает Серго,- когда в перспективе такие грандиозные... - И о
бакинской нефти.

я вижу знаки мне, не слепой, но в сердце что-то оборвалось,
и не понять мне, почему начал этот разговор и какой в нем толк?
ничего уже не изменить, катимся в пропасть!..

- Оставьте скоропись, я предупредил не заносить в протокол! - это один из троих,
самый быстрый.

Стенографистка растерялась, красные пятна на лице.

- Я машинально...- запнулась и отставила ручку. - Извините.

- ...Ну вот, - подвел Коба итоги, - день потерян на бесплодные умствования.

- Но день только начался, Коба, - это Серго, - еще нет и двенадцати.

- К часу мне в Свердловский университет, Микояну надо встретиться со спецами по
части нового оборудования. Конница спешит на маневры, тебе самому, Серго, не помешало
бы, думаю, выяснить причину диверсии...

- Авария была! - подал Серго реплику.

- Не спеши с выводами, послушай, что народ говорит! Есть что делать и троим нашим
товарищам, у меня написано тут: первый выступает перед курсантами, второму вычитать
материалы, прежде чем пойдут в типографию, третьему встреча с учёными, а вам... вам,
доктор, по-моему, сегодня надо запереться в кабинете, продумать все ваши... - какое слово
найти подходящее? - формулировки, - да, именно это. И стенографистке: - Протокол
покажете, - взглянул на часы, - в пять, не позже.

А тут явился занять пустующий стул девятый, Ем. Яр-ский:

- Какие новости? - смотрит сквозь толстые очки на кавказцев.

- Выговор вам за опоздание! Ах да, - вспомнил: - Всесоюзный слёт безбожников, ты ж у
нас главный безбожник! Впрочем, безбожники все!

НУ ВОТ, И ВСЕ ТВОИ ПРОРОЧЕСТВА

Явь как продолжение снов: то ли живёт, видя сны, то ли прожил давно жизнь, и она
теперь является ему во сне. А кто увидит во сне пророка, - мама говорит, Альма-ханум, детям
в назидание, Нариман унесёт в могилу мамин голос, гладко льется, обволакивает лаской и
покоем, - прославится в делах мирских и будет близок к царям и повелителям, приумножатся
справедливость, добродетель, изобилие земных благ. И врата мудрости откроются перед
взором его, и от всяких бедствий будет в безопасности. Если кто болен - излечится, страхом и
горестью одержим освободится от них, нищий станет богачом и совершит хадж,
паломничество в Мекку: мало, что доктор, был бы Гаджи Нариман!

Если пророк истинный... - это как с агентами охраны, странные, однако ж,
соединительные союзы: истинный пророк как агент охраны! ну да: каждый мнит себя

пророком, - к забвению, а если лже - нет разгадки. Впрочем, пророчествуя, был огорчен, что его не слышат, губы шевелились, слова - лишь в сердце стесненном (это к упадку веры и разгулу дьявольских страстей, *fiasko*).

Первичный знак-тезис готовил к главной формуле: он такое выпалит, что ахнут, пауза, чтоб сосредоточиться, и особо выделить, будто плакат, развернутый над улицей, бьёт-треплет его ветер, надул как парус, иллюзия движения: **ВЫИГРАЕТ ПРОИГРАВШИЙ**, нет, другой повесить, хоть туго нынче с краской и полотном, миллиона два, но в виденьях - бесплатно: **ПОБЕДИТ ПОТЕРПЕВШИЙ ПОРАЖЕНИЕ**, - невзначай три крепко стоящие на обеих ногах одинаковые буквы - ступени прогресса, что и требовалось доказать. Пошли перекосы-парадоксы,- выстроились один краше другого, и пускай за кружкой пива растолкует:

- Шведы? Разве нет?! Французы? Наполеон! Я вам еще и про Османскую империю!.. Россия? Тут яснее ясного: как и что было и - как стало!.. Любые примеры! - ждет. И о немцах тоже!

Проглотил длинную невкусную фразу: объединение в ненависти пагубно. При чем тут Карабах?! Живи и работай, изумляя мир талантом, а победа - жизнь в развалинах, постоянной тревоге, что отнимут. Так что же: пройдя через потрясенье потерь и проиграв - выиграть?!

Ну да: поняв, кто мы и на что способны, бежать догонять - было! было! караваны других народов (пиво в бочке кончилось, а Нариман не пьёт, ни грамма за всю свою жизнь).

... Сидят за грузинским столом, и Ем. Яр-кий с ними:

- Жаль, без тюрк застолье кавказское.

- Ну его (Наримана?), праздник испортил,- это Серго.

- Забудем, и баста!

Танец? Нет, на сей раз - без танцев.

... Пора, уже поздно, надо домой - к Гюльсум, Наджафу. Вышел из Кремля, обычный маршрут: пройти к площади за Манежем, на Моховой сесть в трамвай. Вот ограда Александровского сада... Странно, прежде не вспоминал, ибо соседствовало с радостью, что наконец-то свершилось, и он победителем едет в советизированный Азербайджан, а тут вдруг... вот так же, проходя мимо Александровского сада в мае двадцатого года перед отъездом в Баку, заслушался гигантского роста старца-слепца, который уставился незрячими глазами в никуда и бубнил,- слова его звучали заклетьем: что разверзлось время, кумачовые пятна (может, зрит?) - это кровь проступила из-под вещей камней Красной площади, что революция в России будет долгой и безумной, кровью зальётся русская земля! Старик, подумалось тогда, выжил из ума, жизнь налаживается, растет сын, в Азербайджане начинается новая эра... - заглянуть в светлое будущее, мня себя пророком (?), который постиг и свободно оперирует всеми тремя ступенями познания: имагинацией, или воображением, инспирацией, или вдохновением, и интуицией,- был убежден, что у него развита.

... Длинный ряд железных прутьев, облезлые, некрашенные, стыннут, крепко вбиты в землю, в просветах Кремль. Как всегда в эти сумерки, на улице безлюдно. Почерневшие холмики снега. Кто-то не спеша, смутно различимый, шел навстречу. Когда приблизились, тот вдруг убыстрил шаг и, резко выпятив грудь... это случилось так неожиданно, что Нариман не успел отойти, ударил его - за пальто будто был спрятан железный панцирь. Сердце у Наримана заходило, забилося и, не успел прийти в себя, кто-то сзади повис на нем. Нариман повернулся, чтобы сбросить тяжелую фигуру, а этот, невысокий, похож на... это ж Володя Маленький! Да, никаких сомнений, хотел вслух: Что ж ты так неуклюже?! Но сзади и спереди плотно прижали, тесно, воздуху! воздуху!.. Еще какая-то мысль или чувство, но что? Слышит голос, какой-то чужой, не его: Мне нечем дышать! - ловит воздух, вдруг такой холодный и сырой. - Да отпустите же! Эй, кто здесь? резануло и оборвалось внутри, его уже никто не держит, прислонился к ограде, сжал прутья, темно в глазах, дорогой Наджаф, скоро сойти в вечную могилу... жизненные зигзаги... какое-то непреодолимое слово, громоздкое,

индифф... диффер... ррентно, это конец, фибры души... короткая вспышка и тьма. И никто не узнает, как.

ГЛАВА КОНЕЧНАЯ, или ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПОХОРОНЫ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, а под занавес - о ХРОНОЛОГИИ, столь же определенной, сколь и непредсказуемой, ибо жизнь не есть судьба.

Сначала, как положено, составили акт. Почерк аккуратный, ровный, свободно-размашистый, фразы грамотно обкатаны, ничего лишнего, констатируется факт и точно проставлены знаки препинания, что:

Двадцать пятого года девятнадцатого марта около половины девятого вечера в Кремлевскую больницу был доставлен на извозчике сиделкой амбулатории председатель Ц.И.К. С.С.С.Р. тов. Нариманов. При осмотре его мною, как дежурным врачом, оказалось, что у тов. Нариманова признаков жизни (дыхание, пульс, сердцебиение) обнаружить не удается, и применение возбуждающих сердечных средств подкожно никакого результата не произвело. Дежурный врач Кремлевской больницы А. Каплан (подпись, печать).

И новый почерк, убористая запись делопроизводителя Кремлевской больницы - крепкая рука, удостоверяющая подпись, похож на предыдущий, и тем же почерком, что и Акт, подпись удостоверяющего, что записано со слов сиделки:

Я, сиделка Кремлевской амбулатории Юлия Ивановна Литвин, проходя вечером сего девятнадцатого марта по тротуару у решетки Александровского сада по направлению от Троицких ворот до площади Революции, увидела прислонившего (пропущено ся, может, прислоненного?) к решетке и сильно кашляющего человека, которому, видимо, было дурно. Подойдя, чтобы оказать ему помощь, я узнала в нем тов. Нариманова, которого видала ранее в Кремлевской амбулатории. Узнав меня, он сказал: Везите меня скорее в больницу, у меня склероз, я умираю. Я переспросила: не хочет ли ехать домой? - он категорически распорядился везти в больницу в Кремль. Дорогой все время стонал, говорил, что ему плохо, и пока мы доехали до больницы, он уже скончался.- Впритык корявая подпись и убористое письмо, та же удостоверяющая деловая рука.

Авель Енукидзе, секретарь ЦИК Союза ССР, став председателем Комиссии по организации похорон, составил, назначив своим заместителем Тер-Габриэляна, список, куда вошли Скрыпник, востоковед Павлович, Базилевич из Московского военного округа, Цивцивадзе, Циркуль, Тагиев из постоянного представительства Азербайджана, секретарь московских профсоюзов Павлов, секретарь Московского комитета партии Рютин... - утвердили порядок процессии похорон:

перенесение тела в Колонный зал Дома союзов, доступ к телу, открытый круглые сутки до часа выноса, после чего гроб к месту погребения следует по маршруту: от Дома союзов через площадь Революции и проезд Исторического музея вдоль Кремлевской стены на Красную площадь к мавзолею.

Приказ Реввоенсовета: точно в десять часов по московскому времени во всех гарнизонах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, не полностью, а сокращенно: РККА, произвести салют артиллерийским выстрелом одной батареи, а в гарнизонах, где нет артиллерии, выдать тайну?! войсковым частям произвести ружейные залпы простыми патронами одним батальоном. В Москве и трех столицах Закавказья - Тифлисе, Баку и Эривани произвести шесть залпов с перерывом ровно в три четверти минуты, а в прочих гарнизонах - по три залпа с перерывом уже в две минуты. Передано также на места радиотелеграммой, приказ введен в действие по радио, что с первым залпом склоняются знамена, приспускаются флаги на пять минут, на то же время в правительственных учреждениях Москвы и по всему Союзу прекращается работа.- Подпись председателя Реввоенсовета Фрунзе (скоро сам - по стопам Нариманова).

Весьма срочная телеграмма от Киргизского правительства, что представители

автономных республик и областей РСФСР, а также Узбекистана и Туркмении считают желательным перевезти тело тов. Нариманова в Баку... А что Азербайджан? Молчит? Им там виднее,- и Авель Енукидзе, у кого скопились эти первичные бумаги, заново перечел их спустя три недели после похорон: перед тем как сдать на вечное хранение, и помнит, по ходу чтения сверлила мысль: Извозчик! О нем ни слова! Спросить! В первый раз не обратил внимания, ибо нелепая смерть, а потом закрутился с похоронами, и по новому прочтению возникли те же недоумения: подвез - и никаких следов! А ведь умер по дороге! И эти похожие почерки: того, кто пишет, и того, кто удостоверяет, и так много случайностей, резануло, что Каплан, что ж, бывают совпадения.

Гюльсум-ханум... Когда ей сообщили... - нет, сказали не сразу, пожалели: Сердечный приступ, и она, оставив сына у соседей, помчалась в больницу. Не спешите, поедem на трамвае. Голос посыльной сестры ей не понравился: Он жив? Живой он? - спросила, и сердце заколотилось как никогда прежде.- Он не может умереть, оставив нас одних! - О чем она говорит? А та молчит. Почему она молчит?

Все, что было потом,- было не с Гюльсум: её самой больше не было. Почему-то все время твердила: Нет, я категорически против вскрытия, успокаивали: будет так, как она хочет, не надо волноваться, у нее сын, должна думать о нем.

Но как можно, чтоб без вскрытия? Акт патологоанатомического вскрытия тела товарища Нариманова (с указанием должности, семь точек проставить). Прозектор больницы профессор Могильницкий Б. Н., - Н с завитушками, такая фамилия, там, в начале пути, Победоносцев, здесь - Могильницкий, скобки жизни, - в присутствии коменданта Кремля Петерсона, наружный осмотр... правильного телосложения, внутренний осмотр, состояние диафрагмы... мягкие покровы головы, кости свода черепа... да-с, читать такое! - вещество мозга, размер сердца, всякие заумности: миомаляция сердечной мышцы, эмфизема легких... - в дело для хранения пошли и напечатанные на ремингтоне речи, произнесенные у могилы: короткое выступление самого Енукидзе, всего лишь фраза, но долго думал над нею: У могилы великого нашего вождя отдадим последний долг покойному председателю ЦИК, нет, полностью: Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик товарищу Нариману Нариманову, далее Калинин: Смерть, и именно для коммуниста, всегда явление случайное в процессе его энергичной работы, и Красная площадь в лице товарища Нариманова получает первую жертву от народов Востока. Когда-то Лобное место, Красная площадь превращается в место упокоения, место погребения вождей, уважения и почтения для всех народов. Отдадим последний долг и пожелаем, чтоб земля (покрытия булыжником) была покойному пухом. Француз Семар от Коминтерна говорил на своём, перевода не было, Миха Цхакая от народов Закавказья, простужен, лишь фраза скорби, которую приносит товарищу Нариманову в его многотрудной, многотяжелой работе - пробудить угнетенные и отсталые народности.

От ЦК РКП (б) - Каменев Лев Борисович: исключительное место, живая связь, своеобразный пройденный путь, отличный от путей, - вдумчивый перечень, - ленинградского металлиста, московского или иваново-вознесенского текстильщика, донецкого шахтера, совещания неоднократные под председательством Владимира Ильича в его кабинете, Владимир Ильич с особенной чуткостью прислушивался к тому, что говорил этот старый, испытанный боец, в чьих словах, иногда колебаниях, - это подчеркнуть, - а также предупреждениях слышался голос трудящихся. Да, задушен, - прозвучало как намёк, - припадком тяжелой болезни старый дозорный революции. И в который раз повторяется, что Нариманов, выходя из Кремля, пошел домой пешком и на Моховой улице, недалеко от здания Манежа... Вчера Сунятсен (слитное произношение), сегодня Нариманов, а завтра... - кто же завтра?

Полоса такая похоронная, сплошные фатальные исходы: трех дней не пройдет -

вспомнят о похоронах Нариманова, что в тот день и час, когда могила товарища Нариманова не была засыпана, суровая судьба готовила нам удар. Не успели мы разойтись с Красной площади - братского коммунистического кладбища,- как нам сообщили, что под Тифлисом на загоревшемся в воздухе аэроплане погибли три наших товарища, абсолютные партийцы Мясников (Мясникян), Атарбеков, Соломон Могилевский. Пролетев Тифлис, аэроплан юнкерс воспламенился и, не будучи в состоянии снизиться, упал, произошел взрыв. А перед тем один за другим из кабины выпали сначала двое, а потом третий... Вместе с ними погибли летчик и механик (скорее б март кончился!).

Авель Енукидзе советовался с Кобой, помнит, тому не понравилось, как однажды Нариман пытался расшифровать его поздний псевдоним: Я немного знаю грузинский и даже древнегрузинский, в Гори учили. Джуга - это сталь, ну и потому Сталин... - почувствовал, что Коба недоволен, тут же о себе, и понял, что еще хуже: - Вот я, к примеру, у меня фамилия Нариманов, Нар - это мужественный, неутомимый, я б по-русски звучал, очевидно, как Мужествин, что ли?

Авель, поминит, пошутил: А может, Неутомимов?

- Я на похоронах выступать не буду,- сказал Коба Авелю.- Не могу лицемерить. А ты и Серго - это ваше дело, мы люди свободные, неволить никого нельзя.

Так тебе и поверил! - подумал Авель.

Когда Сталин узнал, что Серго был на траурном митинге и даже выступал, хотя вся церемония была заранее согласована и утверждена, изобразил удивление: Серго пошел? Беспринципный человек! Был и остался. Павлович? Такой же, как Серго, болтун, кумира себе сотворили в лице Нариманова!

...Все ушли, а они вдвоем с сыном, Гюльсум и Наджаф, у могилы стоят. Как жить дальше? Наджаф мал, не понимает, что произошло, но взяла с собой, чтоб запомнил. Вернутся домой и, будто кто вынул из ящика и положил на стол,- исписанные рукой Наримана листки. Письмо к сыну. Тут же, не снимая шубы, стала читать. Читает и плачет. Спрятать! Пока никто не увидел. Написать такое: и большевизма не будет!.. Сунула в сумку, потом в шкаф - под бельё. Ещё куда-то, затем новый переезд... Так спрячет, что и сама не найдет. А когда обнаружит снова, после гибели сына на войне... - но кому они теперь нужны, умерли все (и её самой нет).

И, собирая со стола накопившиеся в связи с похоронами бумаги, Авель хотел сдать в архив и линованный тетрадный лист, на котором, готовясь к выступлению, набросал вехи жизни Наримана, хронологию его деяний, да забыл, срочный вызов к Кобе, и лист, сброшенный сквозняком под тумбу доставленного сюда из царских палат стола, был подхвачен новым дуновеньем и, качаясь, будто на крыльях, взлетел и спикировал в щелочку, оттуда в подпол, долго прятался там, в своем подполье...

пока я, забредший в этот особняк, который давно снесен, не обнаружил листок, он разворачивался как свиток, обычная хронология, покрытая пылью, никакого труда сдуть её:

1870-1925, даты рождения и смерти, а меж крайними датами, когда перевел гоголевского Ревизора (1892),

сочинил историческую трагедию Надир-шах, маленький роман Бахадур и Сона (1896 и 1899);

вступил в Российскую социал-демократическую партию с неременной детализацией, что речь о бакинском Гуммете (осень 1905);

заключение в Метехский тюремный замок, группа бакинской интеллигенции посылает в мусульманскую фракцию при

Государственной Думе петицию об освобождении знакомого бакинцам доктора Нариман-бека Нариманова, шесть месяцев в Метехском замке

без предъявления каких-либо обвинений;
ссылка в Астрахань, губернатор штрафует редактора тамошней газеты Бурхани-Таракки на двести рублей с заменой, в случае несостоятельности, тюремным заключением на два месяца - за помещение полной автобиографии ссыльного доктора;
амнистия (все это с марта 1909 по июль 1913),
недолгое конфликтное комиссарство в Бакинской коммуне с апреля по июнь 1918,
красиво округленная мысль, что с участием Ленина + плюс добро Сталина + ходатайство Реввоенсовета 11-й Красной Армии во главе с Тухачевским, упомянутым вскользь, но чей призыв крылат: штыком осчастливить человечество, а в подмогу к штыку - ядовитые газы, чтоб выкурить из лесов белые партизанские банды, Политбюро удовлетворяет просьбу т. Нариманова, о срочном выезде в Баку следом за частями славной Красной армии, где Нариманов, будучи ещё в пути, уже избран первым председателем Ревкома Азербайджана (апрель 1920);
и пока я читал, на листке проступали новые даты, после смерти, расшифровка была облегчена интуицией, искусно инкрустированной иррациональной изобретательностью, игровой импровизацией, имитирующей изгойство,
1934, дважды подчеркнуто с учётом выстрела первого декабря: имеется в виду, что в ходе пересмотра роли фигур на доске шахматных кавказских баталий (атака! руби! ура! музыка!) имя Нариманова было внесено в чёрный забвенный список национал-уклонистов, враждебных большевизму, чей закат Нариманов предрекал (естественно, в силу исторической ограниченности) и потому подвергся посмертной репрессии.
1956, восклицательный знак, тут особой пронизательности не требуется: реабилитация.
1970, знак вопроса, имеется в виду, что столетний юбилей Нариманова не отмечен, помешал юбилей вождя большого, и вовсе забыто за давностью лет, оно к лучшему! что некогда оба вождя гляделись рядом, мировой и восточный, их рисовали похожими, как братьев-близнецов, и народный ашуг, или ашыг, прижав к груди трехструнный саз, пел вдохновенно на хлопковом поле, чайной плантации, у нефтяной вышки на измазанном мазутом пятачке: К нам шагает с доброй вестью,
к нам стремится издалека седовласого Востока Ленин
Нариманов, вождь-учитель с ясным взором.
1972, реплика ха-ха, курьёз с установкой в Баку памятника Нариманову: кто-то бдительный измерил, что памятник этот на несколько вершков выше памятника Миронычу, нельзя допустить, чтоб свой превысил нашего! это местнические амбиции, национализм! а громче всех кричали гянджинцы, де, мы - кировабадцы и не дадим Кирова в обиду! Решили укоротить, пожалев ноги Наримана, а тем более не за счёт головы, пьедестал, нарушилась пропорция, надстройка, собственно фигура, деформировала базис, - шифрованный стиль времен недавних, когда песнопенья в честь идиолов.

впрочем, памятника Миронычу уже нет: сняли голову с плечами и гигантской рукой, что была больше всей фигуры, и грабасто распростиралась над бухтой, владея небом и морем; долго торчали на пьедестале ноги-обрубки, пока их не убрали.

1991, нескончаемые манифестации у памятника доктору N, который вздумал было, сколько их, докторов! лечить больное общество, страну, государство, и памятник вовсе не похож на оригинал реального Нариманова, выкрики:

долой!

предался чужим!

призвал красные войска!

раздарил земли, якшаясь с мстительными, которые пролили столько тюркской крови!

дым ест глаза, толпа кричит, скандируя:

убрать!

снести!

и цепью, накинутой на фигуру, сдавило шею... - лишь шевеленье губ, но кто слышит? нахмурилось чело:

он вовсе не желал торчать тут, где свирепые ветры!

и тягач, натужно ревя...

1995, но дата подвижна, бег последней цифры достиг нуля, сменилась вся цепочка, обозначив новое тысячелетие, жизнь повествования Доктор N продлилась.

впрочем, кто теперь читает романы, к тому же исторические, дабы уроки прошлого... - о Боже, эти банальности и тривиальности, вроде летящей птицы или струящегося света.

О Всемогуший и Сокрытый от всех взоров, Всевидящий, Вычисляющий судьбы и Открывающий истину, Благородный и Терпеливый, прости палачам, хоть и ведали, что творили, ибо на то Твоя воля, Ты Сведущ и Мудр, и жертвы успокой, чтоб не страдали, - и тех, кто сам мог быть палачом, останься в живых, и тех, кто ни в чем не повинен.

И, предлагая читателю во облечение

КАТАЛОГ ИМЕН

некоторые из тех, кто упомянут или чей дух присутствует в романе, каюсь в грехах, если по недомыслию или поддавшись безотчетному гневу, возвел на кого напраслину, запамятовав, что есть у них дети и свято родительское имя.

Абашидзе Ламия, аджарка, знаменитая бакинская активистка женского движения из уплотненного большевиками углового дома миллионера Кардашбека.

Авакян Багдасар расстрелян в числе бакинских комиссаров, не будучи им, оказался с вождами Коммуны в одном тюремном списке.

Агамали-оглы славен лозунгом: Вы нам из Урсиета (России) революсия качай-качай, а мы вам из Баку нефть качай-качай.

Азизбеков Мешадибек расстрелян как бакинский комиссар, 2-ой в символической четверке 26-ти, олицетворяющей дружбу народов: он тюрк, Шаумян армянин, Джапаридзе грузин Фиолетова русский.

Айолло Гриша - бакинец, рисковый покерист, первая скрипка в оркестре Диктатуры Центрокаспия: власти, которая сменила Бакинскую коммуны. Сам себя вытащил из революционного болота за волосы, как выразился однажды в Лондоне, куда бежал и где умер, тоскуя по Баку.

Алиев - тюрк, в совершенстве освоивший армянский язык, незаменимый в делах

бакинской жандармерии для слежки за армянами, переводчик на русский устава боевой дружины партии Дашнакцутюн.

Альтман, поэт, с эллином был эллин, с красными - красный, приветствовал большевиков в Баку, клялся в любви к Персии, грозился: Шах и мат дадим мы шаху! и далее: С каждым днем он ближе к краху.

Амбарцумян из армянского клана купцов, полководцев, учёных при дворах османском, персидском, российском, советском, возглавлял Советскую власть в Нагорном Карабахе.

Амиров Татевос, предводитель дашнакского отряда, включен за благородный порыв - заступился за брата-большевика! 26-ым в список бакинских комиссаров, расстрелян.

Амирян Арсен казнён как большевик, чьи откровения в газете Бакинский рабочий - критиковал армянских националистов, авантюризм которых привёл к истреблению армян в Турции в 1915 году, вызывали гневную отповедь у его старшего брата Татевоса.

Андраник, в скобках через дефис паша, или генерал турецкой армии. Шаумян обращался к нему как вождю армянского народа. В песне армянских части в Баку в дни мартовской бойни тюрк рефреном звучало двестише со звучной рифмой йаша, живи! здравствуй! и паша: Живи, генерал, и здравствуй!

Атабекян любил задавать Нариману вопросы любопытствующего о Коране, часто его цитируя: Сражайтесь на пути Аллаха (опустив: с теми, кто сражается с вами), убивайте их, где встретите, и изгоняйте их (снова опустив: оттуда, откуда они изгнали вас, и не преступайте).

Атила, король гуннов (V век), чьи войска доходили до Рима и Константинополя. Предводитель первой тюркской империи, из 16-ти, ещё были: Восточные и Западные Гунны, Гунны Белые, Голубые тюрки, империи Аварская, хазаров, Уйгурская, караханидов, казневидов, сельджуков, хорезмшахов, Золотая Орда, империи Тимура, Бабура, Оттоманская.

Бабек - из славных, в утешение тюркам, имён борцов против иноземных, в данном случае - арабских захватчиков.

Банин - лишь дуновенье имени, ассимилировавшаяся азербайджанка французской культуры, писательница, внучка бакинских миллионеров: по отцу Шамси Асадуллаева, по матери - Мусы Нагиева.

Басин Меир расстрелян как бакинский комиссар, не будучи им.

Берия Лаврентий, карьера которого началась в Баку: был заместителем председателя ЧК советизированного Азербайджана.

Берг Эжен расстрелян как бакинский комиссар, не будучи им.

Бичераховы Лазарь и Григорий, братья-разбойники, первый - храбрый казак, знаменитый персидскими рейдами в тыл врага; мечтали в неразберихе гражданской войны учредить на Северном Кавказе бичераховскую республику, или, на манер британцев, королевство.

Богдановы Анатолий, Соломон, братья, расстреляны как бакинские комиссары, не будучи ими.

Боева, сменившая имя Нина на Нинель, что читается с конца, за вычетом мягкого знака, как Ленин, слушательница Коммунистического университета, или Свердловки, однажды задала Сталину вопрос свободе дискуссий в партии, его генсекстве, и Сталин честно признался, что готовится к новой, седьмой по счету, отставке, но предчувствует, что снова откажут. И что тогда? - не унималась Боева. С удвоенной энергией возьмусь за дело,- ответил Сталин, не уточнив, какое?

Борян Арменак расстрелян в числе бакинских комиссаров.

Будённый из жизни конной, киса с усами, из позднего фольклора.

Бухарин, любитель строго секретных каламбуров во время кровавых заседаний: Иным (кому?) голенище заменяет портфель.

Валидов Заки, бывший коммунист, вдохновитель воинства: в прошлом басмачей, впоследствии - борцов с большевистским игом. Девиз его: Я не большевик и не меньшевик, я башкир. И моё, автора, сожаление что, будучи в Стамбуле, не встретился с ним, тогда живым (поди потом докажи КГБ, что ты не верблюд).

Везиров Мир-Гасан расстрелянный бакинский комиссар из обширного клана деятельных карабахских Везировых.

Велунц - покерист, склонный к эпатажу. С его запиской члена Президиума Диктатуры Центрокаспия начальнику бакинской тюрьмы, где содержались комиссары, Микоян освободил их и посадил на пароход Туркмен, отплывающий якобы в Астрахань.

Володя Маленький, не искать аллюзий с иными, - из боевой дружины эсдеков, казнил в Баку тюркского литератора Мир Сеида.

Вургун Самед: стихи коммунистического поэта из трагедии Вагиф любил декламировать боец азербайджанского легиона, за что и был арестован; Мамед Эмин убедил фашистское гестапо, что стихи националистические, в образе шаха выведен Сталин и тем спас земляка (ни слова о том, что поэт атаковал националиста Мамед Эмина: Эй, всякие там Расулзаде, трепещите! Ваши вражки сердца изойдут кровью!

Вышинский, тот самый, Андрей Ягуарьевич, гротспалач в картотеке знаменитых бакинцев-москвичей.

Габышев Иван расстрелян в числе бакинских комиссаров.

Гаджи, он же Тагиев Гаджи Зейналабдин, почетный гражданин Баку на все его времена, и не всякий гаджи - Гаджи.

Гаджинский Мамед Гасан - оратор в демократическом парламенте, в ком погиб архитектор. Знаменит фразой, брошенной как председателем в разгар обсуждения парламентом большевистского ультиматума о сдаче власти, мол, Не та, так эта! дескать, какая нам разница, болтунам и интриганам, под чью дудку впреть: белых или красных?

Гасан - юный милиционер в охране Нариманова, мой отец, умыкнул приглянувшуюся ему мою будущую маму, по её же воле... - ещё молод, но уже старше него его внук, названный в честь деда.

Гитлер упомянут в связи с Мамед Эмином: фюрер пригласил его вести политическую работу среди земляков-тюрков национального легиона, Мамед Эмин поверил, что разгром большевистской России поможет восстановить независимость Азербайджана, и он победителем вернется в Баку. Поняв самообман, бежал от Гитлера, как некогда от Сталина.

Григорьянц, из эксов: успешно похищал (со Сванидзе) бакинских миллионеров, требуя за них выкупа якобы для нужд большевиков (Муса Нагиев откупился ста тысячу рублями).

Грин-Марше, шляпных дел мастер в Баку.

Деникин, отвергаемо-почитаемая фигура, из чьей фамилии в лингвоигре образуются слова, созвучные его политическим целям: един (соответственно, неделим), а также инки, империя которых почитала триаду богов: Солнце, оно, как последняя на земле Российская империя, закатилось, Гром прогремел над красными и белыми, уничтожив и тех, и этих, а Луна, сокрывшись за тучами, так и не выглянула.

Джапаридзе Алёша, расстрелянный бакинский комиссар, кому тщетно доверяли тюрки в дни мартовской их бойни.

Джугашвили, см. Коба, кого не раз спасал в Баку от гибели Мамед Эмин, а однажды прятал в мечети, где тот притворился немым.

Достоевский мечтал о том, чтоб центром славянского мира стал Царьград, он же Константинополь, он же Стамбул.

Дункан Айседора - организатор вечеров живых картин: в танце воплотить лозунги коммунизма.

Елисавета Алексеевна, принцесса Баденская, мама будущего царя Александра II. В её

честь древняя Гянджа была переименована в Елисаветполь; на короткое время город вернул былое имя, снова переименован - в Кировабад; ныне, думается, навсегда - Гянджа.

Есенин Сергей, введенный в поэтическое заблуждение новой властью в Баку (Киров и К°), а еще точнее - самому хотелось поиграть в этот лирический обман: долго возили по Апшерону и привезли якобы в Персию, где и родились персидские мотивы.

Жордания - лидер закавказского масштаба, изумлялся наивности Наримана, верившего в мировую революцию и скорое исчезновение на земле всех наций. Тщетно пытался в Париже возродить дружеское общение между эмигрантами-кавказцами.

Зевин Павел расстрелян как бакинский комиссар.

Зиновьев Григорий вождь, учитель, спец по экспорту революции, Елисаветград был переименован в Зиновьевск; прозван ромовой бабой: дескать, тощий как жердь, стал после революции толстым, как ромовая баба. Автор неологизма ленинизм.

Иванов Вячеслав заброшен в Баку, профессор учреждённого Азербайджанской Демократической республикой Бакинского университета, жил с детьми в курительной комнате, пожертвованной профессорами университета, рядом анатомический музей со скелетами. Потрясение - шагающие верблюды. Размышлял о мусульманских шиитской мистерии Шахсей-Вахсей в память об убиенном имаме Гусейне, сопровождается самоистязанием участников траурного шествия. Вспоминал Петербург, где в башне, полукруглой мансарде над Таврическим садом, устраивали вечера Гафиза: Снова свет в таверне верных гафизитов... Сердца и уста, очи и уши мои - к вам устремились. Звучали стихи: Вина пряны, зурны сладки, рдяны складки пышных риз. Упои нас, кравчий томный! Друг, признание лови! И триклиний наш укромный станет вечерей любви...

Нариманов помог с командировкой в Италию, куда уехал насовсем.

Казбеги - грузинский писатель, имя героя которого Коба выбрал себе в псевдонимы Джугашвили-Сталин.

Кабахидзе назвал Серго сталинским ишаком.

Калинин - из четырех Председателей ЦИК СССР от РСФСР, став всесоюзным старостой, придавал указами видимую законность террору.

Каменев - вождь, учитель. Любил, живя в Кремле, привечать Наримана, ценя в нём писательство. Друг Кобы, однажды, предоставляя слово Нариману на Политбюро, употребил высокие эпитеты, но, уловив недовольство друга, сказал: Не придавайте сказанному никакого значения.

Кара Гейдар из воинствующих младокоммунистов, тиранья тень.

Каталикос (армянский) Матевос II, избран в октябре 1909 г. волей народа и утверждён Его Императорским Величеством Николаем II, поддерживал во имя победы русского оружия тесные связи с депутатами армянской национальной Ассамблеи Турецкого парламента, провоцировал на вооружённые восстания внутри Турции.

Кёроглу - эпический символ, миф, возбудитель словесной энергии, духа воображаемой борьбы и победы в моих земляках.

Коба, см. Сталин: спас от расстрела Мамед Эмина, увёз в Москву, но тот, неблагодарный, бежал от спасителя за границу, учуяв в нём, как напишет впоследствии, тирана всех времен и народов.

Коганов Марк расстрелян как бакинский комиссар, не будучи им.

Колесникова - из бакинских комиссаров (ссарш?); дабы не вносить путаницу в умы трудящихся, улетучив пропагандистский эффект от гибели 26-ти бакинских комиссаров, партией решено было умолчать о ее комиссарстве: все комиссары расстреляны, ни слова о живых!

Колчак - гремучая смесь кровей, на лике утонченный Восток, не языческий, а магометанский; в предках - половецкий хан Кончак, серб, принявший мусульманство,

османский генерал, или трёхбунчужный паша, Колчак, сотник Казачьего войска, царский военачальник Калчак, воспетый Ломоносовым; а он сам Верховный правитель России, шёл грозно, чтоб воцариться в Москве, но не сумел переиграть судьбу. Пал в результате измены: свой же выдал красным, расстрелян.

Конфуций, о ком вспоминали в Бакинском парламенте, включив в правительственную программу его мысль: Никогда не поступай в отношении других так, как не хочешь, чтоб они поступали по отношению к тебе; подобное высказывалось и ранее - Моисеем.

Корганов расстрелян как главнокомандующий Бакинской Коммуны.

Костандян Арам расстрелян как бакинский комиссар, не будучи им.

Кручёных спасался от голода в Баку, где вспоминал поэтические забавы - как с Маяковским и Бурлюком в юбилей трехсотлетия Романовых выступили с манифестом Пощечина общественному мнению. Хлебников, слушая стихи, уснул, к чинаре прислонился: Дыр, бул, шил... - и тут Хлебников проснулся, ему булка почудилась, точнее - бублик, который во сне, как колесо, катился, и никак не поймать. Да,- заметил,- хорошо звучат, когда голоден. И окончание стихов: Убещур, Р, И, поэт.

Лалаян, чьи легионеры кровью тюрков-азербайджанцев орошали земли по маршруту Баку - Шемаха с охватом окрестных районов.

Ленин - вечно живой.

Лермонтов, чьи строки о России - стране рабов, стране господ, часто цитировал Нариман.

Лильяна, на тюркский манер - Лейла, величали еще Вандой, полька, жена Мамед Эмина в его эмигрантских скитаниях. Сочиняла стихи, подписывая их псевдонимом Helen (многоименность ее загадочна).

Малыгин Иван расстрелян как бакинский комиссар.

Мамед Эмин (Расул-заде), чьей дорогой могли пойти, и неведомо, куда бы нас завела, да помешали, а кто - не столь важно, когда снова на нее ступили и неясно, куда приведёт. Сожаление автора, что, будучи во времена железного занавеса в Стамбуле, не встретился с еще живыми, которые его знали.

А могилу Мамед Эмина посетил?

Знал ли я о нём? Всего лишь - атакующие стихи о всяких расул-заде.

Маркс см. Энгельс, чей портрет висел в кабинете Маркса в годы работы над Капиталом, эпитафией капитализму.

Махфират, мама моя, дочь Мелик Мамеда.

Маяковский, о ком вспоминали поэты, коих голод погнал в Баку: его дружбе с флейтой - сыграть ноктюрн на флейте водосточных труб и скрипкой Знаете что, скрипка? Давайте будем жить вместе! Нариман вспоминал о нашем тифлисе в беседах с Ханум, племянницей, приобщая к современному русскому языку: о переделке жизни до последней пуговицы в одежде, и как поэт воспел мировую революцию, в которую Нариман порой верил: ... из Смольного - к рабочим Берлина, далее Брюссель и Летучий Голландец, Красный Париж и - за Ламанш, чтоб вывести наружу подвалы Лондона (уплотнив дома буржуев). Ну и пронестись над океаном Атлантическим, чтоб вспыхнула Америка.

Метакса Ираклий, грек, расстрелян как бакинский комиссар, не будучи им (в чью честь-греческий коньяк?).

Микоян - виртуозный большевик: в ливень проскочить меж струй и остаться сухим. Объект шуток Кобы: называл его 27-м бакинским комиссаром. Впрочем, кого только так не называли, даже меня!

Мирза Джалил (Мамедкулизаде) - великий тюркский писатель, рекомендуется прочесть повесть Уста Зейнал (о тюркском Обломове и армянском Штольце), Цирюльник - о фатализме, Почтовый ящик, из которого вышли тюркские литераторы, как русские - из

Шинели Гоголя, Да благословит его память Аллах!

Мирзоев, тюркский нефтепромышленник, торговец, в его обширном помещении на Барятинской продавались мануфактурные и полотняные товары драп, кастор, шевиот, камгард, диагональ, драбедам (сукно дамское), плюш, фурюр, фланель, вигонь фасонной и гладкой выработки всех цветов, бобрик, урс, сукно гвардейское и ворсовое, платья бальные в заготовленном виде парижских моделей, шторы швейцарские, тюлевые, шторы конгресс, Бон-Фон, портьеры джутовые, бумазая кипорная, пикеевая, твилъс, фуляр и муслин, одеяла мантионьяк, бобриковые, зефиновые, пуховые... - перечень можно получить в магазине.

МирСаид Султан-Галиев, в отличие от которого Нариман выражал свои взгляды без тайнописей и выступал против Сталина открыто. Жертва доверчивости. Породил в партийной лексике кремлевских вождей термин султангалиевщина,- из возможных судеб Наримана, останься он в живых (через запятую - наримановщина).

МирСеид Мовсумов слыл тюркским Горьким. Убит, ибо заподозрен в связях с охранкой, Володей Маленьким.

Мишне Исай расстрелян как бакинский комиссар, не будучи им (За что? убивалась родня).

Мовла-заде Мамед-Гасан весьма доходчивым языком перевел Коран на тюркский,- вышел из печати и поступил в продажу, издание дешевое и доступное всякому.

Мясникян - лидер советской Армении, армянский Нариманов: при первом голосовании о статусе Нагорного Карабаха (оставить в составе Азербайджана, признав неотъемлемой частью, на правах автономии), - высказался против, а при повторном голосовании, воздержался.

Нариман - демократ-просветитель, бакинский комиссар вне 26, ибо не расстрелян, председатель Ревкома, Совнаркома Азербайджана, один из четырех председателей ЦИК СССР от ЗСФСР, Закавказской Федерации; шли путём Наримана и оказались у края пропасти; вернуться, чтобы идти иной дорогой и снова неведомо, куда приведёт? идти, оглядываясь назад и не отказываясь от пройденного пути?

Орахелашвили Иван, он же Мамия, закавказский деятель, кого в Тифлисе в июльскую жару тщетно звали проголосовать при решении карабахской проблемы: был, заседал, исчез, ищут по сей день.

Осепян(ц) Сурен расстрелян как бакинский комиссар.

Папазян Гарро - из армян-депутатов турецкого имперского парламента (чьи чистосердечные признания весьма поучительны).

Петров Георгий расстрелянный бакинский комиссар.

Полухин Владимир расстрелянный бакинский комиссар.

Радек Карл - деятель по экспорту революции российского образца. Убит в тюрьме, куда был засажен Кобой в конспиративных целях. Автор неологизма сталинизм.

Рембрандт - бакинский фотограф на Парламентской, освоивший искусство световых эффектов.

Сагателян, будучи членом Государственной Думы, любил вспоминать великих армян, служивших России.

Сароян Уильям - великий американец (яркие думы его об Андранике).

Серго - любимец масс, за кем закрепились характеристики рукоприкладство и сталинский ишак.

Серебровский прозван Наримановым королем нефтяной монархии, мастером опустошения вчистую недр Баку.

Солнцев Фёдор расстрелянный бакинский комиссар.

Сталин см. Джугашвили, который выбился в революционные подмастерья в Баку, замечательный грузин, чью фамилию никак не мог однажды вспомнить Ленин. Верный

ученик - соратник - навеки вместе.

Тойнби, великий английский историк, свидетель кавказских авантюр по геноциду.

Уцмиев Мехти Хасаевич вселял уверенность в автора по завершению Доктора N, правнук поэтессы Натеван.

Фиолетов Иван - расстрелянный бакинский комиссар, олицетворял братство народов как представитель русского народа.

Хлебников, участвуя в революционном рейде, по пути из Баку в Персию временно приостановил звание Председателя Земного Шара, удостоился сана странствующего дервиша. Угадал задолго до Февраля и Октября с помощью математических формул день начала в России революции, наступления конца времён.

Церетели, Цивцивадзе, Циндадзе, Цхакая... - революционные деятели: проскакали, процокав копытами коней, прогремели, опалив огненными речами Россию, Закавказье.

Чингиз, коих было и есть немало, орудуют кто мечом, кто скальпелем, кто пером. Здесь - Чингиз Ильдырым, большевистский подпольщик, внедренный в Азербайджан для сокрушения демократии, погиб под обломками.

Шаляпин Фёдор - бас, покоривший в Баку миллионера Гаджи, двое суток, не прерываясь, кутил с тюркскими артистами в духане.

Шаумян Степан, 26-й, но самый главный вождь интернациональной Бакинской коммуны, спешил с мандатом из Тифлиса в Баку, будучи Чрезвычайным ленинским комиссаром по делам Кавказа и Турецкой Армении.

Ширинбала, боцман из Сальян, подаривший в жены любимому капитану Мелик Мамеду свою единственную сестру, чье имя в переводе на русский Сладкая девочка, или Ширингыз, и она стала третьей женой моего деда Мелик Мамеда.

Энгельс см. Маркс, в чьем кабинете висел знакомый всем портрет мудреца, друга, соратника Энгельса, компаньона по зачинательству нового революционного учения - марксизма, реализованного в России в порядке эксперимента, притом неудачного.

Юсиф, или Иосиф, - воображаемый образ тирана Сталина в незавершённой трагедии Наримана.

Яр-ский сокращён по авторской поспешности, имеется в виду Емельян Ярославский, автор знаменитой Библии для неверующих, преданный Сталину воинствующий безбожник, да накажет, но и простит его Всевышний, чьим именем начат и завершён предложенный вниманию читателя сей КАТАЛОГ в помощь всем, кто найдет время и охоту перелистать ненаписанные страницы разбухшего нехстати романа.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)